

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (28), 2024

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 3 (28), 2024

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 3 (28), 2024

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Греньев, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджтауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТьГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 3 (28), 2024

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, UT, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская Мифологема <i>Пушкин и Гоголь</i> и ее репрезентации в русском сетевом фольклоре	10
А. М. Сердюк “Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Россия и русские в романе «Home Life in Russia» (1854)	24
Т. В. Мальцева Образ иконы в богомольном травелогe	43
Е. Г. Николаева Интертекст в романе В. Набокова «Отчаяние»: лев и собачка	61
А. П. Марьюшкина Пародирование женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина	80

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

С. В. Кезина, М. Г. Луннова Возраст слов и их частотность как факторы сохранности русского колоративного словаря	102
Т. Е. Лебедева Динамика лексического состава группы имен существительных со значением ‘место за ориентиром’ в истории русского языка	118
В. А. Гавриков Лингвистическая графика у Иосифа Бродского: семантизация буквенных начертаний	141

Е. В. Белецкая, Д. А. Климова, А. Г. Дудкина Литературный язык vs интернет-сленг	162
В. В. Королева, М. С. Румянцева Интерпретирующая функция концептуальной метафоры с лексемой 'market' в англоязычном экономическом дискурсе (на материале статей журнала «The Economist»)	176
Л. А. Гаспарян Специфика культурного трансфера в переводе	194

ДИСКУССИЯ

Е. А. Цуканов Карикатура как форма гностической деструкции бытия: массмедийный аспект	208
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова «Уникальный и загадочный писатель»: Венедикт Ерофеев в биографическом исследовании Александра Сенкевича	220
---	-----

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Veronika I. Abramova, Iuliya V. Arkhangelskaya Mythologeme <i>Pushkin and Gogol</i> and Its Representations in Russian Online Folklore	10
Anastasia M. Serdyuk “Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Russian Empire and its People in <i>Home Life in Russia</i> (1854)	24
Tatiana V. Maltseva The Image of the Icon in a Pious Travelogue	43
Ekaterina G. Nikolaeva Intertext in V. Nabokov’s Novel <i>Despair</i> : Lion and Dog	61
Anastasia P. Maryushkina Parody of Women’s Discourse in V. Pelevin’s <i>The Invincible Sun</i>	80

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Svetlana V. Kezina, Marina G. Lunnova Age of Words and Their Frequency as Factors in Preservation of the Russian Color Vocabulary	102
Tatiana E. Lebedeva Dynamics of the Group of Nouns with the Meaning ‘Place behind a Landmark’ in the History of the Russian Language	118
Vitaliy A. Gavrikov Linguistic Graphics by Joseph Brodsky: Semantization of Letter Styles	141

Elena V. Beletskaya, Diana A. Klinkova, Anna G. Dudkina 162
Literary Language vs Internet-Slang

Vera V. Koroleva, Marina S. Rumyantseva 176
The Interpretive Function of a Conceptual Metaphor
with a Lexeme 'Market' in English Economic Discourse
(Based on the Articles by *The Economist*)

Luiza A. Gasparya 194
Specifics of Cultural Transfer in Translation

DEBATE

Evgeny A. Tsukanov 208
Caricature as a Form of Gnostic Destruction of being:
Mass Media Aspect

REVIEWS

Natalia K. Danilova 220
"A Unique and Mysterious Writer": Venedikt Erofeev
in a Biographical Study of Alexander Senkevich

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская

Мифологема Пушкин и Гоголь и ее репрезентации в русском сетевом фольклоре

Миф о личных и творческих взаимоотношениях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, существующий в русской культуре начиная с середины XIX века, опирается на то, что писатели были знакомы и виделись не раз, а кроме того, считается, что Пушкин передал Гоголю сюжеты самых известных его произведений – комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души». В современном литературоведении предпринимаются попытки как подтвердить, так и развенчать этот миф. В интернет-фольклоре он поддерживается и транслируется, но приобретает при этом комическую окраску: Гоголь и Пушкин обмениваются сообщениями, комментариями, предстают в образах героев известных фильмов и др. В основе интернет-презентем, эксплуатирующих миф о дружбе гениев, лежат такие темы: 1) Пушкин и Гоголь как два столпа русской культуры (они олицетворяют русскую литературу «золотого века» и являются блюстителями правильности русского языка); 2) творческие взаимоотношения писателей (Гоголь просит у Пушкина идеи для произведений, Пушкин дарит Гоголю сюжеты и не только, писатели ведут беседы о поэме «Мертвые души»); 3) Пушкин и Гоголь в памяти потомков (репрезентация с помощью мифологема памятника).

Ключевые слова: Пушкин, Гоголь, сетевой фольклор, миф, мифологизация, демифологизация, репрезентация, креолизованный текст, русская культура.

Для цитирования: Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Мифологема Пушкин и Гоголь и ее репрезентации в русском сетевом фольклоре // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 10–23. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_10. EDN: ZQMPGQ

Проблемным полем данного исследования являются крайне важные и интересные для современных литературоведов писательские мифы, которые формируются вокруг личностей известных деятелей русской словесности. Один из специалистов в этой области, М. В. Загидуллина, пишет, что «при анализе современного литературного мифостроительства нужна опора на концепцию функционирования

классических литературных феноменов в современной культуре» [9, с. 27], настаивая на широком привлечении разнообразного материала, отмечает, что «следует рассматривать сами технологии репрезентаций мифа, которые особо осложняются в век всеобщей диджитализации» [9, с. 30].

Размышляя о формировании писательских мифов, И. В. Банах делает вывод о том, что они складываются в результате неизбежного искажения в обыденном читательском сознании представлений «о фигурах историко-литературного процесса, о перипетиях их биографии и творческой судьбы» [4, с. 35]. Особенно интересным представляется рассмотрение в данном ракурсе «двойного» писательского мифа, сформировавшегося вокруг А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Этот миф начал складываться еще в XIX веке. В его основе лежат «представления о якобы существовавшей неразлучной дружбе и бесспорной литературной преемственности двух писателей» [4, с. 35]. Формированию данного мифа, как считают исследователи, способствовали сам Гоголь и литературные критики 1830-х – 1840-х гг., в первую очередь, В. Г. Белинский, который заявил в своей статье «Русская литература в 1843 году», что «Гоголь сделал в русской романической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии» [5, с. 208]. Представление о том, что Пушкин и Гоголь на равных вошли в русскую литературу, являясь конгениальными, активно поддерживалось в советском литературоведении и формировалось на основе многочисленных утверждений не только о творческих, но и о тесных дружеских связях писателей. В ряду таких исследований стоят труды Д. Д. Благого [6], Г. П. Макогоненко [13], Б. В. Томашевского [20]. Сформировалась и противоположная тенденция, в рамках которой дружба и творческая преемственность двух писателей подвергались сомнению. С представителями «официального» академического литературоведения спорили литературные критики из среды русской эмиграции, в частности, А. Синявский и Ю. Дружников. Последний в своей книге «Дуэль с пушкинистами», опираясь на обширный биографический материал, привлекая письма писателей, свидетельства современников, делает вывод о том, что и сама дружба, и покровительство, и сюжеты, якобы «подаренные» Гоголю Пушкиным, – это мастерски созданная автором «Мертвых душ»

мистификация: «Уникальность описываемой ситуации в том, что великий прозаик Гоголь сам, с начала литературной карьеры до ее конца, творил фундаментальное свое произведение – миф о дружбе с великим поэтом России» [10, с. 14]. Более того, в оппозиционно настроенном литературоведении, как отмечает Ю. В. Манн, появилась противоположная мифологема о ссоре Пушкина и Гоголя, которая, по мнению ученого, так же не соответствует действительности, как и мифологема о тесной дружбе: «Отношения Пушкина и Гоголя ограничивались литературной сферой, но в рамках этого ограничения были достаточно определенными и стабильными» [14, с. 356].

Демифологизация взаимоотношений Пушкина и Гоголя происходила и в неофициальной культуре – в анекдотах Д. Хармса, в пародирующих их «Веселых ребятах» Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого. В этих текстах развивалась т. н. «конфликтная версия»: Пушкин и Гоголь спотыкаются друг о друга (Хармс), стреляются на дуэли, передеваются друг в друга и совершают под чужой личиной нехорошие поступки («Веселые ребята»). Пушкин и Гоголь превратились в комическую пару, восходящую к мифологическому бинарному архетипу. Показательно в этом плане, что современный сборник исторических анекдотов, в котором собраны курьезные случаи из жизни всех известных русских литераторов от В. К. Третьяковского до А. И. Куприна, составитель Е. Я. Курганов назвал фразой «Однажды Гоголь пришел к Пушкину...» [15].

Целью нашего исследования является анализ репрезентаций пушкинско-гоголевского мифа в русском сегменте сети Интернет. Задачи, которые необходимо решить: сбор материала, интерпретация содержания и формы найденных образцов сетевого фольклора, установление соответствия отраженных в них событий реальным фактам и существующим в русской культуре мифологемам.

Гипотеза исследования – в русском сегменте сети Интернет пушкинско-гоголевский миф в основном поддерживается в своей первоначальной и наиболее распространенной версии (Пушкин и Гоголь – два столпа русской литературы, связанные узлами тесной дружбы и творческими планами), но переводится в иронический план и дополняется новыми мифологемами.

Материалы и методы

Объектом исследования является фольклор русского сегмента сети Интернет. Говоря об интернет-фольклоре, мы имеем в виду такие разновидности неофольклора, как креолизованные и некреолизованные тексты, транслирующиеся в Сети, которые, с одной стороны, обладают свойствами традиционного фольклора (анонимностью, воспроизводимостью в разных ситуациях общения, вариативностью, импровизационностью, синкретичностью), с другой стороны, связаны с виртуальной средой своего бытования и часто не могут существовать вне ее.

Материалом для исследования послужили репрезентации мифологемы Пушкин и Гоголь (два столпа русской культуры; близкие друзья; комическая пара; памятники), функционирующие в фольклоре Рунета в форме сетевых анекдотов, мемов, мотиваторов, демотиваторов, стихков-пирожков и т. п.

При исследовании репрезентаций мифологемы Пушкин и Гоголь применялся комплексный анализ (сочетание биографического, историко-литературного и лингвокультурологического подходов).

Репрезентации мифологемы Пушкин и Гоголь отслеживались в Рунете с помощью поисковых систем Google и Yandex, систематизировались и комментировались с применением герменевтического подхода.

Результаты

Среднестатистический россиянин выносит из школьной программы представление о тесной дружбе Пушкина и Гоголя, которые олицетворяют в его сознании русскую литературу золотого века. В пространстве Сети функции писателей, чьи образы выступают в качестве маркеров национальной идентичности, расширяются: они защищают русскую культуру, вступают в борьбу за чистоту русского языка. При этом Пушкин и Гоголь выглядят как герои культового фильма американского кинорежиссера Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» Винсента Веги и Джулса Уиннфилда в исполнении актеров Джона Траволты и Сэмюэла Ли Джексона. Особенности внешности (длинные волосы Траволты, мелкие кудри и бакенбарды темнокожего Джексона) сближают об-

разы американских бандитов с каноническими портретами русских писателей. Известный кадр из фильма, на котором Винсент и Джулс стоят, вытянув вперед руки с пистолетами, преобразуется в русском сегменте Сети в мем, на котором Пушкин и Гоголь в узнаваемых позах требуют писать *жи / ши* через *и*, читать классику полностью, сдавать ЕГЭ по литературе, не делать орфографических ошибок. Популярный мем трансформировался в Рунете в схематическое изображение (два человечка с пистолетами в руках, в черных костюмах, белых рубашках и черных галстуках, один с гладкой головой, другой с волнистой) с подписью «Учебник русской литературы для 5 класса». В некоторых случаях текстовую часть мема составляет номинативная фраза «Литературное чтение» или «Пушкин + Гоголь bad boys» (плохие парни), непосредственно связывая изображение с фильмом К. Тарантино. Используется характерный для интернет-фольклора прием травестии – один из механизмов, формирующих карнавальный дискурс сетевой субкультуры: из классиков, показавших в своих произведениях отвратительность и губительность пороков и призывавших следовать только высоким нравственным идеалам, Пушкин и Гоголь превратились в Рунете в плохих парней с пистолетами, которые борются с несовершенством мира совсем не гуманными методами. В 2023 году после изменения кодификатора ЕГЭ по литературе и помещения произведений Пушкина и Гоголя в раздел, предполагающий не анализ текстов, а только привлечение их элементов для сопоставлений с другими, фразу «ЕГЭ по литературе сдал?» в текстовой части мема заменил вопрос «ЕГЭ по литературе составлял?» Для понимающего ситуацию реципиента очевидно, что Пушкин и Гоголь грозят уже не нерадивому ученику, а тому, кто собирается контролировать усвоение полученных знаний.

Школьная программа является для массового читателя авторитетным источником информации об истории создания Гоголем комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души». Пушкин выступает в ней в роли «волшебного помощника», «дарителя» сюжетов. Известный гоголевед В. В. Гиппиус писал: «Гоголь по совету Пушкина приступил к работе над „Мертвыми душами“». Известно из показаний самого Гоголя, что Пушкин не только внушил Гоголю самую мысль большого сочинения,

с широким охватом разнообразного жизненного материала, но и уступил ему собственный сюжет, “из которого он хотел сделать что-то вроде поэмы” [7, с. 34]. В письме от 7 октября 1835 года Гоголь отчитывался перед Пушкиным о том, как идет работа, и просил у него «анекдота» для комедии. Согласно официальной академической версии, старший собрат и на этот раз подарил младшему сюжет.

Существует и альтернативная точка зрения. И Ю. В. Манн, и Ю. Дружников цитируют фрагмент из «Литературных воспоминаний» П. В. Анненкова: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль “Ревизора” и “Мертвых душ”, но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил, смеясь: “С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя”» [2, с. 59].

Непростая история передачи сюжетов отражается в интернет-презентемах. На одной из них молодой, еще безусый и коротко стриженный Гоголь обращается к Пушкину: «Подари мне тему для комедии, семпай!» Старший товарищ закатывает глаза и подносит руку к лицу. Изображение выполнено в стилистике японских комиксов манга, поэтому обращение «смпай» органично встраивается в вербальную составляющую данного креолизованного текста. Смпай, или сэмпай, в японской корпоративной культуре – это товарищ, у которого больше опыта в какой-либо сфере деятельности.

Другая интернет-презентема представляет собой размещенные на черном фоне репродукции известных портретов Пушкина и Гоголя. Вербальная часть данного изображения помещена в филактеры: имитируется беседа двух литераторов. «Коль, а помнишь, я тебе анекдот рассказывал?» – интересуется Пушкин. «Да ладно тебе, Сань, давно дело было», – отшучивается Гоголь.

В 2009 году в Рунете появилась история о том, что Пушкин подарил Гоголю не только сюжеты прославивших последнего произведений, но и собаку. Автором текста был литературолог-любитель О. А. Сибирев¹. Используя стилистику анекдотов Д. Хармса о Пушкине и Гоголе, блогер в своем ЖЖ изложил

¹ Откуда взялась история о том, что «Пушкин подарил Гоголю мопса»? И правда ли она? Электронный ресурс. URL: <https://shakko.ru/1928891.html> (дата обращения: 05.06.2024).

полную абсурда легенду о трогательной привязанности Николая Васильевича к мопсу Джози, подаренному ему Александром Сергеевичем. Несмотря на нежную любовь к четвероногому другу, Гоголь забывал кормить животное, и мопс погиб от голода, а затем явился хозяину во сне и внушил ему каббалистические идеи. Предлагая свой текст читателям, О. А. Сибирев отсылал их не только к анекдотам Хармса, но и к произведениям самого Гоголя, в частности, к повести «Записки сумасшедшего», герой которой встречает говорящих собак.

История О. А. Сибирева превратилась в фейковую информацию, которая стала подаваться на различных сайтах в качестве интересных фактов о Гоголе. Е. П. Пьяных рассматривает фейк как один из элементов карнавальности, присущей сетевому пространству: «Виртуальный топос позволяет смешивать реальность и фантазию, законы карнавала стирают границы между правдой и неправдой, выдумкой, ложью. Карнавальное сознание делает правду явлением условным, относительным, даже неважным» [16, с. 46]. История о мопсе, подаренном Гоголю Пушкиным, стала популярной темой для видеороликов, размещаемых на сервисе TikTok, а также визуализировалась с помощью мемов и других интернет-презентем. Часто она представлена как диалог писателей. Пушкин интересуется: «Ну, как поживает собака, которую я тебе подарил?», «Привет, Коля! Как там мопс?» или напрямую спрашивает: «Почему мопс умер?» Гоголь делает вид, что ничего не понимает. Несколько презентем включают фотографию мопса и кратко изложенную историю о том, как он стал подарком Пушкина Гоголю.

Гоголь в письмах, статьях, заметках подчеркивал свою связь с Пушкиным. «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы», – писал он П. А. Плетневу в 1837 году, когда весть о смерти Пушкина достигла Рима [8, с. 258]. На одной из интернет-презентем пietet Гоголя перед Пушкиным представлен как зависимость. «Пересядь с иглы пушкинского одобрения на птицу-тройку», – обращается ее автор к создателю «Мертвых душ».

Стремление Гоголя быть подобным Пушкину в остроумных анекдотах Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого, появившихся в 70-е годы XX века, было обыграно с помощью мотива переодевания: «Гоголь переоделся Пушкиным, пришел к Пушкину и позвонил. Пушкин открыл ему и кричит: “Смотри, Арина Родионовна, я пришел!”» [12, с. 24]. В современных стихках-пирожках, которые определяются исследователями как «малые сетевые поэтические жанры» [11, с. 109] и формы «сетевого и городского фольклора» [20, с. 231], используется тот же мотив: «наклеил гоголь бакенбарды / кудрями волосы завил / твердит я пушкин пушкин пушкин / но стих не пишется облом»¹. В травестированном и буквализированном виде мотив переодевания представлен в следующем стихке-пирожке: «все жили в гоголя шинели / а пушкин вышел из неё / поосмотрелся почесался / и приказал чтоб вышли все»². Автором афоризма «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя» является Ф. М. Достоевский. В начале своего творческого пути он был представителем «натуральной школы», или «гоголевского направления» русской литературы. В процитированном нами стихке-пирожке ситуация переворачивается: из «Шинели» Гоголя вышли не последователи писателя, а его непосредственный предшественник, учитель, старший товарищ Пушкин.

Элементом гоголевского мифа является сожжение писателем второго тома поэмы «Мертвые души». Несмотря на то, что обозначенное событие произошло спустя пятнадцать лет после смерти Пушкина, этот элемент входит и в репрезентированный средствами Сети пушкинско-гоголевский миф. Двухпанельный мем, представляющий собой репродукции портретов Пушкина и Гоголя, сопровождает текст, помещенный в филактеры: «Ты зачем второй том “Мертвых душ” сжег?» – «Лайков мало собрал...». Презентема, имитирующая диалог в соцсетях Пушкина и Гоголя, представляет ситуацию с сожжением рукописи как принятое к действию руководство старшего товарища: «Пушкин: Глаголом жги сердца людей.

¹ Жанровые особенности стихков-пирожков: форма четверостишия, отсутствие заглавных букв, знаков препинания и рифмы, четырехстопный ямб, количество слогов в стихах – 9–8–9–8. Изначально пирожки имеют автора, который обозначает себя с помощью никнейма, но в процессе копирования и транслирования в Сети могут превратиться в анонимные тексты. См., в частности: Стихи.ру. Электронный ресурс. URL: <https://stih.ru/2012/01/26/560> (дата обращения: 04.06.24).

² Поэзорий. Электронный ресурс. URL: <https://poetory.ru/3026> (дата обращения: 04.06.2024).

Гоголь: ОК». На другой презентеме Пушкин и Гоголь охарактеризованы через перифразы «Солнце русской поэзии» и «Огонь русской прозы» (используется крылатое выражение, определяющее роль Пушкина в русской культуре, и построенная по его модели фраза, относящаяся к Гоголю и отсылающая нас к истории о сожжении второго тома поэмы).

В последнем примере мы видим не только и не столько сближение двух авторов, но и их противопоставление. «Пушкин и Гоголь. Наш двуликий Янус. Два зеркала двери, отделившей нас от старины», – образно выразился И. Ф. Анненский [3, с. 228]. Критики и литературоведы часто отмечали антитетичность и своеобразную полемичность творчества двух классиков: один написал роман в стихах, другой поэму в прозе; один «мыслит отрывками», другой «валит все в кучу» [18, с. 61]; один – созидатель, другой – разрушитель; в одном загадка, тайна «лишь “просвечивает”», в другом «кидается в глаза» [17, с. 257]. Б. В. Томашевский писал: «В творчестве Пушкина усматривают олимпийскую возвышенность, образец отрешенного от жизни “изящества”, аполлонической безмятежности и чистоты классического идеала. Напротив, Гоголь явился как бы дионисической натурой, все творчество которого построено на “шутках и изворотах”» [19, с. 281].

В пушкинский миф входит мифологема памятника, о которой мы уже писали в статье «Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета» [1]. Ее формирование связано и со стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и с установленным в Москве в 1880 году памятником поэту, и с посвященными этому скульптурному изображению литературными и фольклорными текстами. Московские памятники Гоголю тоже вошли в русскую лирику, стали предметами описания в стихотворениях М. Цветаевой, А. Кусикова, С. Кирсанова, П. Антокольского, Б. Ахмадулиной. В интернет-фольклоре нами были обнаружены презентемы, на которых Пушкин и Гоголь представлены именно в виде монументов. На одной из них Пушкин-памятник протягивает Гоголю-памятнику пресловутого мопса. Другая презентема имеет философский характер. Помимо памятников Пушкину и Гоголю на ней размещено изображение камня с надписью Αἰσχύλος (Эсхил).

Поле изображения разбито на четыре сегмента и имитирует комикс с разворачивающимся диалогом: «Гоголь: – Пушкин, ответь. Пушкин: – Спрашивай, Гоголь. Гоголь: – Есть ли жизнь после смерти? Пушкин: – Тебе зачем? Гоголь: – Есть ли жизнь после смерти, говорю? Пушкин: – Если представить себе, что однажды придет момент, когда тебя не станет, и на твоём месте здесь будет стоять нечто или ничто, заменяющее твою погибшую на волнах времени сущность, то можно... Эсхил: – Нету, Гоголь. Успокойся». Вопрос о посмертном существовании не случайно задает Гоголь. Героями его произведений часто становились ожившие мертвецы. Кроме того, элементом гоголевского мифа является легенда о заживо похороненном писателе, повернувшимся в зарытом гробу на бок. Закономерно и то, что свой вопрос Гоголь адресует Пушкину как старшему товарищу, который уже должен был постичь истину. Она сформулирована в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит». Однако Пушкин на рассматриваемой презентеме отвечает Гоголю туманной философской фразой в духе Мартина Хайдеггера. Его тираду прерывает Эсхил, утверждая, что посмертного бытия не существует. Согласно его точке зрения, неумолимое время сотрет память обо всех, даже масштабных личностях, независимо от рода их занятий. Проведенное нами исследование доказывает обратное. Память о выдающихся людях сохраняется в культурном поле, переходя на данном этапе существования человеческой цивилизации в цифровое пространство.

Обсуждение и выводы

Таким образом, сформулированная гипотеза доказана. Анализ показал, что в русском сетевом фольклоре мифологема Пушкин и Гоголь поддерживается в своей основной версии. В цифровом пространстве писатели представлены как друзья, ревностно осуществляющие общее дело; как общающиеся на равных классики русской литературы; как старший и младший товарищи. В сетевой пушкинско-гоголевский миф входят отдельные мифологемы из пушкинского (памятник) и гоголевского (сожжение второго тома «Мертвых душ», погребение заснувшего летаргическим сном) мифов. Мифологема *дарение*

сюжетов дополняется возникшей и распространяемой исключительно в сети мифологемой дарение собаки.

Чаще всего мифологема Пушкин и Гоголь репрезентирована в сети с помощью креолизованных текстов (мемов, мотиваторов, демотиваторов) и видеороликов. Образцы интернет-фольклора, имеющие исключительно вербальную основу (анекдоты, стишки-пирожки), встречаются довольно редко. В основном, перепечатываются анекдоты Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницкого, а в новых текстах эксплуатируется использованный авторами «Веселых ребят» мотив переодевания.

Таким образом, исследование показало, что основой для сетевого фольклора, репрезентирующего мифологему Пушкин и Гоголь, становятся не только биографические сведения, представленные в классических литературоведческих трудах и школьной программе, но и пародийные тексты, противопоставленные официальной версии о дружбе и преемственности двух писателей.

Список литературы

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 93–107.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1983. – 694 с.
3. Анненский И. Ф. Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье // Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – С. 225–233.
4. Банах И. В. О том, как Пушкин спотыкался об Гоголя, а Гоголь переодевался в Пушкина: деконструкция писательских мифов в русской литературе XX–XXI вв. // Contemporary Issues of Literary Criticism = Современные труды по литературной критике. Третий интернациональный симпозиум. – Тбилиси, 2010. – С. 35–45.
5. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 году // Н. В. Гоголь в русской критике. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – С. 206–214.
6. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. 1826–1830. – М.: Советский писатель, 1967. – 723 с.
7. Гиппиус В. В. Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. В 14 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. – С. 21–58.
8. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Правда, 1968. – Т. 4. – 495 с. (Библиотека «Огонек»).
9. Загидуллина М. В. Мифы о литературных феноменах: к вопросу о методологии изучения // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 4 (21). – С. 24–33.
10. Дружников Ю. Дуэль с пушкинистами. – М.: Хронограф, 2001. – 335 с.
11. Кронгауз М. А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («Порошок») // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2019. – № 4. – С. 109–126.

12. «Лев Толстой очень любил детей...»: анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу / Наталья Доброхотова-Майкова, Владимир Пятницкий; под ред. Софьи Багдасаровой. – М.: Эксмо, 2020. – 288 с.

13. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. – 351 с.

14. Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. – М., 2001. – С. 343–356.

15. Однажды Гоголь пришел к Пушкину...: Анекдоты о русских писателях / сост., вступит. статья Е. Я. Курганова. – СПб.: Пушкинский фонд, 2022. – 496 с.

16. Пьяных Е. П. Карнавальный дискурс сетевой субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 8 (430). – С. 44–50.

17. Розанов В. В. Загадки Гоголя... // О писательстве и писателях. Статьи 1908–1911 гг. – СПб.: Росток, 2016. – С. 256–266.

18. Терц А. (Синяевский А. Д.) Прогулки с Пушкиным. – М.: Глобулус, НЦЭНАС, 2005. – 112 с.

19. Томашевский В. Б. Пушкин. Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – 673 с.

20. Чемецова И. А., Исакова Е. А. Прецедентная «игра в бисер» как черта интернет-фольклора (на примере жанра «стишки-порошки» и «стишки-пирожки») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 230–234.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Veronika I. Abramova, Iuliya V. Arkhangelskaya *Mythologeme Pushkin and Gogol and Its Representations in Russian Online Folklore*

The myth about the personal and creative relationship between A. S. Pushkin and N. V. Gogol, which has existed in Russian culture since the middle of the 19th century, is based on the fact that the writers knew each other and saw each other more than once, and in addition, it is believed that Pushkin gave Gogol the plots of his most famous works – the comedy “The Inspector General” and the poem “Dead Souls”. In modern literary criticism, attempts are being made to both confirm and debunk this myth. In Internet folklore it is supported and broadcast, but at the same time acquires a comic overtone: Gogol and Pushkin exchange messages, comments, appear in the images of heroes of famous films, etc. The basis of Internet presentations that exploit the myth of the friendship of geniuses are the following topics: 1) Pushkin and Gogol as two pillars of Russian culture (they personify Russian literature of the “golden age” and are guardians of the correctness of the Russian language); 2) creative relationships between writers (Gogol asks Pushkin for ideas for works, Pushkin gives Gogol plots and more, writers talk about the poem “Dead Souls”); 3) Pushkin and Gogol in the memory of descendants (representation using the mythologeme of the monument).

Key words: Pushkin, Gogol, online folklore, myth, mythologization, demythologization, representation, creolized text, Russian culture.

For citation: Abramova, V. I., Arkhangelskaya, Iu. V. (2024) *Mifologema Pushkin i Gogol' i yeye reprezentatsii v russkom setevom fol'klоре* [Mythologeme Pushkin and Gogol and Its Representations in Russian Online Folklore]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 10–23. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_10. EDN: ZQMPGQ

References

1. Abramova, V. I., Arhangel'skaja, Ju. V. (2023) Znachenie Pushkina dlja russskoj kul'tury: mifologema i ee reprezentacii v fol'klore Runeta [The significance of Pushkin for Russian culture: mythologem and its representations in Runet folklore]. *Art Logos (iskusstvo slova) – Art Logos (The Art of Word)*. No. 4. Pp. 93–107. (In Russian).
2. Annenkov, P. V. (1983) *Literaturnye vospominanija* [Literary memories]. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ. (In Russian).
3. Annenskij, I. F. (1979) *Jestetika «Mertvyh dush» i ee nasled'e* [Aesthetics of “Dead Souls” and its legacy]. *Knigi otrazhenij* [Books of Reflections]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 225–233. (In Russian).
4. Banah, I. V. (2010) O tom, kak Pushkin spotykal'sja ob Gogolja, a Gogol' pereodeval'sja v Pushkina: dekonstrukcija pisatel'skih mifov v russskoj literature XX–XXI vv. [About how Pushkin stumbled over Gogol, and Gogol dressed up as Pushkin: deconstruction of literary myths in Russian literature of the 20th–21st centuries]. *Contemporary Issues of Literary Criticism = Sovremennye trudy po literaturnoj kritike. Tretij internacional'nyj simpozium* [Contemporary works on literary criticism. Third international symposium]. Tbilisi. Pp. 35–45. (In Russian).
5. Belinskij, V. G. (1953) *Russskaja literatura v 1843 godu* [Russian literature in 1843]. *N. V. Gogol' v russskoj kritike* [N. V. Gogol in Russian criticism]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ. Pp. 206–214. (In Russian).
6. Blagoj, D. D. (1967) *Tvorcheskij put' Pushkina. 1826–1830* [Pushkin's creative path. 1826–1830]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
7. Gippius, V. V. (1940) *N. V. Gogol'* [N. V. Gogol]. *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij. In 14 v. V. 1. Ganc Kjuhel'garden. Večera na hutore bliz Dikan'ki* [Gogol N. V. Complete works. In 14 vols. Vol. 1. Ganz Küchelgarten. Evenings on a Farm Near Dikanka]. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. Pp. 21–58. (In Russian).
8. Gogol', N. V. (1968) *Sobranie sochinenij v četyreh tomah. Tom 4* [Collected works in four volumes] Vol. 4. Moscow: Pravda Publ. (Biblioteka “Ogonek”). (In Russian).
9. Zagidullina, M. V. (2012) Mify o literaturnyh fenomenah: k voprosu o metodologii izučenija [Myths about literary phenomena: on the question of study methodology]. *Cheljabinskij gumanitarij – Chelyabinsk Humanitarian*. No. 4 (21). Pp. 24–33. (In Russian).
10. Družnikov, Ju. (2001) *Dujel' s pushkinistami* [Duel with Pushkinists]. Moscow: Hronograf Publ. (In Russian).
11. Krongauz, M. A. (2019) Pereosmyslenie teksta i motiv prevrashhenija v malom zhanre internet-pojezii («Poroshok») [Rethinking the text and the motive of transformation in the small genre of Internet poetry (“Powder”)]. *Slovo.ru: Baltijskij accent – Slovo.ru: Baltic accent*. No. 4. Pp. 109–126. (In Russian).
12. Bagdasarova, S. (2020) (ed.) «Lev Tolstoj ochen' ljubil detej...»: anekdoty o pisateljah, pripisyvaemye Harmsu [“Leo Tolstoy loved children very much ...”: anecdotes about writers attributed to Kharms]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
13. Makogonenko, G. P. (1985) *Gogol' i Pushkin* [Gogol and Pushkin]. Leningrad: Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie Publ. (In Russian).
14. Mann, Ju. V. (2001) Pushkin i Gogol' v 1836 godu: byla li ssora? [Pushkin and Gogol in 1836: was there a quarrel?]. *Pushkinskaja konferencija v Stenforde, 1999: Materialy i issledovanija* [Pushkin Conference at Stanford, 1999: Materials and Research]. Moscow. Pp. 343–356. (In Russian).
15. Kurganov, E. Ya. (2022) (ed.) *Odnazhdy Gogol' prishel k Pushkinu...: Anekdoty o russskijh pisateljah* [Once Gogol came to Pushkin...: Anecdotes about Russian writers] Comp., intro. article by E. Ya. Kurganov. St. Petersburg: Pushkinskij Fond Publ. (In Russian).
16. P'janyh, E. P. (2019) Karnaval'nyj diskurs setevoj subkul'tury [Carnival discourse of network subculture]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 8 (430). Pp. 44–50. (In Russian).
17. Rozanov, V. V. (2016) *Zagadki Gogolja... [Gogol's riddles...]* O pisatel'stve i pisateljah. *Stat'i 1908–1911 gg.* [About writing and writers. Articles 1908–1911]. St. Petersburg: Rostok Publ. Pp. 256–266. (In Russian).

18. Terc, A. (Sinjavskij A. D.) (2005) *Progulki s Pushkinym* [Walks with Pushkin]. Moscow: Globulus Publ. (In Russian).

19. Tomashevskij, V. B. (1990) *Pushkin. Raboty raznyh let* [Pushkin. Works from different years]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian).

20. Chemezova, I. A., Isakova E. A. (2019) Precedentnaja «igra v biser» kak cherta internet-fol'klora (na primere zhanra «stishki-poroshki» i «stishki-pirozhki») [Precedent “bead game” as a feature of Internet folklore (using the example of the genre “powder rhymes” and “pie rhymes”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Vol. 12. No. 3. Pp. 230–234. (In Russian).

Об авторах

Абрамова Вероника Игоревна, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого кандидат филологических наук, доцент (г. Тула, Российская Федерация); E-mail: istinijobraz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3684-9658

Архангельская Юлия Владимировна, старший научный сотрудник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого кандидат филологических наук, доцент (г. Тула, Российская Федерация); E-mail: archangelju@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0998-7772

About the Authors

Abramova Veronika I., Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, PhD in Philology (Russian Federation, Tula); E-mail: istinijobraz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3684-9658

Arkhangelskaya Iuliya V., Senior Researcher, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, PhD in Philology (Russian Federation, Tula); E-mail: archangelju@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0998-7772

дата получения: 05.06.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 05 June 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024

А. М. Сердюк

“Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Россия и русские в анонимном романе «Home Life in Russia» (1854)

В статье рассматривается специфика образов России и русских в анонимном романе «Home Life in Russia», англоязычном вольном переложении поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», в соотношении с оригиналом и в свете новой авторской установки. Национально-специфические образы, особенно значимые и в гоголевской поэме, в романе являются центральными. Анонимный автор стирает оригинальный символический подтекст, подчёркивая и развивая их сатирическую составляющую, а также усиливая оригинальную негативную образность за счёт переводческих трансформаций. В результате смысловая наполненность оригинала сужается до сугубо бытовой тематики, общечеловеческий размах антропологического эксперимента с полным исключением его из произведения ограничивается пространством России, а населяющие её герои лишаются потенциала к исправлению и «очеловечиванию». Обывательные и упрощённые русские персонажи способствуют достижению целей анонимного автора – развенчать политические амбиции Российской империи, создать её антиобраз.

Ключевые слова: «Home Life in Russia», «Мёртвые души», Гоголь, литературная мифификация, художественная антропология, образ другого.

Для цитирования: Сердюк А. М., “Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Россия и русские в «Home Life in Russia» (1854) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 24–42. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_24. EDN: ZRVNUW

Анонимный роман *Home Life in Russia* был опубликован в Лондоне в 1854 г. за авторством некоего «русского дворянина» (a Russian noble), чьё имя, согласно предисловию, не раскрывалось во избежание отправки его в Сибирь по возвращении на родину [15, р. iii]. На деле же столь опасный для автора роман представлял собой вольную интерпретацию «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, опубликованных в России более чем десятилетием ранее. Впервые подделку обнаружил без-

ымянный критик журнала *Athenaeum* и в качестве главного недостатка текста указал не столько саму вторичность и плагиат, сколько то, что допущенные переводчиком вольности в совокупности превращали текст в источник «неуклюжей лести» (“we have seldom seen flattery more awkward than this”), подчёркивавшей превосходство Британии над Россией, и значительно снижали его художественную ценность [13, p. 1455]. Эпические масштабы гоголевского антропологического эксперимента здесь сужаются до истории преступления и наказания незадачливого афериста. Эта глобальная трансформация позволила исследователям разных времён предполагать, что несмотря на заглавие и предисловие главной целью автор *Home Life in Russia* ставит перед собой не просвещение читателя в вопросе внутренней жизни России, но формирование антиобраза страны и её населения [14; 17–18]. Отдельного внимания, однако, роман до сих пор не удостоился ни в русскоязычном, ни в англоязычном литературоведении и чаще всего рассматривался лишь как первый неудачный и малозначимый эпизод в истории английской рецепции гоголевской поэмы.

Роман отличается от «Мёртвых душ» на различных уровнях произведения. Новая по отношению к гоголевской авторская установка очевидна уже с точки зрения композиции: книга разделена на два тома, состоящих из 22 и 26 глав. В целом сюжетная канва при этом дублирует «Мёртвые души», а главы поэмы (как, к слову, и абзацы) лишь формально разбиты на более мелкие. В первом томе описано появление Чичикова в городе и его визиты к Манилову, Коробочке и Ноздрёву, во втором – визиты к Собакевичу и Плюшкину, бал у губернатора, распространившиеся слухи и поспешный выезд Чичикова из города. Более дробное деление представляется обусловленным ориентацией не только на удобство читателя, но и на усиление динамичности повествования, приличной авантюрному роману. Перенос биографии Чичикова и цели его предприятия в начало первого тома (IV–VIII главы) снимает интригу как относительно предприятия героя, так и его происхождения и характера, сразу заявляя его как авантюриста; примечательно, что критик журнала *Athenaeum* считает этот перенос одним из главных недостатков книги [13, p. 1455]. Большинство лирических отступлений полностью исчеза-

ет из текста, редуцируя таким образом авторское присутствие в нём и в целом упрощая его структуру и определение жанровой принадлежности. Завершается же книга поимкой Чичикова и отправкой его в Сибирь – если не физической, то метафорической смертью героя (“and the next moment he was a dead man” [16, p. 314]), что полностью противоречит идее «Мёртвых душ» и её метафорическому воплощению в финале первого тома. В статье предпринимается попытка комплексного анализа центральных как для романа, так и для поэмы образов России и русских в свете этого противоречия.

Материалы и методы

В связи с утратой коммуникативной равноценности русской поэмы и английского романа, изменению в последнем плана содержания первой, наиболее справедливым представляется рассматривать *Home Life in Russia* не как собственно перевод – так как текст не соответствует основным предъявляемым к переводу требованиям [2, с. 11; 4, с. 411], – но, следуя за обращавшимися к тексту прежде исследователями, как подделку (*forgery*) [14; 17–18], мистификацию (*hoax*) [14] или плагиат [1, с. 273]. Определение *Home Life in Russia* как мистификации, однако, представляет проблему как в связи с многозначностью самого понятия [9], так и со спецификой произведения. Так, И. Л. Попова определяет литературную мистификацию как нечто противоположное плагиату: «Плагиатор заимствует чужое слово, не ссылаясь на автора, мистификатор, наоборот, приписывает другому свое слово» [10, ст. 553]. В *Home Life in Russia* же, тексте, бесспорно, плагиатном, конструированию (или, скорее, реконструированию на основе оригинала) образа другого – «русского дворянина» – и как автора, и как повествователя уделяется особое внимание, что Попова считает неотъемлемой чертой мистификации [10, ст. 553]. Осложняется, таким образом, и использование термина «плагиат», так или иначе излишне широкого. Наиболее уместным представляется термин «фальсификация», но и его обобщённость требует оговорки: в случае *Home Life in Russia* фальсификация частична; это своего рода «искажённый текст» в том смысле, в котором его упоминает Е. Л. Ланн, противопоставляя литературной мистификации как фаль-

сификации полной [9, с. 10–12]. Объединяет же все эти определения то, что так или иначе в рассматриваемом романе новые задачи решаются на оригинальном материале – первом томе поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» – за счёт отдельных трансформаций. Анализ результатов последних выполнен в статье с опорой на инструментарий имагологии и компаративистики, а также герменевтический метод.

Результаты

В «Мёртвых душах» привлекает внимание особый угол зрения на Россию. Так, Ю. В. Манн пишет, что она «открывается Гоголю в целом и со стороны. Со стороны – не в том смысле, что происходящее в ней не касается писателя, а в том, что он видит Россию всю, во всей ее “громаде”» [8, с. 237]. «Общерусский масштаб» поэмы, на который указывает исследователь, в то же время не умаляет реалистичности изображения за счёт синтеза дистанцированности фигуры автора от изображаемого им пространства («из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу» [3, с. 208]) и его приобщённости к нему (нарративное сближение с героями, местоимение «наш» и пр.). В. Ш. Кривонос в монографии ««Мёртвые души» Гоголя: пространство смысла» проблематизирует пространство поэмы, подчёркивая различие в ней понятий «Россия» и «Русь». «Русь», по мнению исследователя, обозначает поэтико-символическое пространство и абстрактное географическое представление, «Россия» же определяет конкретную географическую территорию, страну и государство. Эти понятия не взаимоисключающие, но, напротив, вытекающие одно из другого, составляющие единое целое. При этом, по мнению Кривоноса, «в “Мёртвых душах” Русь (образ страны, как она видится автору) в плане символическом принципиально не тождественна России (государству, занимающему определённую территорию); речь идёт и о разных системах ценностных координат» [6, с. 51]. Русь в поэме выступает мифологическим центром мира, локализуясь в пространстве России, и вопреки специфике повествования, своеобразному остранению его национально окрашенных элементов, и символическое, и географическое пространство так или иначе оказывается своим.

Россия и населяющий её российский / русский народ (в рамках авторской концепции понятия представляются синонимичными) противопоставляются другим, прежде всего европейским, народам и государствам как в репликах персонажей («Что у них немецкая жидкокостая натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят!» [3, с. 94] (курсив в цитатах здесь и далее наш. – А. С.); «Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы!» [3, с. 164]), так и в авторских отступлениях («Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [3, с. 103]; «автор <...> при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» [3, с. 171]). Как видно уже из этих примеров, такое противопоставление не подразумевает обязательного превосходства русского: чужое – не всегда плохое, но всегда подчеркнуто не своё. Последнее же находится в центре повествования, и все упоминания чужого направлены на более глубокое осмысление своего.

В *Home Life in Russia* наблюдается противоположная ситуация. Здесь Россия, что становится ясно уже из предисловия, интересует и редактора, и автора, если последний всё же существовал как отдельная личность, с сугубо геополитической точки зрения. На это указывает и изменившийся топос: абстрактный, обобщённый город N(N) сменяется конкретным – Смоленском. Русь же как символическое измерение и связанные с ней мотивы в абсолютном большинстве исчезают – либо не считаются, либо опускаются намеренно, – что подчеркнуто уже на уровне выбора лексем: и Русь, и Россия переводятся словом *Russia* без каких-либо попыток компенсировать оригинальную разницу. Более того, основным синонимом к этому слову выступает *Empire* (в вариантах *Russian Empire*, *the Empire*, *our (vast) Empire* и т. д.), выводя на передний план политический контекст бытования лексемы. В предисловии редактора главной задачей книги заявляет-

ся освещение домашней жизни, нравов и обычаев россиян, причём, с одной стороны, подчёркивается аутентичность автора и повествователя, с другой, чужая природа изображаемого (“a very extraordinary nation”, “the Author has written in a language which is not his own”, “which only a Russian could afford us”, “The Nodrieffs are an exceptional class, whose type is peculiar to <Russia>”, “throw light upon the domestic life of our 'ancient allies' and present foes” [15, pp. i–iv]); по сравнению с поэмой меняется адресат – представитель иной культуры. Таким образом, в центре повествования находится принципиально чужое пространство и чужие герои.

Нарратор, как и «автор» романа, заявленный как русский, при описании русских обычаев использует местоимения и детерминативы со значением «мы», «наш». Тем не менее он открыто подчёркивает и свою дистанцированность от описываемого им мира: “Since we are in free England, we beg to exclude ourselves from making up the even number of sixty-three millions” [16, p. 214]. Несмотря на то, что «русский дворянин», как заявлено в предисловии, надеется не только рассказать британскому читателю о России, но и по возможности улучшить условия жизни своих со-страдальцев в родной стране (“ameliorating the condition of his fellow sufferers in Russia” [15, p. iii]), прежде всего повествование направлено всё же на читателя британского, и сам нарратор ассоциирует себя со «свободной Англией»: неслучайно и немецкая точность оригинального нарратора превращается здесь в английскую (“besides, as we are in England, we like to be minute in everything, and in this instance, and regardless of our being a Russian, we will do our best, and try to be as particular as an Englishman” [15, p. 108]; ср. «...но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец» [3, с. 20]). Таким образом, отношения своего и чужого проблематизируются в фигуре нарратора, отчуждающего собственную культуру и осваивающего чужую. Более того, процесс отчуждения сопровождается негативизацией родной культуры, распространяющейся на всё повествование.

Иллюзия аутентичности, тем не менее, в тексте принципиальна. Книга, согласно предисловию, должна была описывать

русский быт настолько точно, насколько это возможно при литературной обработке подлинных событий, однако в то же время и обличать его недостатки: сатирический талант анонимного автора подчёркивался отдельно. Мнимая подлинность обеспечивается в основном сохранением оригинальных деталей и комментариев относительно русского быта и социума: “The lower classes of society, in Russia at least, are very fond of talking of the affairs of the more elevated classes...” [16, p. 247] (ср. «На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших...» [3, с. 179]). Транслитерированные реалии в тексте немногочисленны, но регулярно повторяются (*britchka*, *mouzhik*, *roubles*, *wersts*). Чином и должностям подобраны эквиваленты: председатель палаты – *Presiding Magistrate*, прокурор – *Imperial Procurator*, коллежский советник – *Councillor of State* и т. д.; однако система чинов никак не поясняется. То же касается и других значимых социокультурных явлений: разница в обращении на «ты» и на «вы» местами сохраняется в тексте, но никак не комментируется, без какой-либо справки упоминаются и награды губернатора (“he wore the decoration for merit of St. Anne round his neck, and it was whispered about that he might shortly be honoured with a presidential star” [15, p. 19]). Затекстовый комментарий и вовсе отсутствует в книге, внутритекстовые же пояснения редки, и скорее выполняют оценочную и аксиологическую функцию (см. далее), нежели раскрывают детали культуры и быта. Реалии комментируются спорадически: например, наряду со словом *samovar* используется синонимичное в контексте *self-boiler* [15, p. 6], за словом *stchee* (щи) сразу следует пояснение (*stchee, or cabbage soup* [15, p. 9], но тулуп (*toulup*) на Селифане остаётся без комментариев – во всех же последующих упоминаниях слово «тулуп» заменяет *sheepskin*. Более того, отдельные реалии замещаются сомнительными эквивалентами: так, кислые щи превращаются в кислое крымское вино, а выражение «во всю насосную завёртку» вместе с окружающим его контекстом сводится к фразе “all in one breath” (духом, разом): “The day, we imagine, was concluded with a plate of cold veal and ham, a bottle of sour Crimea-wine, and in a sound night's rest – all in one breath – as

we express ourselves in some of the extensive towns of the broad Russian Empire." [15, p. 19], – что подчёркивает иллюзорность аутентичности: не так важны излагаемые факты и детали, как убедительность их изображения. В связи с этой установкой не удивительно, что наряду с заимствованием деталей из поэмы в роман вводятся и добавления как в форме стереотипных исторических и культурных аллюзий ("...and here he is on the eve of creating a sensation in our town unequalled in the annals of the Russian Empire since Ivan Vasilievitch the Terrible" [16, p. 236]; ср. «Как подумаешь <...> что он произведет такой странный марш в свете» [3, с. 176]), так и социокультурного комментария: "The author feels considerably embarrassed as to the names of the two ladies, because in the Russian language it happened that the real names of the two ladies conveyed the most fitting idea of their character, and which it would be nearly impossible to render properly in English" [16, p. 213]; ср. «Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам. <...> Назвать выдуманною фамилией опасно. <...> Назови же по чинам, боже сохрани, и того опасней» [3, с. 168]); "...because he first of all inquired how many serfs each of these landowners possessed <...> and then only bethought himself of asking the Christian names <...>. This mode of taking an interest in persons is rather unusual in Russia, for we always begin our inquiries by asking for the Christian names of father and son first, and then only let our real intentions peep out" [15, p. 34]; ср. «Несколько вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество» [3, с. 17].

Что же касается негативного подтекста национально окрашенных образов, его интенсивность на протяжении повествования неравномерна. В первом томе он создаётся прежде всего за счёт деталей и нарастает постепенно. Так, Селифан неоправданно груб по отношению к детям ("Selifan, the coachman, observing that one of the little urchins was very expert in throwing somersets, gave him a touch with his whip on passing him" [15, p. 112]; ср. «Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запя-

ки, хлыстнул его кнутом»¹ [3, с. 22]; “Eh, you little stupid!” said Selifan; “that is to the right; she does not even know what right and left means.” [15, p. 223]; ср. «Эх ты!» – сказал Селифан. «Да это и есть направо: не знает, где право, где лево!» [3, с. 57]), а новый Ноздрёв, в то время как гоголевский, призывая слуг к расправе над Чичиковым, кричит «Бейте его!» [3, с. 83], ставит перед ними более конкретную задачу: “Horsewhip him!” [15, p. 294]. Общий тон если ещё не варварства, то по меньшей мере неотёсанности задаёт уже в третьей главе и сам нарратор: “...especially now-a-days, when even Russians begin to look more at shape and fashion” [15, p. 35]; ср. «...особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри» [3, с. 18].

Во втором томе подобные детали продолжают возникать и подчёркиваться. Так, абстрактное рассуждение нарратора о неспособности русских к самоорганизации и достижению поставленных целей превращается в предельно конкретный, и потому гораздо более яркий пример: “As an example we may here allude to a committee that was formed in the very town of Smolensk for the speedy relief of the peasantry suffering from famine. <...> and the result of the munificent subscriptions showed that there were about five roubles and a half to be divided among a few hundred hungry sufferers” [16, p. 269] (ср. «Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных <...>; а затем и остается всей суммы для бедных пять рублей с полтиною» [3, с. 187]), а «что-то вроде потасовки», грозившей Селифану от рук Чичикова в «Мёртвых душах», приобретает в *Home Life in Russia* обобщённо национальную характеристику: “...and had first the intention of treating our friend Selifan to something in the Russian fashion, for the disregard thus shown to his orders” [16, p. 299]; ср. «...приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану» [3, с. 204]).

¹ Следует отметить, что не всегда с уверенностью можно предположить намеренность подобных трансформаций: в отдельных случаях они представляются скорее результатом неверно интерпретированной оригинальной лексемы. Так, если оригинальный Селифан ударяет кнутом «большого охотника становиться на запятки», то Селифан *Home Life in Russia* ударяет ребёнка, делающего сальто в стороне: Selifan, the coachman, observing that one of the little urchins was very expert in throwing somersets, gave him a touch with his whip on passing him, – лексема, выбранная для описания действий ребёнка, somerset (сальто, кувырок), представляется логически связанной с русским «запятки» (место для лакея), неверно понятым исходя из формы слова.

Здесь, однако, возникают и вставки, дискредитирующие Россию прямо. Наиболее ярка обширная вставка, поразившая критика журнала *Athenaeum* «неуклюжей лестью», – сравнение Николая I и Виктории, в котором первый предстаёт «самым варварским, самым нехристианским властителем Европы», правящим миллионами таких же варваров (“...the name of Nicholas! does it not convey the idea of the most barbarous, if not the most unchristian potentate of Europe? reigning over sixty-two millions, nine hundred ninety-nine thousand, nine hundred ninety-nine other unfortunate barbarians!” [16, p. 214]), вторая же – «самой христианской и прекрасной королевой, правящей самой просвещенной и самой либеральной нацией в христианском мире» (“...the name of Victoria! does it not convey an idea of the most Christian and lovely Queen that reigns over the most enlightened, and most liberal nation in Christendom?” [16, p. 214]). «Темнота» дела заседателя Дробяжкина (здесь Dobriaschkin) объясняется в *Home Life in Russia* стремлением скрывать всё, связанное с полицией и высокопоставленными людьми (что вступает в противоречие с дальнейшими деталями дела, по отношению к оригиналу остающимися неизменными); более того, сам заседатель становится обладателем «надменной и тиранической души»: “However, this occurrence also remained in the dark, because all matters in which the police and people of high rank are interested, remain in Russia usually enveloped in darkness; <...> as for his face and body, it was perfectly impossible to identify them as having once harboured the haughty and tyrannical soul of a Dobriaschkin” [16, p. 256]; (ср. Но дело было темно, <...> а уж физиогномии и распознать нельзя было» [3, с. 183]. Словарь же Чичикова, которым Ноздрёв был «отделан со всех боков и сторон» [3, с. 164], автор и вовсе оказывается не в силах передать для ознакомления своему английскому читателю: “the expressions which our hero used at the time of his anger, was so very strong indeed that *this English paper* – we are convinced – could not bear them, and for this excellent reason we beg to omit them” [16, p. 205].

Помимо дикости, варварства России и её обитателей на протяжении всей книги подчёркивается её имперский характер. Слово *imperial* заменяет «государственный» и «казённый», а также возникает и без эквивалента в поэме

в значении «имперский» и «императорский». Слово *emperor* также гораздо чаще (до 20 употреблений) встречается в *Note Life in Russia*, нежели в «Мёртвых душах» (не считая повести о капитане Копейкине, фактически отсутствующей в английском романе, «государь» упоминается дважды, «император» – ни разу). Такая подчёркнутая значимость империи, с одной стороны, демонстрирует геополитические амбиции России и русских (объединяя в этом героев и дистанцирующегося от них нарратора, также не раз обращающегося к этим лексемам) и одновременно за счёт постоянных, в частности, не всегда уместных (*monopolised imperial raw spirit, imperial ink bottle*) указаний на принадлежность тех или иных явлений и предметов к империи создаёт дополнительный комический эффект. С другой же – актуализирует авторский фокус, направленный прежде всего на политическую сущность России.

Знаменательны и турецкие детали русского быта, равномерно разнесённые по всему тексту. В то время, как в «Мёртвых душах» фигурируют лишь принадлежащие Ноздрёву «турецкие» кинжалы мастера Савелия Сибирякова [3, с. 72], в книге, созданной во время Крымской войны и изображающей жизнь накануне её, турецкий элемент ожидаемо более значим. Можно выделить два типа упоминаний Турции и турецкого. Первые приводятся в собственно военном контексте: это и воспоминания о столкновениях прошлого (“In his last campaign against the Turks he stood, with his brave company, before the very gates of Adrianople” [16, p. 273]), и предвкушения будущих завоеваний – «экзамен» Фемистоклуса, дополненный вопросом о врагах христианства и ответом о необходимости захвата Константинополя [15, p. 139], и авторские комментарии, обращённые к настоящему: “Without this *desire on the part of the Emperor for the acquisition of Turkey*, the nation at large would not have acquired the fanaticism to stand by his side” [15, p. 104]; “...singing and speaking of everything, not even excluding politics, nor the military preparations that were carried on already at that time *with hostile intentions towards Turkey*” [16, p. 133]; “...and if such an expression could find its equal, it could, perhaps, only be seen on the faces of those clever statesmen of all nations, who at the present day are discussing the political differences between Russia and Turkey” [15, p. 155]. Вторые же касаются

обихода: почувствовавший вкус к жизни молодой Чичиков вытирается не простой, но изысканной турецкой губкой [15, р. 72]; Манилов в своих мечтах курит с Чичиковым настоящий турецкий табак [15, р. 163]; Ноздрёв постоянно одет в арха-лук – «турецкую визитку» (“a simple Turkish morning coat”) [15, р. 231] и т. д. Целью этого бытового сближения представляется ориентализация государства, позиционирующего себя как оплот христианства и претендующего на европейскость; неспроста уже в предисловии приводится максима “grattez le Russe, et vous trouverez Tartare”, актуализирующая не просто ориентальные, но и резко негативные мотивы, закреплённые в британском сознании к середине XIX в. [11, с. 209–211].

Принципиальным представляется именно совмещение в образе русских запада и востока. «Татарин», выступающий здесь аллегорией дикого, стихийного и опасного востока, проступает в русском только при ближайшем рассмотрении, что делает его, вероятно, более опасным соперником. Причём эта амбивалентность образа подчёркнута и внешне. Так, с одной стороны, из описания одежды персонажей полностью исчезает мех («шинель на больших медведях», «таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном»), исторически ассоциирующийся как непосредственно с Россией, так и с варварством, дикостью, животным началом, и в целом персонажи, как женщины, так и мужчины, одеты в очевидно европейское платье. Однако в немногочисленных описаниях одежды можно заметить отдельные странности: как, например, упомянутые выше собственно турецкие элементы или смешение тенденций 1840-х и 1820-х гг. в описании нового модного фасона, обсуждаемого двумя дамами¹.

Наиболее значимым инструментом создания негативного образа Российской империи и её населения в романе представляется редуцирование гоголевского подтекста веры в возможность пробуждения и возрождения «мёртвой» души. Помимо прямых указаний на эту возможность в лирических отступлениях, не нашедших себе места в *Home Life in Russia*, такой позитивной «подсветкой» сюжета в оригинале также случат поэтико-символические образы Руси.

¹ Fashion History Timeline. Available at: <https://fashionhistory.fitnyc.edu/category/19th-century/> (accessed 24 April 2024).

Прежде всего из текста исключаются столь значимые в оригинале былинно-богатырские смыслы, неразрывно связанные с лексемой «Русь» и её символическим наполнением [12, с. 29–33]. Само слово «богатырь» (*bogatyř*) – или прямые его эквиваленты – ни разу не употребляется, лексемы же, использованные при его переводе, никак не отражают оригинального содержания. Случаев перевода всего два: в первом осуществляется целостное преобразование: «нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри» [3, с. 18] превращается в “now-a-days, when even Russians begin to look more at shape and fashion” [15, p. 35]; во втором эквивалентом «богатырю» выступает *fellow* [16, p. 83]. Остальные употребления самой лексики исчезают из перевода вместе с лирическим отступлением, в котором бытовали в оригинале («Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» [3, с. 208]; «Другой обитатель был Мокий Кифович, родной сын его. Был он то, что называют на Руси богатырь <...> И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать богатырские свои подвиги» [3, с. 230]). Трансформируются и оригинальные элементы текста, наиболее очевидно построенные на богатырской образности. Так, к примеру, описание судьбы Степана Пробки, в оригинале звучащее следующим образом: «А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушеной рыбы, а в мошне, чай, притаскивал всякой раз домой целковиков по сту, а может и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог, – где тебя прибрало?» [3, с. 129], в *Home Life in Russia* за счёт добавления определений и отказа от попыток сохранить общую фольклорную интонацию эпизода превращается в историю бедняка, обречённого на скитания и тяжкий труд: “Ah! here he is, Stephen Korobka, that is the *fellow*, who, according to Sobakevitch, would have been a giant in the Imperial Life-Guards! No doubt the poor *fellow* wandered about in *obscurity* with a hatchet on his side, and his boots across his shoulders, making his meals at the slender expense of one copek for brown bread, and two for dried fish, whilst, on returning home from his yearly work, he would bring with him

a purse stuffed with silver roubles, and perhaps have some bank notes sewn up between the lining of his shirt or boots – where are you now?” [16, p. 83].

Такое видение представителя русского народа вписывается в сложившуюся к моменту создания текста традицию в британской литературе. С. Б. Королёва отмечает: «С конца XVIII в. в британские книги путешествий всё чаще в связи с образами простых русских людей входит мотив народа-жертвы, и отмечаемые недостатки русского национального характера – лень, пассивность, суеверие, инфантилизм – связываются с крепостным правом, с рабской зависимостью от воли хозяина или более высокого чина» [5, с. 93]. Именно эти качества русского мужика охотно подчёркнуты автором на протяжении всего повествования. И если говорить об абсолютной демонизации или развенчании образа русского крестьянина в книге нельзя, то сужение эпического размаха оригинальной образности можно констатировать с уверенностью.

Стирается и богатырский подтекст темы 1812 года, на который указывает Е. А. Смирнова [12, с. 31]. Тема в целом редуцирована в тексте *Home Life in Russia*: с переносом абстрактного времени действия в конкретное историческое время, 1840-е гг., война 1812 г. становится далёким воспоминанием. Так, портрет Багратиона, в оригинале «тощего, худенького, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках» [3, с. 90], что едва ли умаляет его героичность и даже богатырство, для Гоголя прежде всего выражавшееся в силе духа, подвижничестве в миру, в *Home Life in Russia* превращается в портрет старика, безоговорочно проигрывающего на фоне полных жизни героев греческой войны за независимость: “...a meagre, careworn old man; heaven knows why he had been placed among these *dashing heroes*” [16, p. 4]. Второе упоминание кампании появляется в описании предметов на столе Плюшкина (“...a toothbrush, which had become quite yellow from age and use, and with which the owner seemed to have been in the habit of cleaning his teeth ever since the French invasion of 1812” [16, p. 40]), и в этом случае вновь отсылает лишь к историческому прошлому, становясь знаком старости, обветшалости.

Интересно, что герои греческой войны за независимость остаются героями (*heroes*), хотя и со времени их свершений

прошло больше 15–20 лет. Такая темпоральная избирательность может объясняться ещё одним устоявшимся элементом восприятия образа России в Британии. Как пишет Королёва, к концу первой трети XIX в. «в мифе о России сформировался новый слой, в основу которого лёг образ государства-соперника, государства-врага, противопоставленного Британской империи по линии праведности – неправедности, демократичности – деспотичности, мирных намерений – агрессивности» [5, с. 97]. Именно в этом ключе изображалась Россия в контексте русско-польской войны 1830–1831 гг., и позднее, в современной *Home Life in Russia* литературе и публицистике в контексте Крымской войны. В этом свете понятно стремление лишить офицера деспотичной, пугающе разрастающейся империи-соперника героического ореола.

Здесь же следует упомянуть и преломление образа народа в связи с этой несколько изменившейся к середине XIX в. парадигмой восприятия России в британском художественном, в частности, литературном, сознании. К уже упомянутым выше слабостям народа-раба добавляется образ массы – дикой, почти стихийной силы, претворяющей в жизнь захватнические планы своего повелителя-тирана. В *Home Life in Russia* нет эпизодов, представляющих крестьянина с этой стороны, однако отдельные эпизоды, связанные с помещиками и Чичиковым, подчёркивают это слияние воли правителя и его подданных. Так, уже упомянутый выше «экзамен», которому за столом подвергается Фемистоклос («...какой лучший город во Франции?»; «А у нас какой лучший город?»; «А еще какой?») [3, с. 30]), дополняется вопросом “Who are the natural enemies of Russia and of Christendom?”, ответ на который нетрудно предсказать: “The Turks; and we ought to take Constantinople from them,” replied Themistocles, with the air of a conqueror, and looking for approval towards his master” [15, p. 139], демонстрирует, что с самого детства в маленьких россиянах воспитывается поддержка идеологии, полезной императорским планам. Взрослые же, даже не поддерживающие конфликт с Турцией или в целом к нему равнодушные [15, p. 104], высказывают своё недовольство только под воздействием вина: “They were arguing loudly, shouting, singing and speaking of everything, not even excluding politics, <...> which, as a matter of course, led them

further on to express their mutual disapprobation of the Emperor's conduct, and which free expressions at any other time they would have severely resented even from their children." [16, p. 133]. Воинская доблесть в этом контексте, как представляется, не может соседствовать с духовной силой, чему находится подтверждение и в британской литературе периода [5, с. 132–146].

Былинная, даже (и, пожалуй, прежде всего) сказочная, Русь в сознании Гоголя представляет собой идеальное прошлое, возвращение к которому невозможно, но лишь с оглядкой на него возможно условное светлое будущее. Потому проглядывающие то тут, то там признаки сохранности этого начала под «корой земности» настоящего обеспечивают России потенциал к возрождению. Стирая этот символический пласт, автор английского романа лишает её не только специфики национальной идентичности оригинала, но и надежды на будущее.

Обсуждение и выводы

Опираясь на оригинал, автор *Home Life in Russia* рисует собственную картину русской жизни. Ставя в один ряд изначально сатирические, гиперболизированные образы и образы, приближенные к реальности, дополняя их собственными представлениями и намеренными искажениями, а, главное, редуцируя ключевой для оригинала подтекст и подменяя его другим, он создаёт на основе «Мёртвых душ» по сути новое произведение, в котором предпринимает попытку развенчать политические амбиции Российской империи как европейской державы – соперницы империи Британской, ориентализируя её и манифестируя её отсталость и безнадежность. Обытовлённые и упрощённые русские персонажи, окружённые к тому же преимущественно негативной образностью, выступают лишь инструментом достижения целей анонимного автора: при неизменном персонажном составе специфика художественной антропологии гоголевской поэмы в *Home Life in Russia* не сохраняется вовсе.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Примечания // Барбе д'Оревильи [Ж.] Николай Гоголь // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: сб. науч. ст. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – Т. 1. – С. 257–281.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.1. – 809 с. EDN: SAKTBV.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Королёва С. Б. Миф о России в британской культуре. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2023. – 384 с. EDN: SFWSHK.
6. Кривонос В. Ш. «Мёртвые души» Гоголя: Пространство смысла. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 320 с.
7. Ланн Е. Л. Литературная мистификация. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – 231 с.
8. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 742 с. EDN: SIASWX.
9. Петрс А. Л. Литературная мистификация: к проблеме термина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 210–219. DOI: 10.33910/1992–6464–2020–197–210–219. EDN: FLXXVR.
10. Попова И. Л. Мистификация литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – 799 с.
11. Рыжкина Е. В. Семиокультурный аспект фразеологической номинации по аналогии (на материале современного английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 20 (706). – С. 198–213. EDN: TEWJCN.
12. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 200 с.
13. Athenaeum. Home Life in Russia // Athenaeum. – 1854. – № 414. – 2 December. – Pp. 1455–1456.
14. Cross A. By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. – Cambridge: Open Book Publishers, 2012. – Pp. 1–36.
15. Home Life in Russia. – London: Hurst and Blackett, 1854. – Vol. 1. – 308 p.
16. Home Life in Russia. – London: Hurst and Blackett, 1854. – Vol. 2. – 314 p.
17. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War // The American Slavic and East European Review. – 1949. – № 2 (8). – Pp. 106–125.
18. Phelps G. The Early Phases of British Interest in Russian Literature // The Slavonic and East European Review. – 1958. – № 87 (36). – Pp. 418–433.

Anastasia M. Serdyuk

“Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Russian Empire and its People in *Home Life in Russia* (1854)

The article examines the images of Russia and the Russians in the anonymous novel *Home Life in Russia*, a loose adaptation of Nikolai Gogol's *Dead Souls*, in relation to the original and in the light of the new message. National images, especially significant in Gogol's poem, are central in the novel. The anonymous author erases the original symbolic subtext, emphasizing and developing the satirical component of the images, as well as reinforcing the original negative imagery through transformations in the translation. As a result, the original semantics is reduced to being purely quotidian, the universal scope of the anthropological experiment, as the experiment itself is fully omitted, is narrowed to the geographical space of Russia, and the Russians depicted are deprived of the potential for spiritual growth and humanization. The strongly simplified Russian characters contribute to the anonymous author's goal to debunk the political ambitions of the Russian Empire and create its anti-image.

Key words: *Home Life in Russia*, *Dead Souls*, Nikolai Gogol, literary hoax, literary anthropology, image of the Other.

For citation: Serdyuk, A. M. (2024) "Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare": Rossiya i russkie v *Home Life in Russia* (1854) ["Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare": Russian Empire and its People in *Home Life in Russia* (1854)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 24–42. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_24. EDN: ZRVNUW

References

1. Alekseev, M. P. (1936) *Primechaniya* [Notes]. Barbey d'Aurevilly, J. Nikolay Gogol' [Nikolai Gogol']. N. V. Gogol': *Materialy i issledovaniya* [Nikolai V. Gogol. Materials and research]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. Pp. 257–281. (In Russian).
2. Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and Translation (Questions of general and particular theory of translation)]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian).
3. Gogol', N. V. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 7.1. Moscow: Nauka Publ. EDN: SAKTBV. (In Russian).
4. Komissarov, V. N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie* [Contemporary Translation Studies]. Moscow: Izd-vo «ETS». (In Russian).
5. Koroleva, S. B. (2023) *Mif o Rossii v britanskoj kul'ture* [The Myth of Russia in British Culture]. 2nd ed. Moscow: FLINTA Publ. EDN: SFWSHK. (In Russian).
6. Krivonos, V. Sh. (2019) «Mertye dushi» Gogolya: Prostranstvo smysla [Gogol's Dead Souls: Space of meaning]. 4th ed. Moscow: FLINTA Publ. (In Russian).
7. Lann, E. L. (1930) *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary Hoax]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian).
8. Mann, Yu. V. (2007) *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Work: Meaning and form]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. EDN: SIASWX. (In Russian).
9. Petrs, A. L. (2020) *Literaturnaya mistifikatsiya: k probleme termina* [Literary mystification: an issue of terminology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 197. Pp. 210–219. DOI: 10.33910/1992–6464–2020–197–210–219. EDN: FLXXVR. (In Russian).
10. Popova, I. L. (2001) *Mistifikatsiya literaturnaya* [Literary hoax]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).
11. Ryzhkina, E. V. (2014) *Semiokul'turnyy aspekt frazeologicheskoy nominatsii po analogii (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Semi-cultural aspect of phraseological nomination by analogy (based on the material of modern English)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. No. 20 (706). Pp. 198–213. EDN: TEWJCN. (In Russian).
12. Smirnova, E. A. (1987) *Poema Gogolya «Gogolya Mertye dushi»* [Gogol's poem Dead Souls]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
13. Athenaeum (1854) *Home Life in Russia*. *Athenaeum*. No. 414. 2 December. Pp. 1455–1456.
14. Cross, A. (2012) *By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture. A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers. Pp. 1–36.
15. Anon. (1854) *Home Life in Russia*. Vol. 1. London: Hurst and Blackett.
16. Anon. (1854) *Home Life in Russia*. Vol. 2. London: Hurst and Blackett.
17. Lefevre, C. (1949) Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War. *The American Slavic and East European Review*. No. 2 (8). Pp. 106–125.
18. Phelps, G. (1958) The Early Phases of British Interest in Russian Literature. *The Slavonic and East European Review*. No. 87 (36). Pp. 418–433.

Об авторе

Сердюк Анастасия Михайловна, аспирант национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Российская Федерация); E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru; ORCID ID: 0000-0001-6928-5110

About the Author

Serdyuk Anastasia M., Postgraduate Student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru; ORCID ID: 0000-0001-6928-5110

дата получения: 10.05.2024 г.
дата принятия: 30.06.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 10 May 2024
date of acceptance: 30 June 2024
date of publication: 30 September 2024

Т. В. Мальцева

Образ иконы в богомольном травелогe

Цель статьи – рассмотреть рассказ В. Г. Короленко «За иконой» (1887) как паломнический богомольный травелог, центральным образом которого является чудотворная икона Владимирской Божьей Матери и связанное с ней богомолье. Исследуемый материал предполагает применение приема «иконографического прочтения» реликвии, которая является духовной константой богомольного текста, а также метода экфрастического анализа. Выявлено наличие в богомольном травелогe иконотопоса как опыта внепространственного бытия православного артефакта. Икона-элеуса в паломническом травелогe предстает в единстве с богомольцами и осеняемым ею пространством. Икона задает основной прием описания паломнического сюжета – словесный экфрасис многофигурной многокомпонентной иконы, содержанием которой является богомолье. Словесный экфрасис иконы, созданный в богомольном травелогe, и саму икону объединяет общее иконичное пространство, общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев, взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, рассказ «За иконой», паломнический травелог, богомолье, икона, экфрасис.

Для цитирования: Мальцева Т. В. Образ иконы в богомольном травелогe // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 43–60. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_43. EDN: YWJXJT

Можно сказать, практически вся общественная жизнь второй половины XIX века была посвящена обсуждению судьбы народа, его будущего, особенно после крестьянской реформы. В целом, очень выразительно направления этой дискуссии описал основатель социальной антропологии, философ и публицист Афанасий Прокопьевич Щапов в своей работе «Умственные направления русского раскола» (1867): «... наше мыслящее меньшинство <...> начинает задумываться над будущностью народных сил, над этим великим вопросом, стоящим теперь <...> на очереди исторического решения <...>».

Масса, чернь, – говорят одни ревнители нового будущего, – это тяжелый, несворотимый тормоз на пути прогресса, это страшная, темная сила, враждебная меньшинству лучших, новых поколений, враждебная науке и развитию. Масса, народ, – говорят другие, – это свежая, непочатая почва для цветущего развития, вечный родник новых, свежих, самостоятельных сил национального прогресса, источник своеобразных коренных начал и основ самобытной национальной гражданственности. Что же такое, в самом деле, масса простого народа?» [21, с. 580].

Вот этот вопрос волновал и интеллигенцию, и публицистов, и писателей. В поисках объединительного начала многие обратились к исследованию духовных основ народного сознания, в том числе к народной мифологии и религии. Именно тогда расцвела русская мифологическая школа. Именно в это время многие писатели обратились к теме народной веры, а в публицистике начался анализ причин народных расколов и ересей. В последней четверти XIX века в отечественной словесности как никогда тесно переплелись мирские и религиозные сюжеты, например, в творчестве И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького и многих других (см.: [14]).

В этот ряд органично входит и Владимир Галактионович Короленко. Короленко был человеком верующим, воспитывался в религиозной семье и в студенческие годы от веры не отказался, хотя участвовал в студенческих волнениях, за что был отправлен в ссылку на 8 лет. За время ссылки побывал в разных местах – Вологодской губернии, Перми, Сургуте, Тобольске, Якутске, Томске и везде старался побывать в святых местах и описать свои паломничества. Таких произведений о посещении монастырей и святых мест у Короленко не так много («На Светлояре», «В ночь на светлый праздник», «За иконой: (этнографические наброски с натуры)», «В пустынных местах: (из поездки по Ветлуге и Керженцу)», «Река играет: эскизы из дорожного альбома» и др.), но их набралось на целый том, изданный московским Сретенским монастырем отдельной книгой [10].

Произведения Короленко периода «нижегородского десятилетия» являются показателем духовного роста молодого автора. Размышления о вере (включая ереси и раскол) осо-

бенно глубоки в рассказе «За иконой», написанном в Нижнем Новгороде, где Короленко осел после ссылки.

Нижегородская земля занимает второе место в России по количеству святынь и монастырей после Москвы и Подмосковья. Здесь сосредоточены самые значимые пустыни и иные сакральные места. В четырех епархиях Нижегородской области сейчас насчитывается 339 церквей, действовали и действуют после восстановления и освящения 25 монастырей и пустынь¹. Путь к одному из них – Оранскому Богородицкому мужскому монастырю – и описан в рассказе. Это паломничество молодого Короленко показывает, что контекст жизненного опыта писателя – один из основополагающих факторов его творчества, а художественная реальность рассказа «За иконой» утверждает историко-культурную ценность паломничества как биографического «жизнетворческого» события (см.: [7]).

Материал и методы

В статье анализируются функции иконы и способы создания ее художественного образа в рассказе В. Г. Короленко «За иконой», который был написан в июле 1887 года. Это одно из ранних произведений так называемого «нижегородского десятилетия». Рассказ был впервые напечатан в журнале «Северный вестник» с подзаголовком «этнографические наброски с натуры»². Подзаголовок свидетельствует, что в основе рассказа лежит реальное событие, а именно богомолье. Рассказ создан под впечатлением от посещения монастыря в селе Оранки, куда Короленко ходил с богомольцами, провожающими во время крестного хода из Нижнего Новгорода святыню Богородицкого монастыря – чудотворную икону Владимирской Божьей Матери. Рассказ создан в рекордно короткий срок: крестный ход продолжался 3 дня – с 19 по 21 июня 1887 года, а в июле рассказ уже был напечатан.

Рассказ пока обойден вниманием исследователей, хотя нижегородский период творчества Короленко изучен достаточно подробно [7; 18–19]. Между тем, рассказ представляет

¹ Нижегородская митрополия. Электронный ресурс. URL: <https://nne.ru/obcategory/existing-monasteries/> (дата обращения: 10.10.2023).

² Короленко В. Г. За иконой: (этнографические наброски с натуры) // Северный вестник. 1887. № 9. С. 1–43.

интерес в разных гуманитарных аспектах: научном осмыслении жанра, который самим автором окончательно не определен (рассказ или этнографический очерк), исследовании результатов совмещения художественного и документального начал, светской и религиозной тематики, в том числе и темы религиозных ересей и раскола, образов хроникера и повествователя и других. Не останавливаясь подробно на этих аспектах, констатируем, что рассматриваем это произведение как паломнический богомольный травелог, центральным образом которого становится чудотворная икона и связанное с ней богомолье. Гипотеза исследования: икона задает основной прием описания паломнического сюжета – создание иконотопоса с помощью экфрасиса многофигурной многокомпонентной иконы. Название рассказа «За иконой» является и приемом сюжетостроения текста: динамика сюжета и последовательность эпизодов задаются движением иконы. Для исследования применена методика экфрастического и культурологического анализа.

Результаты

Тема богомолья во всей красоте и духовной значимости этого события для верующей души запечатлена в обширной мемуарной прозе, обзор которой сделан Ольгой Николаевной Александровой-Осокиной в монографии «Паломническая проза 1800–1860-х годов: священное пространство, история, человек» [1], особенно ярко в повестях Ивана Сергеевича Шмелева [16; 20], в рассказах Бориса Константиновича Зайцева¹ и – дополним – Владимира Галактионовича Короленко. В рассказе «За иконой» представлен особенно торжественный вариант богомолья. Обычно богомолье – это посещение монастырей, церквей и иных святых мест для поклонения особо значимым святыням и духовным реликвиям. В рассказе Короленко богомолье – это паломничество к особому монастырю, сопряженное с сопровождением святыни этого монастыря – чудотворной иконы Богородицы [4; 6].

Цели богомолья описал Иван Александрович Ильин в критической работе «О тьме и просветлении»: «Богомолье! Вот

¹ См., напр.: Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра: дис. ... канд. филол. наук, М., 1999. 197 с.; Пак Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева: дис. ... д-ра филол. наук, М., 2004. 347 с.

чудесное слово для обозначения русского духа... Как же не ходить нам по наши открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами с детства так вот зовут нас – оставить привычное и уйти в необычное, оторваться от каменного быта и попытаться прорваться к иному, к светлому и чистому бытию <...> сама Россия требует, чтобы мы обзрели ее и ее чудеса и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность...» [6, с. 181].

В богомольном тревелогe «За иконой» взыскиваемое единство обеспечивает икона как духовная реликвия: икона имеет и собирательные, и конкретные черты. Первое подтверждает ее история как главной иконы Москвы и Руси до XVII века. Второе – как чудотворной иконы Богородичного мужского монастыря в Оранках.

Владимирская Богоматерь (рис. 1) – это икона-елеуса (милующая, милостивая, умиление; от греческого слова «ελεος» – сострадание, сочувствие, милость). Владимирская икона Божией Матери – одна из самых почитаемых и древних чудотворных икон Руси. Главные ее чудеса – спасение Москвы и Руси от захватчиков: от нашествия булгар в XII веке, нашествия Тамерлана в XIV веке, нашествия хана Ахмата в XV веке. Многочисленны также чудеса спасения от пожаров, неурожая и болезней. Появившись на Руси в XII веке из Константинополя, икона много странствовала, что тоже всегда сопровождалось чудесами [11; 15].

Рис. 1. Владимирская икона Божией Матери (фрагмент)

Икона показывает момент ласки матери и сына, которые осознают свою грядущую судьбу, о чем говорит всепоглощающая скорбь в глазах Богородицы. Богородица и младенец Иисус избражены в объятии, щека к щеке, в безграничной любви и милости друг к другу. Потому такой тип икон получил название елеуса.

С иконы было сделано 11 «почитаемых списков». Один из них – для основанного в 1634 году «нижегородским боярином Петром Глятковым» (по другим источникам – Глядков, см., напр.: [2]), как пишет Короленко, «пустыньки на Оранском поле». История создания монастыря описана во многих источниках, как дореволюционных, например, «Описание Оранской богородицкой пустыни» иеромонаха Макария (1851) [13], «Описание Оранского Богородицкого монастыря» иеромонаха Гавриила (1871) [5], так и современных [4; 6]. Полагаем, что с дореволюционными источниками В. Г. Короленко был знаком, поскольку легенда об основании монастыря и появлении списка Владимирской иконы включена им в текст очерка «За иконой». Конкретные черты именно Оранской иконы Богородицы описаны в «картинах прошлого», которые появились в воображении рассказчика в уединенной часовне монастыря после окончания всеобщей службы: «Тихий сумеречный час, шорох деревьев и немолчный звон воды (святого источника. – Т. М.) – все это настраивало особенным образом, и в моем воображении поднялись картины прошлого» (с. 33)¹. «Картины прошлого» Короленко включает в богомольный текст в виде заковыченных цитат из «старинной рукописи», записок благодетелей, описей церковного имущества, прямо (например: «по выражению иеромонаха Макария» (с. 35)) либо косвенно указывая авторов: «составитель описания Оранской богородицкой пустыни» (с. 35), «благочестивый комиссар-пожертвователь» (с. 36), «иеромонах-описатель» (с. 36) и т. д. Документальный текст в составе очерка свидетельствует о многочисленных чудесах конкретной иконы и описывает ее главное чудо – спасение Нижнего Новгорода в 1771 году от эпидемии моровой язвы. С тех пор появилась традиция устраивать с иконой крестные ходы, которая поддерживалась почти 150 лет (до 1917 года)².

¹ Цитаты приводятся по изданию: Короленко В. Г. За иконой // Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 3. Рассказы и очерки. С. 7–53 с указанием страниц в круглых скобках.

² Традиция возобновлена в 2004 году.

Икона Владимирской Богородицы (Оранская) имеет и отличительные физические черты (рис. 2).

Рис. 2. Оранская-Владимирская икона Божией Матери

Внизу иконы расположены 9 ростовых изображений святых – покровителей семьи Петра Глядкова, основателя и первого настоятеля Богородицкого монастыря и заказчика иконы. Кроме того, мафорий Богородицы и хитон младенца украшены серебряным окладом с жемчугом и драгоценными камнями¹.

¹ У иконы драматичная судьба. Список иконы был сделан в 1634 году. В 1885 году была проведена реставрация иконы на средства потомственных почетных граждан Нижнего Новгорода супругов Рукавишниковых фирмой Сазиковых в Москве. Был изготовлен серебряный с позолотой оклад, богато украшенный жемчугом, бриллиантами, рубинами, сапфирами, изумрудами и аметистами. Видимо, икону в окладе видел Короленко во время богомолья в 1887 году (в рассказе описаны «золотая риза» и «золотой венец» Богородицы). После революции монастырь был закрыт, серебряный с позолотой оклад с драгоценными камнями с иконы был снят. Икона была передана в Нижегородский историко-литературный музей. В сентябре 2008 года икона была возвращена в Оранский Богородицкий мужской монастырь, находится в зимнем храме Рождества Пресвятой Богородицы этой обители. См.: Дёгтева О. В. Судьба Оранской иконы Божией Матери: К проблеме об изъятии церковных ценностей в Советское время // Нижегородская старина. 2006. № 11. С. 31–35. На изображении современный оклад иконы: Электронный ресурс. URL <https://diveevo-monastyr.ru/news/moleben-pered-chtimym-obrazom-ikony-vladimirskoj-oranskoj-bozhiej-materi/#/5>. Вид иконы без оклада: Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/457604.html> (дата обращения: 12.06.2024).

Так икона с конкретной биографией, особенным обликом становится действующим лицом и сюжетным лейтмотивом паломнического богомольного травелога. Свойства иконы как священной реликвии задают параметры богомольного текста. Таким образом в паломническом травелоге формируется богомольный иконотопос (термин Валерия Владимировича Лепехина, см.: [12, с. 143]) – опыт внепространственного и вневременного бытия православного артефакта. Икона своим существованием подтверждает возможность выхода из времени в вечность, из храма в пространство, возможность обретения благодати для паломников сейчас на краткий миг созерцания иконы, а потом и навечно. Иконотопос в паломническом травелоге реализуется через иконичные описания слиянности иконы и богомольцев. Средством такого описания считаем «словесную икону» или экфрасис многофигурной многокомпонентной иконы, которая существовала в традициях русской иконописи¹. Создание, то есть творение словом, такой иконы и есть суть богомольного сюжета. Самым распространенным видом такой иконы была икона всех святых, но были и сюжетные иконы, посвященные житию какого-либо святого. В среднике такой иконы изображался святой, а по краям в клеймах – сцены жизни или деяний святого. Примерами таких икон могут быть иконы «Неопалимая купина», «Всех скорбящих радость», житийные иконы святого Георгия, Николая Чудотворца, Богородицы. Приводим пример нижегородской многофигурной богородичной иконы, где в клеймах вокруг фигуры Богородицы с младенцем изображены события из ее жизни (рис. 3)².

Считаем, что в богомольном травелоге «За иконой» воспроизведен словесный экфрасис многофигурной иконы Богородицы. Что же объединяет икону и описание богомолья в травелоге Короленко?

¹ См. об этом: Вальчак Д. Как верующему разобраться в гуще сцен и персонажей? Многофигурные и многоставные композиции в русской иконописи XVII–XIX вв. // *Studia Humanitatis*. 2022. № 4. Электронный ресурс. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 12.06.2024).

² Икона Богородицы Владимирская Флорищевская находится в Соборном храме Свято-Успенского мужского монастыря Флорищева пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы Выксунской епархии (Нижегородская обл., Володарский р-н, п. Фролищи). Электронный ресурс. URL: <https://nne.ru/objects/svyato-uspenskij-muzhskoj-monastyr-florishheva-pustyn/> (дата обращения: 12.06.2024).

Рис. 3. Икона Богородицы Владимирская Флорищевская

1. Общее иконичное пространство

Икона собирает богомольцев «из окрестностей и отдаленных сел и городов: из Балахны, Городца, Василя». По ходу движения иконы территория ее влияния расширяется: «богомольцы и «поклонники» собираются из Новой деревни, Митино, Вязовки, Каменки, Борисово, Ольгино, Горбатова. Пространство, осеняемое иконой, не ограничивается пятьюдесятью верстами от Нижнего до Оранок и охватывает практически все Поволжье и дальше: дороги иконе открыты на Московский и Арзамасский тракт. Под защитой иконы богомольцы иначе воспринимают окружающее простран-

ство – привычное и знакомое рядом с иконой становится иным: приятным и щедрым. Такое свойство пространству задает начало травелога: «Несколько дней стояло ненастье. Еще в ночь на девятнадцатое июня выпал обильный дождь, а утром ...[н]ебо расчищалось, синело, солнечные лучи играли в лужах, на освеженной зелени висели капли, срывались и сверкали в воздухе. – Порадела, владычица – ведро у бога выпросила, – говорили богомольцы...» (с. 7).

Иконотопическим признаком пространства в богородичном тексте является обратная перспектива и взгляд на пространство извне, как в иконе, где точка взгляда выведена за пределы иконы в глаза молящегося. Тогда далекие предметы кажутся яснее. Соблюдены и иконические иерархические пропорции с явным выделением центрального персонажа – иконы. Так, богомольцы изображены метафорически и обозначены метонимически как людское море или засеянное поле, которые целиком можно увидеть только сверху. Обе метафоры символизируют великое множество: «Когда мы вышли на улицу, ведущую к девичьему монастырю, пестрые передовые толпы уже заливали ее почти сплошными массами» (с. 8); «Рыжие мужицкие гречневики, котомки, лапти, красные сарафаны деревенских молодух, кое-где мещанский ситец, белые платочки – все это отливает по тракту вперед» (с. 10); «Впереди – пологий красивый подъем. Широкою лентой, окаймленная четырьмя рядами развесистых, старых берез, лежит дорога, вся пестрая, вся живая, усыпанная народом»; «...наперерез, из ближней деревни вышла на тракт кучка крестьян и стала в ряд, навстречу приближающейся иконе ... И тотчас же около нее начинается как-то густеть и завиваться прегражденное течение людского потока»; «мимо нас, точно река, сжатая берегами, густо, величаво и плавно несется уже сплошная толпа...» (с. 11) (подчеркнуто здесь и далее нами. – Т. М.).

Текст в рассказе организован так, что пространство видится с высоты как будто самой иконой: это она сверху видит дорогу, «залитую сплошными массами», людскую «реку» богомольцев. Местоположение иконы над «людским потоком» не случайно. Павел Александрович Флоренский объяснял это так: «Как светлое, проливающее свет видение, открывается икона. И как бы она ни была положена или поставлена, не мо-

жешь сказать об этом иначе, чем словом **высится**» [17, с. 52–53] (слово выделено шрифтом Флоренским. – Т. М.).

2. Общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев

В травелогe икона обретает плоть, материализуется, изображается как живая, она сейчас видит и слышит богомольцев, которые прибегают к ее милости. Как бы выходя за пределы иконы, Богородица обретает телесность и физические свойства тела, то есть, по сути, обретает и демонстрирует иконическую концептуальную черту – богочеловечность. Плоть иконы символически соприкасается с плотью богомольцев, которые ложатся под проносимую на руках икону: «Икона проносилась над распростертыми людьми. Счастливицы, над которыми она проходила, вставали с умиленными лицами» (с. 30). Икона символизирует вечность, богомольцы – бренность, но вынесенная за пределы церкви в реальную жизнь икона означает возможность единства земного и небесного, временного и вечного для богомольцев. В рассказе показано слиянное со-бытие богомольцев и иконы, которая открывает богомольцам их божественное признание и предназначение.

Таким образом, иконотопос в богомольном травелогe обретает черты священного пространства и имеет свойства иконического описания. В центре словесной иконы – сама икона, низ иконы представлен людским морем богомольцев. В описании соблюдены пропорции иконы (средника и клейм-эпизодов): «...икона плывет в воздухе над этим океаном обнаженных голов» (с. 12).

3. Взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев

Богомольцы вместе с иконой составляют единое целое: «Страждущий, болящий, немощный и скорбящий люд охватывал икону живою волной, которая вздымалась под влиянием какого-то особенного притяжения. Не глядя друг на друга, не обращая внимания на толчки, все они смотрели в одно место <...> все обращалось к одному центру, туда, где из-за стекла и переплета рамы сияла золотая риза и голова богоматери

склонялась темным пятном к младенцу. Из глубины киота икона производила особенное впечатление. Солнечные лучи, проникая сквозь стекла, сверкали смягченными переливами на золоте ее венца; от движения толпы икона слегка колебалась, переливы света вспыхивали и угасали, перебегая с места на место, и склоненная голова, казалось, шевелилась над взволнованною толпою. Тогда потухшие глаза и искаженные лица оживлялись. По всем этим лицам проходило какое-то веяние, сглаживавшее все различные оттенки страдания, подвигавшее их под общее выражение умиления» (с. 28–29).

Последнее подкреплено эпизодами-клеймами вокруг чудотворной иконы, которая является центром богомольного иконотопоса и словесной иконы. Мы обнаружили несколько канонических примеров чудотворения. Образцы чудотворного действия иконы описаны самим автором в «картинах прошлого», взятых из документальных источников: «Чудотворная икона, прежде обращавшая силу свою на посрамление воровских и разбойных поползновений окрестных жителей против старцев и являвшаяся как бы воюющей стороной, теперь изливала свои милости, исцеляла немощных, прогоняла грозовые тучи или призывала благодатные дожди на спаленные нивы. "И процвела есть пустыня яко крин"» (с. 36–37)¹.

Нами обнаружены следующие эпизоды чудотворения иконы во время крестного хода, описанные в рассказе «За иконой».

Эпизод исцеления кликуши

«Кликушу», «порченую» молодую женщину, привели «класть под икону» для исцеления. Ее держат родные, а вокруг «грустно стоят ее однодеревенцы». Кликуша «неистово вырывается из рук, мечется, кидается в стороны» (с. 11). Это распространенный недуг: «Пока до Митина дойдем, штук десять выведут», – говорит какой-то мещанин-богомolec (с. 11). Резкие «нечеловеческие» вопли кликуши перекрывают даже шум толпы и пение хора. Но вот ее кладут под

¹ «Чудеса» от иконы в рассказе Короленко не совпадают дословно с чудесами, описанными в рукописных «Сказаниях» о чудесах иконы Владимирской Божьей Матери, но среди чудес в «Сказаниях», кроме защиты страны от врагов, есть много бытовых случаев, как и в рассказе, – спасение людей от опасности (утопление, обрушение на людей городских ворот и др.), болезней, слепоты, помощь в родах, а также помощь в сохранении урожая и др.

икону и – молодая женщина «вздрагивает», «по-детски» тихо плачет и успокаивается.

Эпизод с крестьянской семьей, просящей Богородицу об урожае

По пути иконы паломники буквально появляются из полей, вырастают из земли, стекаясь по ржаным полям к дороге, по которой несут чудотворную икону: «В одном месте, на полосе, среди хлебов, стояла целая семья: седой старик со старухой впереди, рядом сын большак, поодаль молодуха. Две или три детских головки чуть виднелись среди колосьев. Сзади угасало за горой солнце, и фигуры крестьян рисовались ясно и торжественно над колыхавшеюся рожью» (с. 22). «Насчет хлебушка прибегают к владычице. Мало ли что может случиться? – град, засуха, червяк», – комментируют богомольцы самые насущные просьбы хлебопашцев. Этот эпизод органично вписывается в полотно картины и свидетельствует, что, как и Дева Мария с младенцем, богочеловечны и паломники. Само изображение семьи богомольцев среди хлебов максимально иконично. И Богородицу с младенцем и крестьянскую семью освещает одно и то же солнце. Совпадает и цветовое решение эпизода и полей иконы. Сам эпизод визуализирован как икона: в центре икона Богородицы с младенцем, вокруг нее – 3 поколения семьи хлебопашцев, фоном золото колыхущейся ржи как свидетельство милости Богородицы.

Эпизод со старушкой-богомольцей (радение за благою смерть)

Этот эпизод символизирует последний жизненный подвиг человека, просьбу о благодной смерти под сенью иконы. Опирающаяся на палку сгорбившаяся старуха, с трудом передвигая ноги, одиноко, «шаг за шагом», отмеривает свой многотрудный путь. На сомнение проходящих мимо богомольцев – «нешто этак возможно» и «никак не дойти» – старушка отвечает с надеждой: «Авось, матушка владычица донесет. Порадеть хочется матушке ... Стара ... Помирать скоро, – порадеть хочется» (с. 20). Возможно, это путь в одну сторону, и тогда осуществится надежда богомольца – по смерти остаться под сенью иконы на кладбище монастыря.

Эпизод с видением иконы (чудо освященного места)

Этот эпизод свидетельствует об искоренении грешного места рядом с монастырем. Рассказывает его мужичок из монастырской слободы в качестве аргумента в споре с раскольником, пророчащим гибель монастырю, так как на этом месте раньше был языческий вертеп, и место это «на смердело»: «Так вот в прежние года, не очень давно, у них в этом месте игрища была; девки, бывало, хороводы водят, песни поют, а парни на гармониях играют, в дуды дудят» (с. 44). По легенде, на игрищном поле оказалась некая девица, коей явилось видение: «все кругом провалилось ... Я одна на малым месте стою и ступить мне некуда ... А икона, значит, на облаке в небо поднялась ...» (с. 45). После «игрищу с этих самых пор унистожили, отслужили на том месте молебен с иконой и поставили часовенку» (с. 45). То есть место часовне и будущему монастырю освятила икона. Это самое распространенное чудо иконы – указание своим появлением места будущего храма или монастырской обители.

Обсуждение и выводы

Анализ показал, что в богомольном иконотопосе рассказа «За иконой» представлены многие чудеса и милости иконы Богородицы: исцеление от болезни, указание святого места, чудо о хлебе, чудо об упокоении в святом месте. Все эпизоды чудес являются частью иконного полотна. В богомольном травелоге «За иконой» воспроизведен словесный экфрасис многофигурной житийной иконы Богородицы. Богородичный иконотопос в травелогe обретает черты священного пространства и имеет свойства иконического описания с помощью словесной иконы. В центре словесной иконы – сама икона, низ иконы представлен людским морем богомольцев. Поля иконы образуют клейма-эпизоды чудотворения иконы. Иконографическому описанию богомолья соответствует мотив слиянности иконы и богомольцев в едином молитвенном порыве, выходящем за пределы времени и пространства. Словесный экфрасис иконы, созданный в богомольном травелогe, и саму икону объединяет общее иконичное пространство, общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев, взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев.

Список литературы

1. Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800–1860-х годов: священное пространство, история, человек: монография. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 452 с.
2. Балькина М. И. Нижегородская служилая корпорация первой половины XVII века по данным десятен // Позднесредневековый город: Археология. История: Материалы III Всероссийского семинара. – Тула, 2011. – С. 232–238
3. Балькина М. И. Нижегородские служилые люди А. П. Суровцов и П. А. Глядково: (Два пути самовыражения личности в XVII в.) // Русский исторический сборник. – М.: Киммерийский центр, 2013. – Вып. 5. – С. 305–316.
4. Брызгалова А. А., Ныркова М. А., Кудрина А. А. История изначально Оранского мужского монастыря // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 392–395.
5. Гавриил, иеромонах. Описание Оранского Богородицкого монастыря. – Н. Новгород: Типография П. А. Косарева, 1871. – 195 с.
6. Дегтева О. В. Богородицкий мужской монастырь // Нижегородская старина. – 2006. – Вып. 11. – С. 1–9.
7. Закирова Н. Н. «Культурные коды» эпохи в нижегородской автобиографии В. Г. Короленко // Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма. Сб. материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 11–19.
8. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. – Мюнхен, 1959. – 203 с.
9. Короленко В. Г. За иконой // Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 3. Рассказы и очерки. – С. 7–53.
10. Короленко В. Г. За иконой: Повести и рассказы / Сост., предисл. И. Ковыневой. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 352 с. (Библиотека духовной прозы).
11. Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. Матис. – М., 1996. – С. 487–491.
12. Лепяхин В. Икона и иконичность. – Сергед: JATEPress, 2000. – 373 с.
13. Макарий, иеромонах. Описание Оранской Богородицкой пустыни. – М.: Типография В. Готье, 1851. – 108 с.
14. Мальцева Т. В. Изучение христианских основ творчества русских писателей в отечественной филологии // Православие и духовно-нравственное становление личности современника. Материалы международной научно-практической конференции «Восьмые Пюхтицкие чтения». – Куремяэ, 2019. – С. 185–190.
15. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы / Подготовка текста, пер. и комм. В. П. Гребенюка // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачёва и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – С. 218–225.
16. Полуэктова Н. А. «Богомолье» И. С. Шмелева: к вопросу о жанровом своеобразии // Проблемы целостного анализа художественного произведения. – Брянск, 2005. – Вып. 4. – С. 57–63.
17. Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. – СПб: Русская книга, 1993. – С. 1–174.
18. Фортунатов Н. М. В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885–1896. – Горький, 1986. – 159 с.
19. Фортунатов Н. М. Нижегородские метаморфозы русской классики – В. Г. Короленко // Короленковское наследие в самосознании XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвященной 165-летию В. Г. Короленко. – Глазов: ГГПИ, 2018. – С. 68–73.
20. Черников А. П. Повесть И. С. Шмелева «Богомолье» в контексте духовных исканий писателя // Проблема традиций в русской литературе. Межвуз. сб. науч. тр. – Нижний Новгород, 1998. – С. 171–180.
21. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Шапова. – СПб.: изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 1. – С. 580–647.

Tatiana V. Maltseva

The Image of the Icon in a Pious Travelogue

The article analyzes the story by V. G. Korolenko *Behind the Icon* (1887) as the author's subject of a prayer text. The purpose of the article is to consider the story "Behind the Icon" as a pilgrim prayer travelogue. The central image of the travelogue is the miraculous icon of the Vladimir Mother of God and the prayer associated with it. The material under study involves the use of the technique of "iconographic reading" of the relic, which is a spiritual constant of the prayer text. The method of ekphrastic analysis is also used. The presence of an iconotopic in the prayer travelogue as an experience of the extra-spatial existence of an Orthodox artifact is revealed. The icon in the pilgrimage travelogue appears in unity with the pilgrims and the space it overshadows. The icon sets the main technique for describing the pilgrimage plot – verbal ekphrasis of a multi-figure multi-component icon. The plot content of the icon is prayer. The verbal ekphrasis of the icon, created in a pilgrimage travelogue, and the icon itself are united by a common iconic space, a common iconotopic timeless existence of the icon and pilgrims, mutual participation in the iconic miracle of the icon and pilgrims.

Key words: V. G. Korolenko, novel *Behind the Icon*, pilgrimage travelogue, pilgrimage, icon, ekphrasis.

For citation: Maltseva, T. V. (2024) *Obraz ikony v bogomol'nom traveloge* [The Image of the Icon in a Pious Travelogue]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 43–60. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_43. EDN: YWIXJT

References

1. Aleksandrova-Osokina, O. N. (2015) *Palomnicheskaya proza 1800–1860-h godov: svyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek: monografiya* [Pilgrimage Prose of the 1800s – 1860s: Sacred Space, History, and Man: A Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).
2. Balykina, M. I. (2011) *Nizhegorodskaya sluzhilaya korporaciya pervoj poloviny XVII veka po dannym desyaten* [Nizhny Novgorod Service Corporation of the First Half of the 17th Century Based on Tithes]. *Pozdnesrednevekovyj gorod: Arheologiya. Istoriya: Materialy III Vserossijskogo seminar* [Late Medieval City: Archaeology. History: Proceedings of the III All-Russian Seminar]. Tula. Pp. 232–238. (In Russian).
3. Balykina, M. I. (2013) *Nizhegorodskie sluzhilye lyudi A. P. Surovcov i P. A. Glyadkov: (Dva puti samovyrazheniya lichnosti v XVII v.)* [Nizhny Novgorod Service People A. P. Surovtsov and P. A. Glyadkov: (Two Paths of Personal Self-Expression in the 17th Century)]. *Russkij istoricheskij sbornik* [Russian Historical Collection]. Moscow: Kimmerijskij centr. Issue 5. Pp. 305–316. (In Russian).
4. Bryzgalova, A. A., Nyrkova, M. A., Kudrina, A. A. (2015) *Istoriya iznachaliya Oranskogo muzhskogo monastyrya* [History of the origins of the Oransky Monastery]. *Molodoy uchenyj – Young scientist*. No. 14 (94). Pp. 392–395. (In Russian).
5. Gavriil, ieromonah (1871) *Opisanie Oranskogo Bogorodickogo monastyrya* [Description of the Oransky Bogoroditsky Monastery]. N. Novgorod: Tipografiya P. A. Kosareva. (In Russian).
6. Degteva, O. V. (2006) *Bogorodickij muzhskoj monastyr'* [Bogoroditsky Monastery]. *Nizhegorodskaya starina* [Nizhegorodskaya Starina]. Issue. 11. Pp. 1–9. (In Russian).
7. Zakirova, N. N. (2019) «Kul'turnye kody» epohi v nizhegorodskoj avtobiografii V. G. Korolenko ["Cultural Codes" of the Era in the Nizhny Novgorod Autobiography of V. G. Korolenko]. *Nasledie V. G. Korolenko. Strategii gumanizma. Sb. materialov Vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Legacy of V. G. Korolenko. Strategies of Humanism. Collection of Materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference]. N. Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Pp. 11–19. (In Russian).

8. Il'in, I. A. (1959) *O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki. Bunin – Remizov – SHmelev* [On Darkness and Enlightenment. Book of Art Criticism. Bunin – Remizov – Shmelev]. Munich. (In Russian).

9. Korolenko, V. G. (1954) *Za ikonoy* [Behind the Icon]. *Korolenko V. G. Sobr. soch. v 10 t.* [Korolenko V. G. Collected Works in 10 Volumes]. Moscow: GIHL Publ. Vol. 3. Rasskazy i ocherki. Pp. 7–53. (In Russian).

10. Korolenko, V. G. (2008) *Za ikonoy: Povesti i rasskazy* Sost., predisl. I. Kovynevoj [Behind the Icon: Stories and Short Stories. Comp., Preface by I. Kovyneva]. Moscow: Izd-vo Sreten-skogo monastyrya. (Biblioteka duhovnoj prozy) (In Russian).

11. Kuchkin, V. A., Sumnikova, T. A. (1996) *Drevnejshaya redakciya Skazaniya ob ikone Vladimirskoj Bogomateri* [The Oldest Edition of the Tale of the Icon of the Vladimir Mother of God]. *CHudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi. Matis* [The Miraculous Icon in Byzantium and Ancient Rus'. Matisse]. Moscow. Pp. 487–491. (In Russian).

12. Lepahin, V. (2000) *Ikona i ikonichnost'* [Icon and Iconicity]. Seged: JATEPress. (In Russian).

13. Makarij, ieromonah (1851) *Opisanie Oranskoj Bogorodickoj pustyni* [Description of the Oran Mother of God Hermitage]. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).

14. Mal'ceva, T. V. (2019) *Izuchenie hristianskih osnov tvorchestva russkih pisatelej v otechestvennoj filologii* [Study of Christian foundations of creativity of Russian writers in domestic philology]. *Pravoslaviye i duhovno-nravstvennoe stanovenie lichnosti sovremennika. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Vos'mye Pyuhtickie chteniya»* [Orthodoxy and spiritual and moral formation of personality of contemporary. Materials of the international scientific and practical conference "Eighth Pyukhtitsa readings"]. Kuremyae. Pp. 185–190. (In Russian).

15. Lihachyov, D. S. (1997) (ed.) *Skazanie o chyudesah Vladimirskoj ikony Bogorodicy. Podgotovka teksta, per. i komm. V. P. Grebenyuka* [The Tale of the Miracles of the Vladimir Icon of the Mother of God; preparation of the text, trans. and comment. V. P. Grebenyuk] *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus] RAN. IRLI; pod red. D. S. Lihachyova i dr. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 4: XII vek. Pp. 218–225. (In Russian).

16. Poluektova, N. A. (2005) «Bogomol'e» I. S. SHmeleva: k voprosu o zhanrovom svoe-obrazii ["Pilgrimage" by I. S. Shmelev: on the issue of genre originality]. *Problemy celostnogo analiza hudozhestvennogo proizvedeniya* [Problems of a holistic analysis of a work of art]. Bryansk. Issue. 4. Pp. 57–63. (In Russian).

17. Florenskij, P. A. (1993) *Ikonostas* [Iconostasis] Florenskij P. A. *Izbrannyye trudy po iskusstvu* [Florensky P. A. Selected works on art]. St. Petersburg: Russkaya kniga Publ. Pp. 1–174. (In Russian).

18. Fortunatov, N. M. (1986) *V. G. Korolenko v Nizhnem Novgorode. 1885–1896* [V. G. Korolenko in Nizhny Novgorod. 1885–1896]. Gor'kij. (In Russian).

19. Fortunatov, N. M. (2018) *Nizhegorodskie metamorfozy russkoj klassiki – V. G. Korolenko* [Nizhny Novgorod metamorphoses of Russian classics – V. G. Korolenko]. *Korolenkovskoe nasledie v samosoznanii XXI veka* [Korolenko's legacy in the self-awareness of the 21st century]. Collection of materials from the International scientific and practical conference "Eleventh Korolenko Readings" dedicated to the 165th anniversary of V. G. Korolenko. Glazov: GGPI. Pp. 68–73. (In Russian).

20. CHernikov, A. P. (1998) *Povest' I. S. SHmeleva «Bogomol'e» v kontekste duhovnyh iskanij pisatelya* [I. S. Shmelev's story "Pilgrimage" in the context of the writer's spiritual quest]. *Problema tradicij v russkoj literature. Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The problem of traditions in Russian literature. Interuniversity collection of scientific papers]. Nizhnij Novgorod. Pp. 171–180. (In Russian).

21. SHCHapov, A. P. (1906) *Umstvennyye napravleniya russkogo raskola* [Intellectual directions of the Russian schism]. *Sochineniya A. SHCHapova* [Works by A. Shchapov]. St. Petersburg: izd. M. V. Pirozhkova. Vol. 1. Pp. 580–647. (In Russian).

Об авторе

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

About the Author

Maltseva Tatiana V., Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

дата получения: 10.07.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 10 July 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024

Е. Г. Николаева

Интертекст в романе В. Набокова «Отчаяние»: лев и собачка

С помощью компаративистского и интертекстуального подходов в статье анализируется металитературный прием В. Набокова как уникальная комбинаторика, в которой чужие элементы функционируют совершенно иначе. Сон Германа о «жучьей личинке» («лжесобачке») в романе «Отчаяние» рассмотрен как «комполит» большого числа претекстов – «Льва и собачки» Л. Н. Толстого, произведений Ф. М. Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью» «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бобок»). Родство лексем жук и Жучка обнаружило связи с «Макбетом» Шекспира и «Превращением» Кафки. «Собачий сюжет» у Набокова претерпевает принципиальную метаморфозу: обрстая иными контекстами, присоединяя языковую игру и символику жука, с одной стороны, он полностью не утрачивает значение чужих сюжетных элементов, сохраняя их смысловое мерцание, с другой – радикально отменяет их, образуя новые «коннотации» и сюжетные ходы. Слом сюжета объясняется двойным повествованием: Герман – «пишущая капсула», с помощью которой Автор «двадцатую пятую почерками» – на осколках чужих писательских манер, сюжетов и приемов – создает за счет «химической реакции» претекстов абсолютно новый текст.

Ключевые слова: Набоков, «Отчаяние», жук, интертекст, метатекст, Толстой, «Лев и собачка», Достоевский, Кафка, Шекспир.

Для цитирования: Николаева Е. Г. Интертекст в романе В. Набокова «Отчаяние»: лев и собачка // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 61–79. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_61. EDN: UFNHNT

Интертекстуальность романа «Отчаяние» (1934) В. Набокова исследовалась неоднократно: на его связи с «Пиковой дамой» А. С. Пушкина, повестью «Двойник» и романом «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского указывал В. В. Шадурский [18], пародийное переосмысление творчества Достоевского Набоковым – принципиальное отталкивание Набокова от «достоевщины» было осмыслено А. Долининым и Ю. Л. Михайловой¹. Рядом исследователей было изучено

© Николаева Е. Г., 2024

¹ Dolinin A. The Caning of Modernist Profaners: Parody in Despair. Электронный ресурс. URL: <http://www.libraries.psu.edu/iasweb/nabokov/forians.htm>; Михайлова Ю. Л. Интертекстуальные связи романа В. Набокова «Отчаяние» с произведениями Ф. Достоевского и А. Пушкина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена.

влияние на поэтику «Отчаяния» романов Ф. Сологуба «Мелкий бес» [9; 15], К. Вагинова «Козлиная песнь»¹, а также творчества Маяковского и левовского круга писателей [16] и др.

В нашем исследовании, посвященном изучению животного кода в этом романе, мы уже отмечали обращение Набокова к толстовскому контексту: от придания «львиных» черт художнику Ардалиону до копирования в романе творческого почерка Толстого – использования имени автора как важного элемента поэтики, в том числе в рамках оппозиции *Leon (Лев) – Napoleon* [14]. Настоящая работа ставит своей целью продолжение анализа связей романа с этим контекстом, но уже в рамках творчества Толстого.

В научной литературе мифопоэтика личного имени Льва Толстого и формы авторского присутствия в его произведениях рассматривались, но не в связи с его произведениями для детей. Так, в работе «Имя автора» В. В. Мароши [11] не упоминается «Лев и собачка»² и другие детские рассказы, где героем становится лев; связь имени автора со львом не фокусируется и в первой части труда А. К. Жолковского и Ю. К. Шеглова «*Ex ungue leonem...*» («С точки зрения льва...») [8], где анализируются произведения Толстого, написанные для детей. В связи с этой лакуной нами в настоящем исследовании выдвигается и доказывается следующая гипотеза: в романе Набокова «Отчаяние» «Лев и собачка» в совокупности с некоторыми другими претекстами встраивается в структуру сознания Германа буквально как «точка зрения» льва: герой видит сон о «подменной собачке», в котором, с одной стороны, он выступает в роли «разъяренного льва», а с другой – в его сон «вмонтировано» интертекстуальное переосмысление были Льва Толстого, на которое наслаивается обращение к другим претекстам – прежде всего, произведениям Достоевского.

Материалы и методы

В основе исследования лежит компаративистский и интертекстуальный подходы, которые позволяют проанализи-

2008. № 85. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-svyazi-romana-v-nabokova-otchayanie-s-proizvedeniyami-f-dostoevskogo-i-a-pushkina> (дата обращения: 03.06.2024).

¹ Буренина О. Отчаяние как олакрез русского символизма. Электронный ресурс. URL: <http://www.diss.sense.uni-konstanz.de> (дата обращения: 12.12.2020).

² Первая публикация – 1975, в собрании сочинений – 1880.

ровать металитературный прием В. Набокова: манера письма героя романа «Отчаяние», осмысленная им как совмещение двадцати пяти почерков, одновременно с трансляцией убийственной идеологии Германа становится для Набокова не просто осмыслением приемов и стилистики авторов-предшественников, но их уникальной комбинаторикой, рождающей новую поэтику, в которой чужие элементы, мерцая прежними смыслами, функционируют совершенно иначе. Это касается, в том числе, и «собачьего сюжета». Актуальность данной статьи заключается, в частности, в осмыслении места толстовской были «Лев и собачка», а также собачьего сюжета Достоевского в романе Набокова.

Результаты

Чтобы аргументировать тезисы, заявленные во введении, обратимся вначале к тексту были Толстого «Лев и собачка». В ней собачка – объект привязанности, нежной дружбы льва с существом, которое он мог растерзать:

В Лондоне показывали диких зверей и за смотрење брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям. Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье. <...> С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней. <...> Хозяин хотел отдать [собачку. – Е. Н.], но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев ошетинился и зарычал. <...> Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой. Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя, хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол. Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней [17, с. 72].

На первый взгляд, история льва и мертвой собачки ничем не напоминает сон Германа: *«Мне приснился отвратительный сон. Мне приснилась собачка, – но не просто собачка, а лжесобачка, маленькая, с черными глазками жучьей личинки, и вся беленькая, холодненькая, – мясо не мясо, а скорее*

сальце или бланманже, а вернее всего, мяско белого червя, да притом с волной и резьбой, как бывает на пасхальном баране из масла, – гнусная мимикрия, холоднокровное существо, созданное природой под собачку, с хвостом, с лапками, – все как следует» [13, с. 456]. Безусловно, справедливо, что комментаторы романа А. Долинин и О. Сконечная соотносят собачку из сна Германа с «мерзкой собачонкой», «которая в галлюцинациях Поприщина издевается над ним», со «скверной собачонкой» в «Двойнике» Достоевского и с солугубовской Недотыкомкой, «которая неотвязно преследует Передонова, прикидываясь "лентою, веткою, тучкою, собачкою"» [13, с. 766].

Связь сна Германа о лжесобачке с былью Толстого менее очевидна: чтобы ее обнаружить, нужно вначале сказать о «промежуточном звене» – сходстве сна Германа со сном Раскольниково о «лошаденке», в котором, учитывая его символическую и в некотором смысле прогностическую функцию, лошадь является онейрической подменой Алены Ивановны, а следовательно, – «лжелошаденкой». В «Отчаянии» Набокова гнусная лжесобачка во второй части анфиладного сна оказывается на постели, где заснул Феликс: «На простыне соседней постели лежала, свернувшись холодным белым пирожком, все та же гнусная лжесобачка, – так, впрочем, сворачиваются личинки...» [13, с. 456]. Лжесобачка, как лошаденка у Достоевского, подменяет будущую жертву – Феликса, спящего в реальности рядом с Германом: она становится «жучьей личинкой», похожей на Феликса, завернувшегося в пуховик (ср. в «Отчаянии»: «Феликс спал, завернувшись в пуховик, спиной ко мне, я видел только его макушку» [13, с. 456]). Реакция на сон у героев Достоевского и Набокова сходная – это отвращение. В «Преступлении и наказании» у Раскольникова: «Уж не горячка ли во мне начинается: такой безобразный сон!» [6, с. 59], «Слава богу, это только сон! – сказал он, садясь под деревом и глубоко переводя дыхание. <...> да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей [старухе. – Е. Н.] череп...» [6, с. 59–60]; в «Отчаянии» у Германа: «Я застонал от отвращения» [13, с. 456].

Далее читателю, к которому обращается герой Набокова, может показаться, что Герман, проснувшись от «отвратительного сна», «учитывает» опыт Раскольникова, прозревает,

отрезвляясь от замысла убийства: «Читатель, я чувствовал себя по-детски свежим, после недолгого сна, душа моя была как бы промыта, мне, в конце концов, шел всего только тридцать шестой год, щедрый остаток жизни мог быть посвящен кое-чему другому, нежели мерзкой мечте» [13, с. 456], – он ощущает очищение: «душа моя была промыта», «все стало просто», «навсегда забыть моего двойника», «он вовсе не похож на меня» [13, с. 456–457]. Но в христианском смысле это прозрение пародийно – пафос «прозрения» снижается в конце главы вниманием к физиологическим реакциям и ощущениям: «низкая пищеводная нота», «коньячная отрыжка» и «соленые следы яичницы». Больше это отрезвление от «мерзкой мечты» похоже на металитературное «прозрение» героя – догадку о том, что он есть новая функция, взятая от старых обстоятельств, сотканная из чужих цитат: Герман «опознает» контекст Достоевского с героем-убийцей, глетворным запахом и мухами, преследующими его: «И этот трезвый, тяжелый запах чужого пота, это бледно-серое небо в окне, большая черная муха, сидевшая на графине...» [13, с. 457]. И все это вызывает у него желание выйти из предписанной роли, «воскреснуть» к новой жизни, поэтому притча о Лазаре, столь важная в сюжете «Преступления и наказания», и евангельские истории об исцелении Иисусом больных в «Отчаянии» переосмысливаются: «Все говорило мне: уйди, встань и уйди» [13, с. 457], – Герман словно бы приобретает независимость от автора – он думает, что может «встать и уйти». Не случайно, что следующая за этим VI глава начинается с отрицания Бога, что в металитературном плане может также прочитываться как бунт Германа против Автора: «Небытие Божье доказывается просто. Невозможно допустить, например, что некий серьезный Сый, всемогущий и всемудрый, занимался бы таким пустым делом, как игра в человечки, ... и никогда – заметьте, никогда! – не показывая своего лица, а разве только исподтишка, обиняками, по-воровски – какие уж тут откровения!» [13, с. 457–458]. Но голос героя, только что прорвавшись, вновь оказывается насквозь литературным: «Идею Бога изобрел в утро мира талантливый шалопай <...> Если я не хозяин своей жизни, не деспот своего бытия, то никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в невозможной глупости моего положения, –

положения раба Божьего, – даже не раба, а какой-то спички, которую зря зажигает и потом гасит любознательный ребенок – гроза своих игрушек. Но беспокоиться не о чем, Бога нет, как нет и бессмертия...» [13, с. 458], – сотканным из богоборческих голосов героев Достоевского: Ивана Карамазова – «– Я думаю, что если дьявол не существует и стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию. <...> Хорош же твой бог, коль его создал человек по образу своему и подобию» [5, IX, с. 268–269]; «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. <...> Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. <...> Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю. – Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша» [5, IX, с. 276], Раскольников – «– Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников. Свидригайлов сидел в задумчивости. – А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, – сказал он вдруг. <...> Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится. <...> может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! – ответил Свидригайлов, неопределенно улыбаясь» [6, с. 272].

У Набокова в «Отчаянии» вечность так же рассматривается Германом как пытка бессмертием с «белыми, холодными собачками»:

В самом деле, – представьте себе, что вы умерли и вот очнулись в раю, где с улыбками вас встречают дорогие покойники. Так вот, скажите на милость, какая у нас гарантия, что это покойники подлинные, что это действительно ваша покойная матушка, а не какой-нибудь мелкий демон-мистификатор, изображающий, играющий вашу матушку с большим искусством и правдоподобием. Вот в чем затор, вот в чем ужас, и ведь игра-то будет долгая, бесконечная, никогда, никогда, никогда душа на том свете не будет уверена, что ласковые, родные души, окружившие

ее, не ряженные демоны, – и вечно, вечно, вечно душа будет пребывать в сомнении, ждать страшной, издевательской перемены в любимом лице, наклонившемся к ней» [13, с. 458–459].

Таким образом, вечность представляется герою фантастической и тотальной подменой всего и вся двойниками – живыми копиями оригиналов, «лжесобачками» из сна. Безусловно интересна эта «зоологическая» замена Набоковым пауков Достоевского на собачку. Причины этого – в резкой смене фокуса с «Преступления и наказания» Достоевского на другие претексты, в числе которых «Лев и собачка» Толстого.

В этой бѣли Толстого мы видим именно ту ситуацию, о которой говорит Герман в пассаже о вечности, – нежную привязанность, горе от утраты любимого существа. А далее в тексте Толстого обнаруживается способ, предлагаемый людьми, для того чтобы избыть горечь потери, – замена мертвого дорогого объекта подобным объектом – другой собачкой, и реакция на такой способ: *«Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней. На шестой день лев умер»* [17, с. 72].

В романе «Отчаяние» у Германа «ряженные демоны» / «лжесобачка», подменяющие души любимых «дорогих покойников» в его сне и размышлениях, вызывают такое же бешенство, как и у льва в были Толстого при попытке людей подменить умершую собачку живой.

Говоря о подмене любимых людей в посмертном бытии на лжесобачек в романе Набокова, нельзя не вспомнить еще один контекст, который, помимо «Льва и собачки», оказывается в «Отчаянии» творчески преобразован – это роман «Братья Карамазовы» (1879–1880), где умирающий Илюша печалится о смерти своей Жучки и не приемлет подмены на нового щенка.

Чтобы это стало очевидным, обратим внимание на этимологическую связь слов жук и клички собаки Жучка. В словаре В. И. Даля связь жука с черным цветом обозначена отчетливо: «Вообще жук и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте» [3, с. 495]. Доказывают это приведенные

ученым примеры, в том числе, загадка «Черный ворон с рогом, а не бык» (жук), ряд номинаций: жукола – костр. черная корова, жучка – влад. чернорабочий, Жучка – кличка черной собаки [3, с. 495]. Что касается последней, автор словаря подчеркивает еще раз: «Слово жучка обозначает дворовую непородистую собаку, по большей части черную» [3, с. 495]. Н. М. Шанский, рассматривая связи слов жук, жука и Жучка, опирается на это словарное толкование В. И. Даля, соглашаясь с ним в этимологической связи жука и клички собаки: «Жука <...> и жучку <...> объединяет общий для них обоих признак – черный цвет» [18, с. 37]. Черный цвет закрепился за кличкой, вероятнее всего, вследствие того, что большинство жуков имеет черный цвет (ср. использование устаревшего цветового обозначения «жуковый» – очень темный коричневый, почти черный). Такая связь черного цвета и клички собаки наблюдается, например, в «Детстве Темы» Н. М. Гарина-Михайловского (1892) – Жучка там черная.

Таким образом, кличка собаки из романа «Братья Карамазовы» также может служить доказательством обращения Набокова к этому претексту: во сне Германа лжесобачка превращается в «жучью личинку» [13, с. 456] – своего рода набоковская игра в «словообразование наоборот» – теперь собачка претерпевает метаморфозу, становясь личинкой жука и потенциально – жуком, а лингвистически собака Жучка (кличка) «появилась» из жука. Рассмотрим подробнее фрагмент 4-й главы 10-й книги романа «Братья Карамазовы», которая называется «Жучка» (что, безусловно, делает ее образ особенно значимым – собака играет в ней важнейшую роль): «Это была лохматая собака, величиной с обыкновенную дворняжку, какой-то серо-лиловой шерсти. Правый глаз ее был крив, а левое ухо почему-то с разрезом. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на задних лапах, бросалась на спину всеми четырьмя лапами вверх и лежала без движения как мертвая» [5, X, с. 19]. Важно отметить, что здесь, в отличие от бѣлы Толстого, собака «играет» в смерть: она выполняет трюк, которому обучена, – притворяется мертвой. Но далее Илюша, подученный Смердяковым, бросает Жучке лакомый кусок с булавкой, проглотив который собака «завизжала, завертелась и пустилась бежать, бежит и всё визжит» [5,

Х, с. 28]. Увидев страдания любимицы, которая после его проступка исчезает, Илюша уверяет себя в ее гибели и своей вине в этом – объясняет свою болезнь наказанием за преступление перед живым существом: «*Это оттого я болен, папа, что я Жучку тогда убил, это меня бог наказал*» [5, X, с. 29].

Жучка приносит своей предполагаемой смертью нравственные и физические страдания любящему ее мальчику (как и в были Толстого, настоящая смерть собачки приносит мучения льву). В романе Достоевского, который вышел в печати в 1879 и 1880 годах (то есть позже первой публикации «Льва и собачки» в 1875), любая попытка заменить умершую собаку кем-то другим точно так же не избавляет Илюшу от страданий, как и Льва у Толстого. Друзья Илюши и его отец, зная о страданиях мальчика, ищут пути его утешения: «*Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только он посмотрел, чуть-чуть улыбнулся и попросил, чтобы выпустили его в поле. Так мы и сделали. Сию минуту отец воротился и ему щенка меделянского [1, с. 378]¹ принес, тоже достал откуда-то, думал этим утешить, только хуже еще, кажется, вышло...*» [5, X, с. 29–30]. Эти неудачные попытки приводят к пониманию того, что только сама живая Жучка и могла бы «исцелить» Илюшу: «*И если бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, он бы воскрес от радости*» [5, X, с. 29]. Но убежденность Коли Красоткина в том, что Жучки больше нет: «*– Нельзя Жучку. Жучка не существует. Жучка исчезла во мраке неизвестности*» [5, X, с. 17], – рождает у Смурова то же предположение, что и у людей в были Толстого – подмена мертвой собаки на живую спасет тоскующего / умирающего (льва / Илюшу): «*– Ах, нельзя ли бы так, – приостановился вдруг Смуров, – ведь Илюша говорит, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая же седая, дымчатая, как и Перезвон, – нельзя ли сказать, что это та самая Жучка и есть, он, может быть, и поверит?»*

¹ Меделянская собака, меделянка – вымершая русская порода собак, происходившая из Италии (из Медиолана – старого названия Милана), запрещена с 1860-х годов после появления запрета на медвежью охоту. См. подробнее: Ефремова М. Художественный проект «Ушедшие в века»: меделянская собака и другие. Электронный ресурс. URL: <http://nv.ru/page4.htm> (дата обращения: 27.02.2021). Щенок такой собаки стоил всегда баснословно дорого, так, например, «в 1833 году для царской охоты были куплены две меделянские собаки по 100 рублей и четьре по 320 рублей – деньги по тем временам немалые» (цит. по: Ефремова М. Указ. соч.). Цена на щенка меделянки могла превышать стоимость лучших гончих в 5–6 раз, что могло равняться стоимости хорошего породистого скакуна. Этот факт говорит о том, какую высокую цену готов заплатить отец Илюши за то, чтобы принести ему радость и избавить его от страданий.

[5, X, с. 17]. Однако реакция мальчика на подмену оказывается хотя и не агрессивной, как в «Льве и собачке», но в целом такой же – новая собака не только не приносит избавления от горя, но и усиливает его:

Но Илюша, уже слышавший и знавший <...>, что ему подарят маленькую собачку, и не простую, а настоящую меделянскую <...>, хотя и показывал из тонкого и деликатного чувства, что рад подарку, но все, и отец и мальчики, ясно увидели, что новая собачка, может быть, только еще сильнее шевельнула в его сердечке воспоминание о несчастной, им замученной Жучке. Щеночек лежал и копошился подле него, и он, болезненно улыбаясь, гладил его своею тоненькою, бледненькою, высохшею ручкой; даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки всё же не было, всё же это не Жучка, а вот если бы Жучка и щеночек вместе, тогда бы было полное счастье! [5, X, с. 17].

Еще более болезненная реакция у Илюши на Перезвона (на самом деле – Жучку), которого в начале разговора с Колей Красоткиным он воспринимает как другую собаку: «Личико Илюшечки перекосилось. Он страдальчески посмотрел на Колю» [5, X, с. 37], – который только усиливает «интригу», принося Илюше еще большую боль: «– Ну, брат, твоя Жучка – фью! Пропала твоя Жучка! <...> – Забежала куда-нибудь и пропала. Как не пропасть после такой закуски...». «Пытка» подменной собакой («– Не на-до! – проговорил вдруг Илюшечка» [5, X, с. 37–38]) не прекращается: «– Нет, нет, надо, непременно посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привел... такая же лохматая, как и та...» [5, X, с. 37–38]. Только исход этой сцены с подменной собакой иной, чем у Толстого – считавшаяся мертвой собака «воскрешается»: собака, представленная как Перезвон, оборачивается живой Жучкой: «Илюша вздрогнул и вдруг с силой двинулся весь вперед, нагнулся к Перезвону и, как бы замирая, смотрел на него. – Это... Жучка! – прокричал он вдруг надтреснутым от страдания и счастья голосом» [5, X, с. 37–38].

Но если у Достоевского в «Братьях Карамазовых» Жучка «воскресает» – верная дружба мальчика и собаки восстановлена, и последние дни Илюши подсвечены общением с ней, то в «Отчаянии» Набокова Жучки нет, есть только подмен-

ная лжесобачка, которая затем «мимикрирует», превращаясь в личинку жука. Эта метаморфоза Феликса (друга, двойника) во сне Германа в лжесобачку, а затем в личинку жука нарушает «собачий сюжет», заданный претекстами Толстого и Достоевского: лев разрывает подменных собачек, потому что ведом инстинктом, сильнее которого оказалась дружба, и никакая замена не может уменьшить его горе, страдания Илюши тоже невозможно прекратить ни зайцем, ни меделянским щенком, ни Перезвоном, Герман же, желая присвоить себе личность своего двойника и видя в сне на его месте «лжесобачку», сам становится ею, подменяя Феликса после его убийства.

Другой важный для Набокова претекст, связанный с метаморфозой человека в жука, – роман «Превращение» (1912). Кафки. «Жучья личинка», подменяющая Феликса в сновидческой действительности Германа, явно намекает на интертекстуальные связи с романом Кафки, где Грегор Замза превращается в насекомое, которое в своей лекции «Франц Кафка "Превращение"» (1915) В. Набоков трактует именно как жука: «У бедняка отняли пальто («Шинель» Гоголя), другой бедняга превратился в жука («Превращение» Кафки)» [12, с. 345]. Далее писатель задает читателю вопрос, в какое насекомое превращается герой? И полемизируя с комментаторами (они «говорят «таракан», что <...> лишено смысла. Таракан – насекомое плоское, с крупными ножками, а Грегор отнюдь не плоский: он выпуклый сверху и снизу, со спины и с брюшка, и ножки у него маленькие. Он похож на таракана лишь коричневой окраской. Вот и все» [12, с. 355]), уже как энтомолог писатель приводит доказательства того, что Грегор Замза становится жуком – «громадный выпуклый живот, разделенный сна сегменты», «твердая округлая спина» с гипотетическими надкрылиями и «жиденькими крылышками», «сильные челюсти, жвалы» [12, с. 355], усики. А еще позднее Набоков, устанавливая размер этого жука («около метра»), делает вывод – «это коричневый, выпуклый, весьма широкий жук размером с собаку» [12, с. 356]. Таким образом, уже в статье 1915 года в сознании Набокова, безусловно, известная ему этимологической связь жука и собаки (Жучки) усложнилась благодаря повести Кафки, метаморфозу героя которого Набоков прочитывает так: человек превращается

в жука наподобие собаки, что в некотором смысле уже недалеко от «жучьей личинки».

Говоря об этом жуке – Грегоре Замзе, Набоков пишет о том, что эта метаморфоза, как и другие странности «так называемой реальности», является своего рода стигматами «художника, гения, первооткрывателя» [12, с. 357]. А семья, воспринимающая Грегора-жука как нечто фантастическое, – «не что иное, как посредственность, окружающая гения» [12, с. 357]. В этом свете Герман, испытывающий отвращение от «жучьей личинки», может восприниматься как такая же посредственность, претендующая на гениальность. «Жучья личинка» во сне Германа, как и лошаденка в сне Раскольниковова, является сигналом, который герой, в отличие от литературного предшественника, не прочитывает: «превращение» Феликса, завернутого в белое пуховое одеяло, в личинку означает вечную цепочку метаморфоз, а не зеркальных повторений, копий, а Герман, претендующий на статус писателя, прерывает эту цепочку, убивая своего мнимого двойника. То есть фактически делает ставку, как его литературный предшественник в пушкинской повести «Пиковая дама», на «двоичный» принцип фараона, недоумеая, как и Германн Пушкина, как он мог «обдернуться», когда верная комбинация шагов оборачивается проигрышем. Причина этого в набоковском романе высказана С. С. Давыдовым: «Внутренний мир Германа – это замкнутый солипсический космос Нарцисса, непричастного к окружающему миру. Глаза Германа как будто покрыты зеркальным слоем амальгамы» [2, с. 47]. Эта жизненная стратегия, как отмечает Д. Ю. Гольинко-Вольфсон, отражается и в его писательских установках, которые отличаются от стратегии Автора: «модернистский эксперимент» с выстраиванием мира как «карточных домиков симметрии» разрушается Автором, поскольку «в децентрированном мире романа невозможно какое-либо сходство между двумя людьми или предметами – романский топос определяется только игрой различий»¹.

Однако двояко понимаемое словосочетание «жучья личинка» – как личинка жука и как личинка-собачка (личинка Жучки), открывает возможности для отыскания и других претек-

¹ Гольинко-Вольфсон Д. Ю. Фавориты отчаяния («Отчаяние» Владимира Набокова. Преодоление модернизма). Электронный ресурс. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/golynko-favority-otchayaniya.htm> (дата обращения: 17.05.2024).

стов данного фрагмента, кроме были Толстого «Лев и собачка». В связи с уже упомянутой выше энтомологической связью слов жук и Жучка, возникшей на основании цвета, не лишним будет сказать, что образ «жучьей личинки» в романе Набокова через символику черного цвета и собственно жука и его личинки, связанной с землей, соотнесен и с темой смерти.

В анфиладном сне о белой лжесобачке герой Набокова метафорически умирает, причем сон рисует не посмертное бытие с энтомологически-демоническим паучьим ужасом, который описывает Свидригайлов в «Преступлении и наказании», а физическое пребывание под землей, аналогично скорее «Бобку» Достоевского: «мясо белого червя», «жучья белая личинка» напоминают о посмертной судьбе трупа. Кладбищенская тематика в сне Германа складывается и с помощью таких лексем, как «тени», «пустота»: «*кругом плыли тени, постель рядом была пуста*» [13, с. 456]. Сама кровать превращается во сне в грядку, через аграрный образ которой затем метафорически уподобляется могиле: «... тихо серебрились те широкие лопухи, которые, вследствие сырости, вырастают из грядки кровати. На листьях виднелись подозрительные пятна, вроде слизи, я всмотрелся: среди листьев, прилепившись к мякоти стебля, сидела маленькая, сальная, с черными пуговками глаз...» [13, с. 456].

Кроме того, тема смерти в этот сон привносится и мортальной семантикой самого жука – как в целом в европейской, так и в русской литературе в первую очередь она связана с шекспировским «Макбетом», о чем подробно писал В. В. Мароши, отмечая, что «уже к концу XVIII в. генезис поэтических жуков был в основном прослежен британской литературной критикой» и, «по общему мнению, прецедентным текстом для всех жуков английской поэзии стал фрагмент трагедии «Макбет» (1606) У. Шекспира» [10, с. 70], в котором жук вылетает «на зов черной Гекаты», предвосхищая «то, что всех повергнет в ужас» [20, с. 582]. Цитируя эти строки по переводу Б. Пастернака, исследователь отмечает его как один из тех, где верно ближе к оригиналу переведено слово «dreadful» («вызывающий страх, ужас»), и резюмирует, что «Макбет выражает таким образом свою тягу к преступлению, к чему-то ужасному и несущему смерть» [10, с. 71]. В. В. Ма-

роши пишет, что «и сам драматург, и особенно «Макбет», как считают британские исследователи и читатели, стали провозвестниками готического романа с его атмосферой ужасов, кровавых преступлений, тайн, злодейств» [10, с. 72]. Но и «зловещая» символика жука для английской (отчасти и для русской литературы) становится связанной с макбетовским предощущением убийства, смерти. Что мы и видим в сне про «жучью личинку» в романе Набокова, для которого, безусловно, «Макбет» – один из актуальнейших текстов в его читательском опыте, о чем говорит его толкование жужжания жука в «Евгении Онегине» [10, 69–70].

Возвращаясь к цвету собачки, который в «Отчаянии» Набокова, несмотря на опосредованную связь лжесобачки с жуком, не черный, а белый (за счет еще одного сходства – уже не с жуком, а с его личинкой), отметим, что белый цвет добавляет дополнительные коннотации этому образу: лжесобачка за счет цвета может быть соотнесена с еще одним текстом Достоевского – рассказом «Чужая жена и муж под кроватью», где является такая же злая собачка – Амишка, как и та, про которую в «Отчаянии» говорит Лида (а во сне героя она уже трансформируется в белую лжесобачку), опасаясь, что приведут «её», «маленькую и злую собачку, которой все занимались» [13, с. 419]. В рассказе Достоевского складывается анекдотическая ситуация: собачка, обнаруживает под кроватью своих хозяев-супругов двух чужих людей и кусает одному из них нос, грозясь выдать его и поставить в скандальную ситуацию. Герой душит белую болонку, чтобы избежать позора, но затем, обличенный в «злодеянии», обещает старичку и его жене заменить убитого Амишку («друга») на другую, новую собачку: «А вам, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Этакая шерсть длинная, ножки коротенькие <...>. Сахаром только одним кормить» [7, с. 125]. В отличие от тех произведений, о которых мы уже говорили, в этом рассказе героини соглашаются на замену: «– И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!» [7, с. 125]. Далее Иван Андреевич, счастливый от того, что «всё так неожиданно кончилось и развязалось к лучшему», расхваливает новую болонку, описывая ее в кондитерском ключе: «– Непременно принесу. Такая хорошенькая! точно ее кондитер из конфетов

сделал. И такая: пойдет – в собственной шерсти запутается <...>. Из сахару, ваше превосходительство, ей-богу, из сахару сделана!» [7, с. 125]. В сходном кондитерском ключе описана и лжесобачка в «Отчаянии» Набокова: «... вся беленькая, холодненькая, – мясо не мясо, а скорее сальце или бланманже, а вернее всего, мяско белого червя, да притом с волной и резьбой, как бывает на пасхальном баране из масла...» [13, с. 456].

Обсуждение и выводы

Ситуация подмены мертвой собачки на другую, входящая в роман Набокова благодаря сразу нескольким претекстам, в этом, последнем, случае актуализирует новое свойство подменной собачки – она «мерцает» не только смертью, загробным ужасом, демонизмом, но и, благодаря цвету, кондитерским коннотациям и сходству с пасхальным масляным бараном – противоположным значением: пасхальный баран обозначает агнца Христа как залог воскресения и победы жизни над смертью. Воскресения Германа в христианском смысле у Набокова не происходит – герой по аналогии с Германном из «Пиковой дамы» Пушкина или Поприциным из «Записок сумасшедшего» Гоголя сидит в финале романа замкнутом пространстве: («Сейчас, дрожа в студеной комнате, проклинающая лающих собак, ожидая, что в углу с треском хлопнет мышеловка, <...> задумываюсь <...>. Все темно, все страшно...» [13, с. 526]), не понимая, как и Голядкин, что он «собственно натворил», намеревается выглянуть к молчащей, как в пушкинском «Борисе Годунове», толпе и как «испанский король» произнести «первоапрельскую речь» (действие романа заканчивается 1 апреля, а этот месяц у Набокова связан с «днем дурака» и пасхальным временем¹): «Я опять отвел занавеску. Стоят и смотрят. Их сотни, тысячи, миллионы. Но полное молчание, только слышно, как дышат. Отворить окно, пожалуйста, и произнести небольшую речь» [13, с. 527]. Но победа над смертью, злом и тьмой в романе обеспечена на ином – авторском – уровне: напомним, что пишущий герой обладает, по его словам, «двадцатью пятью почерками», что на мета-

¹ Дмитровская М. А. Феномен времени: первоапрельские игровые стратегии в произведениях В. Набокова-Сирин // Набоковский сборник: Искусство как прием. С. 43–50; Пекка Т. Поэтика даты у Набокова. Электронный ресурс. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/tammi-poetika-daty.htm> (дата обращения: 17.03.2024)

литературном уровне говорит о нем как о некоем «перё» Автора, который через него транслирует свою гениальную комбинаторику – совмещение приемов, стилей, образности предшествующей культуры и одновременно – преодоление традиции, создание нового, уникального письма. И появление «жучьей личинки» вместо Феликса во сне Германа – это гениальный пример совмещения (часто в пародическом ключе) и «почерка» Льва Толстого в быти «Лев и собачка», и макбетовских решений Шекспира, и экзистенциальных прозрений Достоевского. Это если не христианское воскресение, то воскрешение «по-сирински» – из пепла традиции рождение нового творения, где герой, носивший с собой, как он полагал, «карманный театр», сам становится куклой в ручном театре Автора и той свиньей, на которую указывает фатум текста – «абстрактная, в схематической манжете, рука, изображаемая в учебниках физики и на указательных столбах» [13, с. 445].

Список литературы

1. Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь. – М.: Студия «ТРИТЭ» – Российский Архив, 1999. – 528 с.
2. Давыдов С. С. «Тексты-матрёшки» Владимира Набокова. – СПб.: Кирцидели, 2004. – 158 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 1. А–З. – 640 с.
4. Дмитриевская М. А. Феномен времени: первоапрельские игровые стратегии в произведениях В. Набокова-Сириня // Набоковский сборник: Искусство как прием. – Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2001. – С. 43–50.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. – Т. 9. – 704 с.; Т. 10. – 448 с.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. – Т. 5. – С. 5–522 с.
7. Достоевский Ф. М. Чужая жена и муж под кроватью // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. – Т. 2. – С. 89–128.
8. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Ех ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности (Научная библиотека). – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 288 с.
9. Левинг Ю. Раковинный гул небытия // Набоков: pro et contra. Антология: в 2 т. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 499–519.
10. Мароши В. В. Жук готический: к одной возможной аллюзии А. С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 3. – С. 66–79.
11. Мароши В. В. Имя автора (историко-типологические аспекты экспрессивности). – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2020. – 348 с.
12. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Г. Дашевского и др. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 512 с.
13. Набоков В. В. Отчаяние // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Сконечной, А. До-

лина, Г. Утгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика. – СПб.: Символизм, 2006. – Т. 3. – 848 с.

14. Николаева Е. Г. Животный код в романе В. В. Набокова «Отчаяние»: еще раз к вопросу о «львином» начале в образе Ардалиона // Текст и контекст: литературно-культурные связи: монография / под ред. Н. В. Константиновой; Министерство просвещения Российской Федерации, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт филологии, массовой информации и психологии. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – С. 103–110.

15. Сконечная О. «Отчаяние» В. Набокова и «Мелкий бес» Ф. Сологуба. К вопросу о традициях русского символизма в прозе В. В. Набокова 1920-х–1930-х гг. // Набоков: pro et contra. Антология: в 2 т. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 520–531.

16. Смирнов И. Art à Lion // Набоков: pro et contra. Антология: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ун-та, 2001. – С. 730–740.

17. Толстой Л. Н. Лев и собачка // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная лит., 1982. – Т. 10. – С. 72–73.

18. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова / НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 95 с.

19. Шанский Н. М. Лингвистические детективы. – М.: Дрофа, 2002. – 528 с.

20. Шекспир У. Трагедии: пер. с англ. – М.: Правда, 1983. – 672 с.

Ekaterina G. Nikolaeva

Intertext in V. Nabokov's Novel *Despair*: Lion and Dog

The article focus on a crucial pasting plot from the novel *Despair* by Vladimir Nabokov. Hermann's dream about "a bug larva" or "a false dog" turns out a composition of a large number of texts: *Lion and dog* by Leo Tolstoy, works by Fyodor Dostoevsky (*Another Man's Wife and a Husband Under the Bed*, *Crime and Punishment*, *The Brothers Karamazov*, *Bobok*). Genetic kinship of the Russian words Zhuk ('beetle, bug') and Zhuchka (common dog's name) allows us to reveal the links of Nabokov's novel with Shakespeare's *Macbeth* and Kafka's *The Transformation*. "Dog Story" in Nabokov's novel undergoes a fundamental metamorphosis, changing the context, joining the language game and the symbol of the beetle, on the one hand, it does not completely lose the meaning of the other's plot elements, keeping their sense of glimmering, on the other – radically cancels them, forming entirely new connotation and plot moves. The transformation of the plot is explained by a double narrative: the Author creates completely new text treating Hermann as "writing capsule", by "chemical reaction" employing "twenty-five handwriting" on shards of foreign writing manners, plots and methods.

Key words: Nabokov, *Despair*, beetle, intertext, metatext, Tolstoy, *Lion and Dog*, Dostoevsky, Kafka, Shakespeare.

For citation: Nikolaeva, E. G. (2024) Intertekst v romane V. Nabokova «Otchayanie»: lev i sobachka [Intertext in V. Nabokov's Novel *Despair*: Lion and Dog]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 61–79. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_61. EDN: UFHIHT

References

1. Belovinskij, L. V. (1999) *Rossijskij istoriko-by'tovoj slovar* [Russian historical and everyday dictionary]. Moscow: Studiya «TRITE» – Rossijskij Arhiv Publ. (In Russian).

2. Davy'dov, S. S. (2004) «Teksty-matryoshki» *Vladimira Nabokova* ["Matryoshka Texts" by Vladimir Nabokov]. St. Petersburg: Kircideli Publ. (In Russian).

3. Dal', V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka: v 4 t. T. 1. A–Z* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. Vol. 1. A–Z]. Moscow: OLMA-PRESS Publ. (In Russian).

4. Dmitrovskaya, M. A. (2001) Fenomen vremeni: pervoaprel'skie igrovye strategii v proizvedeniyax V. Nabokova–Sirina [Phenomenon of time: April Fools' game strategies in the works of V. Nabokov–Sirin]. *Nabokovskij sbornik: Iskusstvo kak priem* [Nabokov's collection: Art as a technique]. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo universiteta. Pp. 43–50. (In Russian).

5. Dostoevskij, F. M. (1989) *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Dostoevskij, F. M. *Sobr. soch.:* v 15 t. [Dostoevsky, F. M. Collection cit.: in 15 vols.] Vols. 9, 10. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

6. Dostoevskij, F. M. (1989) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. Dostoevskij, F. M. *Sobr. soch.:* v 15 t. [Dostoevsky, F. M. Collection cit.: in 15 vols.] Vol. 5. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

7. Dostoevskij, F. M. (1982) *Chuzhaya zhena i muzh pod krovat'yu* [Someone else's wife and husband under the bed]. Dostoevskij, F. M. *Sobr. soch.:* v 15 t. [Dostoevsky, F. M. Collection cit.: in 15 vols.] Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

8. Zholkovskij, A. K., Shhegl'ov, Yu. K. (2016) *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy* L. Tolstogo i poe'tika vy'razitel'nosti (Nauchnaya biblioteka) [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness (Scientific Library)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

9. Leving, Yu. (2001) *Rakovinnyj gul neby'tiya* [Shell hum of nothingness]. *Nabokov: pro et contra. Antologiya:* v 2 t. [Nabokov: pro et contra. Anthology: in 2 vols.] Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo un-ta. Pp. 499–519. (In Russian).

10. Maroshi, V. V. (2020) Zhuk goticheskij: k odnoj vozmozhnoj allyuzii A. S. Pushkina [Gothic beetle: to one possible allusion to A. S. Pushkin]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal.* No. 3. Pp. 66–79. (In Russian).

11. Maroshi, V. V. (2020) *Imya avtora (istoriko-tipologicheskie aspekty) e'kspressivnosti* [Author's name (historical and typological aspects of expressiveness)]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta (In Russian).

12. Nabokov, V. (2010) *Lekcii po zarubezhnoj literature, per. s angl. S. Antonova, I. Bernshtejn, G. Dashevskogo i dr.* [Lectures on foreign literature; trans. from English S. Antonova, I. Bernstein, G. Dashevsky and others]. St. Petersburg: ABC–Classics Publ. (In Russian).

13. Nabokov, V. V. (2006) *Otchayanie* [Despair] Nabokov, V. *Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 tomax / sost. N. Artemenko–Tolstoj. Predisl. A. Dolinina. Prim. O. Skonechnoj, A. Dolinina, G. Utgofa, A. Yanovskogo, Yu. Levinga, M. Malikovej, R. Timenchika* [Nabokov, V. V. Russian period. Collected works in 5 volumes, comp. N. Artemenko–Tolstoy. Preface A. Dolinina. Note O. Skonechny, A. Dolinina, G. Utgof, A. Yanovsky, Yu. Lewing, M. Malikova, R. Timenchik]. V. 3. St. Petersburg: Symposium Publ. (In Russian).

14. Nikolaeva, E. G. (2021) *Zhivotnyj kod v romane V. V. Nabokova «Otchayanie»: eshhe raz k voprosu o «l'vinom» nachale v obraze Ardaliona* [Animal code in V. V. Nabokov's novel “Despair”: once again to the question of the “lion” principle in the image of Ardalion]. *Tekst i kontekst: literaturno-kul'turnye svyazi: monografiya, pod red. N. V. Konstantinovej; Ministerstvo prosveshheniya Rossijskoj Federacii, Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Institut filologii, massovoj informacii i psihologii* [Text and context: literary and cultural connections: monograph, ed. N. V. Konstantinova; Ministry of Education of the Russian Federation, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of Philology, Mass Information and Psychology]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 103–110. (In Russian).

15. Skonechnaya, O. (2001) «Otchayanie» V. Nabokova i «Melkij bes» F. Sologuba. K voprosu o tradiciyax russkogo simvolizma v proze V. V. Nabokova 1920–h –1930s gg. [“Despair” by V. Nabokov and “Little Demon” by F. Sologub. On the question of the traditions of Russian symbolism in the prose of V. V. Nabokov 1920s–1930s.]. *Nabokov: pro et contra. Antologiya:* v 2 t. [Nabokov: pro et contra. Anthology: in 2 vols.] Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo un-ta. Pp. 520–531. (In Russian).

16. Smirnov, I. (2001) *Art à Lion* [Art à Lion]. *Nabokov: pro et contra. Antologiya:* v 2 t. [Nabokov: pro et contra. Anthology: in 2 vols.] Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo un-ta. Pp. 730–740. (In Russian).

17. Tolstoj, L. N. (1982) *Lev i sobachka* [Lion and dog]. Tolstoj, L. N. *Sobr. soch.*: v 22 t. [Tolstoj, L. N. Collection. cit.: in 22 vols.] Vol. 10. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 72–73. (In Russian).

18. Shadurskij, V. V. (2004) *Intertekst russkoj klassiki v proze Vladimira Nabokova* [Intertext of Russian classics in the prose of Vladimir Nabokov]. Veliky Novgorod. (In Russian).

19. Shanskij, N. M. (2002) *Lingvisticheskie detektivy* [Linguistic detectives]. Moscow: Drofa Publ. (In Russian).

20. Shekspir, U. (1983) *Tragedii: per. s angl.* [Tragedies: trans. from English]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

Об авторе

Николаева Екатерина Геннадьевна, доцент Новосибирского государственного педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); E-mail: nikks@ya.ru; ORCID ID: 0000–0002–0759–9779

About the Author

Nikolaeva Ekaterina G., Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Philology (Novosibirsk, Russian Federation); E-mail: nikks@ya.ru; ORCID ID: 0000–0002–0759–9779

дата получения: 27.07.2024 г.

дата принятия: 30.08.2024 г.

дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 27 July 2024

date of acceptance: 30 August 2024

date of publication: 30 September 2024

А. П. Марьюшкина

Пародирование женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина

Исследования женского дискурса не утрачивают своей актуальности более полувека в ряде гуманитарных наук (философии, социологии, культурологии, лингвистики, литературоведения). В отечественной литературе женский дискурс оказывается не только объектом осмысления, но и пародирования, прежде всего в прозе постмодернистской, осмеивающей крайности феминистской этики и эстетики. В статье впервые анализируется пародирование женского дискурса в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце». Установлено, что, во-первых, В. Пелевин, демонстрируя негативное отношение к идеологии феминизма, с большой долей иронии изображает представителей либеральных сообществ и поколения, выросшего на образах, порождаемых коммерческими организациями и медиа. Во-вторых, в романе женский дискурс не только пародируется, но и карнавализуется, что выражается протагонистом: главная героиня – собирательный образ из стереотипов о независимой женщине, замкнутая на себе, не представляющая мир без ярлыков, которые выбрала для себя и окружения.

Ключевые слова: В. Пелевин, роман «Непобедимое солнце», пародия, ирония, женский дискурс, феминистская идеология.

Для цитирования: Марьюшкина А. П. Пародирование женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3 – С. 80–99. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_80. EDN: PJA0ED

О общеизвестно, что феминизм является частью культурного, интеллектуального и философского дискурсов, ставя под сомнения традиционные взгляды на «мужское» и «женское». Феминизм первой волны, ассоциируемый с движением суфражисток (конец XIX и начало XX в.), был направлен на социальное, правовое и экономическое равенство женщин и мужчин (возможность избирать и быть избранными в органы власти, права собственности в браке, получение образования наравне с мужчинами) и носил достаточно «мирный» характер, за исключением единичных

случаев вандализма и поджогов [4]. Феминистки же второй волны видят причины своего «второстепенного» положения по отношению к мужчинам в патриархальном порядке, который распространяется и на публичную, и на частную жизнь. Это приводит к актуализации ряда проблем: психологическое и домашнее насилие, навязанные гендерные роли, неравная оплата труда, «стеклянный потолок», женский бесплатный труд (домашний и репродуктивный) и др. Феминизм третьей волны, возникающий в 1980–1990-е гг., более не «привязан» к биологическому полу. В мировую (прежде всего западную) культуру входит понятие *гендера* как идентификации личности самой себя вне навязанных обществом социальных установок, связанных с полом. Объединившись с другими течениями антиистеблишмента (либералами, анархистами, «зелеными» и др.), феминистки потребовали пересмотра (деконструкции) устоявшихся взглядов и мнений об искусстве, о роли и месте гендерного начала в творчестве [24].

Очевидно, что при возникновении такого мощного в социальном и культурном планах движения, в нём рано или поздно образуются идейные ответвления. Феминизм не стал исключением: в настоящее время определить точное количество его течений очень трудно. В статье мы будем опираться на два самых известных: интерсекциональный и радикальный феминизм. В этой связи считаем нужным указать на главные отличительные особенности этих течений. Интерсекциональный феминизм не различает расы, гендера, социального статуса и борется за абсолютное равенство всех людей в любом из общественных институтов. Радикальный феминизм отличается убежденность в угнетении женщин патриархатом [5].

Женский дискурс тесно связан с понятием социокультурного пола (гендера), формирующего сознание и особенности поведения личности. В центре внимания исследователей оказываются вопросы возникновения и реализации гендерных ролей, коммуникативных маркеров женской и мужской идентичности, гендерных стереотипов [2; 6; 8; 20; 22–23 и др.].

Актуализация женской идентичности, роль женщины в исторических процессах, культуре и политике в локусе феминистических течений отражены в работах В. Брайсона [4], Дж. Бутлера [25], М. И. Арбатовой [1], А. Д. Емелиной [5],

Н. А. Нечаевой [12], А. П. Коноваловой и Д. Ш. Цырендоржиевой [9–10], Е. В. Широковой [24] и др.

Пародия как коммуникативное поведение в форме текста, имитирующее характерные черты или действия высмеиваемого объекта, в культуре и современном медиапространстве рассматриваются в работах Р. Харимана [26], Дж. Палмера [27], Т. Петрович [28], А. Пиаты [29]. Так, Р. Хариман отмечал, что одной из главных черт и, вместе с тем, преимуществ пародии является её оппозиционность доминирующим ценностям общества, искусственно продвигаемым истеблишментом через нормативные акты, государственные каналы и массовую культуру. По мнению исследователя, это происходит за счёт обращения навязываемых ценностей в комические образы, близкие широкой аудитории.

Т. Петрович выделяет три направления современной пародии: карнавализацию, пародийную переработку дискурсов и протестную деятельность (активизм). Карнавализация соотносится непосредственно с понятием амбивалентного смеха, выражающегося, в первую очередь, через обыгрывание и высмеивание политических образов и современных общественных установок. Пародийная переработка дискурсов – форма эксплицитного и имплицитного протеста. Исследовательница особо подчеркивает такие особенности политической пародии, как диалогичность и поливокальность, обращая внимание на проблему неоднородности двунаправленных взаимоотношений «система-субъект», которая часто игнорируется в исследованиях политического дискурса. В связи с чем она предлагает обратиться к рефлексивной части вопроса: рассматривать не только инструментарий и контекст политической пародии, но и восприятие ее людьми (какой юмор имеет отклик в конкретной социальной группе, чем отличается восприятие пародии в разных группах и причины бифуркации).

В этом с Т. Петрович солидарна А. Пиата, которая отмечает особую роль двусмысленности в пародии. Неоднозначность заложенной в пародии метафоры призывает адресата к осмыслению обыгрываемых явлений, за счёт чего у каждого воспринимающего субъекта складывается собственное мнение о предмете осмеяния. А. Пиата прослеживает связь комического и метафоры, в результате чего делает вывод

о практической значимости и взаимозависимости этих элементов: метафора служит травестийной моделью реальности, юмор – средством её критики.

Итак, актуальность настоящей статьи объясняется, во-первых, возросшим интересом к женской тематике и проблематике в современном социокультурном контексте. Во-вторых, необходимостью осмысления темы деконструкции феминистской идеи в литературном контексте (в частности, на материале романа В. Пелевина «Непобедимое солнце», где она ставится в центр проблемного поля). Заметим, что при этом писатель обращается в большей мере к феминизму американскому, тесно сплетая его с глобалистской политикой и темой «заговора» искусства.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении романа «Непобедимое солнце» В. Пелевина с позиции деконструкции и пародирования женского дискурса, что ещё не было актуализировано или вовсе игнорировалось в работах по этой теме. Так, Г. Юзефович¹ и Т. Лестева² в рецензиях на «Непобедимое солнце» указали на положительную роль, отведенную женщине в романе, авторское «восхищение» женщиной в её созидательной природе, с ними солидарна К. И. Камалетдинова [7]. В статье мы попытаемся оспорить эту позицию. Соответственно, цель настоящей работы – выявить специфику пародийного дискурса в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце».

Теоретической базой работы явились труды, посвящённые, во-первых, изучению «женской» тематике и проблематики М. Арбатовой [1], Н. Ажгихиной [2], В. Брайсона [4], А. Емелиной [5], Е. Каган [6], А. Кирилиной [8], А. Коноваловой и Д. Цырендоржиевой [9–10], Н. Нечаевой [12], С. Ушакина [22], А. Холод [23], Е. Широковой [24], Дж. Бутлера [25]; во-вторых, статьи Т. Петрович [28] и А. Пиаты [29], чьё понимание пародии мы проецируем на роман В. Пелевина; в-третьих, посвященные творчеству В. Пелевина работы О. Богдановой и С. Кибальника [3], Г. Нефагиной [11], Д. Нечепуренко [13], О. Осьмухиной [14–15].

¹ TіbetanFox. Галина Юзефович о романе Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» // Рецензии критиков. Электронный ресурс. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/59227-galina-yuzefovich-o-romane-viktora-pelevina-nepobedimoe-solntse> (дата обращения: 21.07.2024).

² Лестева Т. Тридцатилетняя женщина XXI века. По роману Виктора Пелевина «Непобедимое солнце». М., ЭКСМО, 2020 // Сайт творчества. Электронный ресурс. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-lest9.pdf> (дата обращения: 21.07.2024).

Материалы и методы

Материалом исследования служит наиболее показательный в контексте интересующей нас проблематики роман В. Пелевина «Непобедимое солнце», а также в сравнительно-сопоставительном аспекте привлекались романы «iPhuck 10», «Тайные виды на гору Фудзи» и «Transhumanism Inc.», написанные в избранных нами хронологических рамках (середина 2010-х – начало 2020-х годов).

Для осуществления поставленной цели использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, необходимый для сопоставления романов В. Пелевина; герменевтико-интерпретационный, позволивший выявить имплицитные элементы пародии и иронии; метод дискурсивного анализа, посредством которого был вычленен и проанализирован женский дискурс в романе «Непобедимое солнце»; метод целостного анализа, с помощью которого женский дискурс романа В. Пелевина рассмотрен в непосредственной взаимосвязи с его тематикой и проблематикой.

Результаты

Осмысление влияния политики на социокультурный дискурс, внедрение современных форм карго-культы («поклонения вещам») через искусство, медиа, СМИ, рекламу заняло центральное место в проблемном поле романной прозы В. Пелевина ещё с 2000-х годов. Так, в «Т» объектом авторского внимания стала литература, которая, по мнению писателя, неизбежно вырождается. Более того, она держится на плаву только благодаря интертекстуальному «заигрыванию» деятелей искусства с «трупным материалом культуры» [16, с. 40]: отсюда интеграция образа Льва Толстого в боевик-триллер, Федора Достоевского – в шутер в стиле зомби-апокалипсиса. В романе «iPhuck 10» писатель впервые даёт определение этому феномену – искусство «гипса», где культурные объекты – это даже не сами «тела», подобные «духовным мардонгам» прошлого (рассказ В. Пелевина «Мардонги»¹, где иронично описаны попытки исследователей создавать «портрет» автора по его текстам и возведение его в культ), но лишь гипсовые

¹ Пелевин В. О. Мардонги. Электронный ресурс. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-mard/1.html> (дата обращения: 10.07.2024).

отпечатки, созданные по оставшимся от прошлого пустотам. Через год в свет выходит его новый роман «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), в котором подобная метафора расширяется. Индивидуальный предприниматель Дамиан, торговец счастья, предлагает своим клиентам услугу «Помпейский поцелуй»: пережить заново минуты блаженства или воплотить неосуществленные когда-то мечты. Как следует из названия, услуга связана со статуями жителей Помпеи, которые приняли неожиданную смерть в разнообразных позах и истлели в тот же миг, как их накрыла волна пепла и магмы. От них осталась лишь пустота и нечёткая форма в застывшей субстанции. Метафорические гипсовые формы как нечёткие следы минувшего образуют известную нам историю человеческой цивилизации. Однако пустоты, ранее заполненные чем-то значимым, остаются не только в коллективной исторической памяти, но и в памяти персональной – на этом базируется стартап Дамиана Улитского.

Эта же мысль прослеживается и в «Непобедимом солнце». В споре Фрэнка с экскурсоводом из «Цистерны Базилика»: «Культура – это не только самоподдерживающийся, но и самопоедающий механизм. В точности как человеческое тело. Прошлое с его артефактами и историями растворяется в нем без остатка... / – Оно не растворяется <...> Оно теряет свое имя. Становится бездомным эхом. Мы видим и слышим массу вещей, которые раньше были чем-то другим. Мы просто их не узнаем» [18, с. 138]. В беседе Саши с хранительницей чёрного камня Со об античной музыке, в которой та открыла удивительную схожесть третьей части «Крейцеровой сонаты» с тарантеллой: «музыка как воспоминание души», только не о «небесной родине», как полагали Платон и Шопенгауэр, а о древнем земном опыте» [18, с. 456].

«Заговор» искусства, существующий в «гипсовом» веке, В. Пелевин определял как договоренность между элитой искусствоведческих и интермедийных компаний, которые и задают цены на мировом рынке. Поэтому искусство – это серьёзный и очень крупный бизнес, за которым всегда стоит политика. В «Тайных видах на гору Фудзи» с политическими интригами тесно связан кинематограф, хотя это не столь очевидно, как в «iPhuck 10».

Феминистское движение, идейно вдохновившее В. Пелевина на осмысление его в романной прозе в 2017 году, совпало со временем падения «короля Голливуда», владельца кинокомпании Miramax и продюсера множества культовых картин (к примеру, «Убить Билла», «Властелин Колец», «Братья Гримм», «Влюбленный Шекспир» и т. д.) Харви Вайнштейна. Как известно, его обвинили в использовании своего статуса для принуждения к близости многих голливудских актрис, среди которых были Мира Сорвино, Ума Турман, Роуз МакГоуэн, Розанна Аркетт, Сальма Хайек и др. Грандиозный секс-скандал вызвал волну общественного негодования во всём мире и запустил популярный в соцсетях хэштег #MeToo («Я тоже»). Хэштег появляется у Пелевина в «Тайных видах на гору Фудзи» в качестве «волшебного слова», которым можно заговорить Священную игуану, и в составе эксплицитной отсылки: «Ринат потом назвал именем “Миту” самую дорогую борзую суку на своей псарне. Почти чеховская “Мисюсь”» [19, с. 339].

Х. Вайнштейн вынужден был заплатить несколько десятков миллиардов долларов, чтобы женщины отозвали свои иски, развелся с женой, потерял компанию и влияние, многие из его друзей и коллег отвернулись от него. Сам же продюсер после долгой психологической реабилитации в клинике получил двадцать три года лишения свободы. Скандальная история Вайнштейна, внесшего значимый вклад в кинематограф, вызвавшая общественный резонанс, не могла не быть отражена в прозе Пелевина, традиционно остро реагирующего на происходящее в массовой индустрии. Вероятно, этот судебный процесс был на стадии разработки «iPhuck 10», поэтому не получил в нём глубокого воплощения: Маруха Чо – небинарная персона, представительница интерсекционального феминизма, не испытывает ненависти к «патриархату» в условиях отсутствия физической близости с живыми людьми, но как передовая девушка является носителем штампов многих субкультур. Это необычная внешность (брита наголо, «иссушена диетами», «одета в кожаную БДСМ-упряжь с шипами») и образ жизни (питается исключительно вегетарианской едой) [16, с. 20–21]. На героинь «Непобедимого солнца» и «Тайных видов на гору Фудзи» она похожа исключительной

волей к самосовершенствованию, гармонично уживающейся с «отложенной GRATIFICATION» [19, с. 63] мести.

Однако в следующем после «iPhuck 10» романе В. Пелевин сделал историю победы радикального феминизма, запустившего «эффект Вайнштейна», одной из отправных точек сюжета. Так, сам Вайнштейн появляется при описании потолка спальни олигарха, оформленной в стиле «Голливуд разбитых надежд»: «Эдакий патриархальный экспрессионизм – жестко, но честно <...> Это триптих, и – ответил Федр Семенович, подписывая очередную бумагу. – Харви Вайнштейн насилует Николь Кидман, Уму Турман и Натали Портман» [19, с. 78]. Кроме того, история Вайнштейна возникает в атрибутивных интертекстуальных отсылках, например, при перечислении актуальных тем, о которых спорят на своих яхтах современные олигархи: «Трамп и заговор джидаяев» [19, с. 332]. Существует мнение, что Дональд Трамп в реальной истории играл роль «серого кардинала», который сумел перенаправить обострившееся во второй половине 2010-х годов внимание феминистского сообщества [21] на своих оппонентов, что также нашло воплощение в тексте «Тайных видов на гору Фудзи». Посыл автора романа пронизан иронией и неприязнью к радикальным проявлениям феминизма: обвинение «патриархата» во всех бедах, навязывание социального конструкта поведения женщинам, постоянные судебные разбирательства, убежденность в том, что мужчин невозможно любить, только терпеть, требование прав и равенства, совмещенное с видением мужчины как «иностранного», «чужого», далекого от понимания существа («Мужик – это всё-таки чужой» [18, с. 22]). Все они показаны в героинях «Тайных видов на гору Фудзи», «Непобедимом солнце» и «Transhumanism Inc.».

Зловещая рука «патриархата» в названных романах синонимична «Старшему Брату» Дж. Оруэлла: он ненавистен, вездесущ, его влияние угнетает и сковывает героинь, но, в то же время, в нем кроется сила и «особая патина, какой покрывается кожа от близости к большим деньгам и океанической свободе: как бы загар от особого солнца богатых, делающий человека моложе лет на десять» [19, с. 58], поэтому ни одна из протагонисток не может защитить себя от него. В «Тайных видах на гору Фудзи» читаем: «Чем пошлее были описания

“мимолетного цветка красоты” в программирующей патриархальной прозе (почему-то звавшейся “женскими романами”), чем отвратительнее казалась безответная покорность, привитая их героиням в качестве “вечной женской мудрости”, тем яснее было, что ничего со всем этим поделаться нельзя» [19, с. 29]. Или в «Непобедимом солнце»: «Тридцатник для девушки это круто. Скажем так: ты не то чтобы прямо полностью “выпадаешь из педофильского поля охоты” <...>, но некоторые симптомы наблюдаются. Думаю, их чувствует любая. Особенно, как было подмечено, в патриархальной стране третьего мира, где девочек с детства учат осознавать свою товарную ценность (потому что другой у них просто нет) и бессознательно конкурировать с подругами за воображаемого самца даже на женской зоне» [18, с. 10]; «Дюшан, кстати, мог бы выставить в качестве объекта искусства не писсуар, а биде – а то уж очень отстойно и патриархально» [18, с. 65]; «...“белое мужское начало”, которое так бесит малообеспеченных передовых американок в богатых реакционных американцах. Не то чтобы патриархальное объективирование женщины, но...» [18, с. 449]; «А что это значит, кстати – альфа-самка? Платит за выпивку? Это не альфа-самка, а просто дура. Растоптала сто других самок в битве за самца? Тоже как-то не очень... Патриархат по ходу успел нагадить и здесь» [18, с. 539]; «Если бы так себя повел мужчина, был бы харассмент, конечно. Но у нас была любовь. И я это сделала – развернула ее к себе и поцеловала» [18, с. 635]; «...если время от времени мы начинаем светить не озверевшему патриархату, а друг другу, мы имеем на это полное и неоспоримое право» [18, с. 700].

Даже привилегии своего пола Саша Орлова как «полная, но не окончательная феминистка» считает проявлением дискриминации: «За вход надо платить, но меня пропустили бесплатно – видимо, местное начальство ценило сидящих у стойки блондинок <...> Позитивная дискриминация, все как я люблю» [18, с. 630]. Героини-феминистки настолько уверены в себе и своих врожденных правах на блага этого мира, что не замечают элементарных недостатков своего духовного мира, без капли иронии позволяя себе высказывания: «...у моих родителей с деньгами всё хорошо, и помогать мне для них не составляет труда. Вернее, хорошо у папы,

поэтому неплохо и у нас с мамой. <...> У него другая семья, новые дети – и мы с мамой, как выражаются в деловых кругах, не актив, а обязательство. Я его редко вижу – от моего имени его доит мама» [18, с. 26]; «Спасибо им за всё, многие лета и вечная память. Чудовищное преступление моего рождения на этот свет я им уже почти простила» [18, с. 26].

Миссия творения жизни, которую им так хочется возложить на свои хрупкие плечи, не обременяя себя обязательствами, в романах снисходит на героинь фигурально – за счёт самовнушения. В «Тайных видах на гору Фудзи» – через колодец жизни, который находится под контролем у амазонок-игуан; в «Непобедимом солнце» с помощью управления проектором Мироздания – Камнем Солнечного Бога; в «Transhumanism Inc.» – слиянием с всемогущим Гольденштейном – солнцем высших тайеров. Но если в «Непобедимом солнце» ирония не столь очевидна («...с этого дня вы живете в мире, созданном блондинкой. <...> У которой, помимо всего прочего, бывают ещё и месячные. Так что не обессудьте, если что-то пойдет не так» [18, с. 697–698]), то в последнем из названных романов «развенчание» наступает сразу: «И тогда Маня вспомнила, что она и есть Гольденштерн. <...> Прекрасный взлетел к вершине купола и замер на секунду под его высшей точкой – золотой звездой своей славы. Предчувствие небывалой радости залило его, переполнило – и сожгло...» [17, с. 181]. Гольденштерн не был Богом, только ярко горящим прожектором, кумиром, который скрывал в тени своего света истинных Богов, знакомых читателю по диалогии о вампирах. Достигнув зенита славы, личность, что на короткое время возомнила себя творцом всего, познает свою ничтожность и низвергается горящим, расщепляющимся на атомы ядром, чтобы освободить место новому Солнцу.

Героини Пелевина целеустремлены и полны внутренней силы, однако их потенциал гаснет в погоне за благами цивилизации. Протагонист «Непобедимого солнца» Саша Орлова живет на деньги родителей, прожигая жизнь в поисках себя, и с горечью понимает, что от всех её модных и прогрессивных духовных практик в конечном итоге не остается ничего, кроме нитки, на которой висят «разноцветные понты» [18, с. 35]. Как и Татьяна из «Тайных видов на гору Фудзи», которая с юности

видела свое будущее только в качестве содержанки («Пора было думать о карьере. <...> Через несколько месяцев, после пары унижительных кастингов, Таня оказалась в одном из гаремов Отари Квантришвили» [19, с. 35]), Саша не планирует заниматься скучными профессиями, предпочитая «творить искусство» с командой таких, как она сама, деятелей, одним из которых был её парень-наркоман Антон, который однажды заявил: «Мне вообще не важно, чем заниматься, лишь бы с кровати не вставать» [18, с. 29]. Однако, несмотря на необычность и смелость, их создания не плодотворны (за исключением последнего «Кот Шредингера и бабочка Чжуан-Цзы в зарослях Травы Забвения», благодаря которому Саше удалось «перезапустить» мир, однако в этом мы видим, скорее, «исключение, доказывающее правило», в котором скрыта тонкая ирония автора). Большая часть молодого поколения представлена в романе именно такой: свобододлюбивые художники «без определенного рода деятельности» и с широко развитым «нетфиксом духа» [18, с. 64].

Саша – многогранная и яркая личность, замкнутая на самой себе. Её не беспокоят ни заботы, ни чувства, ни боль других людей. Словно бабочка из сна Чжуан-Цзы, она путешествует по миру, но всё, что с ней происходит, ей кажется нереальным, сказочным. Даже смерть любимого, как ей казалось, человека не вызывает в ней эмоциональный отклик и сразу же уходит на второй план перед страхом попасться полицейским за транспортировку древностей: «Жалость, думала я, это когда узнаешь себя в другой... А в остальное время нам не то что плевать на других, мы даже не догадываемся, что они существуют» [18, с. 522]. Это не кажется удивительным, ибо на протяжении развития сюжета Саша меняет партнеров с той же легкостью, с которой бабочка перелетает с цветка на цветок, не испытывая при этом ни тоски, ни чувства привязанности. Более того, создается впечатление, что именно этого она боится больше всего – стать от кого-то эмоционально зависимой, ведь это накладывает определённую ответственность. Инфантильным героиням-феминисткам, активно занятым созданием себя и борьбой с патриархатом, ответственность женщины перед партнером в браке, матери перед детьми кажется очередной «клеткой», частью «со-

циального конструкта», призванной ограничить их свободу, именно поэтому они далеки от роли «созидателя». Но так как феминизм (и в радикальных, и в более умеренных формах) ставит вперед собой цель внедрить женщину (желательно даже в равных пропорциях с мужчинами) во все возможные роды деятельности и профессии, в романе одной из «боевых сестер» движения удастся стать Богом. Причём не новым, а древним, как сам мир, Шивой – создателем, защитником и преобразователем вселенной в индуизме: «– Ты не Шива. Ты в лучшем случае его шакти. Женщина не может быть Шивой. – Кто сказал? Фамилия, имя. Его в фейсбуке через час за-суспендят, и в твиттере тоже. Сексизм. Нет, даже не сексизм, это гендерный террор...» [18, с. 689].

Таким образом, финал романа имеет двойной смысл: с одной стороны, автор стремится воплотить незабвенную мечту феминистического сообщества о крушении «стеклянного потолка» (особенно остро ощутимую в преддверии выборов президента США осенью 2016 г.: «It was sure to be a day to inspire young girls and athletes everywhere that women can shatter the glass ceiling in America and fulfill their dreams – even the dream of the Oval Office»¹ («Этот день должен был вдохновить молодых девушек и спортсменок на то, что женщины могут разрушить стеклянный потолок в Америке и осуществить свои мечты – даже мечту об Овальном кабинете»; перевод наш. – А. М.), подняв героиню над всеми мировыми правителями; с другой стороны, появление такого божества вызвало череду мировых потрясений и катаклизмов, таких как эпидемия коронавируса, войны, пожары и т. д. Ирония такого сюжетного поворота очевидна.

Кроме того, следует учитывать философский посыл автора относительно высшей ступени духовного развития: в романах Пелевина с 1990-х гг. самые мудрые и просветленные сущности (монахи, невозвращенцы, архаты, «птицы» как первородные создания бога, наиболее приближенные к нему по сущности из «Любви к трём цукербринам» и др.) стремятся не к лучшему бытию для себя и своего мира, а к «не бытию». Только потеряв личность со свойственными ей эгоистичными

¹ INSC. Digital magazine: site. Donald Trump: America's Repudiation of Feminism. Orlando, FL. November 17, 2016. Электронный ресурс. URL: <https://theinscribermag.com/donald-trump-americas-repudiation-feminism/> (дата обращения: 22.07.2024).

мыслями и желаниями, можно увидеть подлинную реальность и слиться с Богом. К этому стремился Элагабал и приходившие к нему волхвы. Однако вместо того, чтобы распустить мир, сплетённый из неисчислимого количества страдающих «ниток» (человеческих душ), которые могли бы без боли в один миг стать одним целым с Богом и достичь высшего блаженства, Саша Орлова создаёт мир заново. И создаёт его по деструктивной пьесе любителей, потому новый мир ещё более хаотичен, безумен и полон страдания.

Здесь очевидна очередная имплицитная отсылка к истории Вайнштейна: провал Хилари Клинтон, поддерживаемой Голливудом, инаугурация Дональда Трампа, череда разоблачений и скандалов с длительными судебными разбирательствами, начавшаяся с развенчания кинорежиссера, – для В. Пелевина являются звеньями одной цепи.

Успешность судебных исков женщин, подвергшихся физическому или психологическому насилию, породила новую культуру взаимоотношений мужчина – женщина на Западе и в США, которую Пелевин обыгрывает в написанных после 2017 г. романах: приглашая Татьяну на встречу с Федором Семеновичем, Дамиан просит подписать её контракт: «Исключительно для того, чтобы вы не могли обратиться в суд с каким-нибудь вздорным обвинением. Или не подумали нанять книгтеров (игра слов «книга» и «ниггер» / раб), чтобы издать скандальную и пустую книжонку о вашей встрече» [19, с. 61]; «...за каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины, и британские юристы отлично умеют переводить эту максимум на язык конкретных цифр» [19, с. 55]. В импровизированной «Сказке острова Шикотан» о современной царевне-лягушке: «И попросит юриста лягушка / Все мое на нее записать, / Потому что я мял её брюшко, / Регулярно мешая ей спать» [18, с. 77]; «Теперь он будет всего бояться, у них ведь в Америке концлагерь. Особенно для белых мужиков» [20, с. 139]; «...я пошла вверх по трапу, волоча за собой сумку. Тим не сделал попытки помочь. Американец, подумала я. Боится, что засужу» [18, с. 234] и др.

Обсуждение и выводы

Женский дискурс становится объектом пелевинской пародии с середины 2010-х гг., что совпадает с усилением ак-

тивности феминистских сообществ после победы на выборах президента США Дональда Трампа. Ранее левоцентризм обыгрывался писателем лишь в раках мужских нетрадиционных отношений («Любовь к трём цукербринам», «Числа», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами»), причем диапазон воук-повестки постепенно расширялся: уже в «Лампе Мафусаила» (2016) необычные наклонности протагониста приобретают политическую окраску и объясняются современными модными течениями; в «iPhuck 10» пародийным предстаёт внимание к расовой и национальной принадлежности (славяне-украинцы – низкое расовое качество; цветные жители вайферлендов – высокое и т. д.), гендеру, ориентации, субкультурам. Феминизм как объект пародии выступает на передний план в «Тайных видах на гору Фудзи» и «Непобедимом солнце». Модель игры та же, что и в «Лампе Мафусаила»: повествование от первого лица героя, который уверен в адекватности своих мыслей и действий до встречи с необъяснимым и желает вернуть всё на круги своя, однако женский дискурс обыгрывается более тонко. В первую очередь, за счёт того, что героини-феминистки в романах Пелевина представляют умеренный интерсекциональный феминизм, во-вторых, из-за искренней убеждённости героинь в правомерности такого мышления.

С героинями-феминистками не происходит ничего, что дискредитировало бы их убеждения, напротив, в повествовании постоянно «высвечиваются» те события, что укладываются в их картину мира (метафора из «Transhumanism Inc.» о том, что информационное поле – это тёмная улица, и силам, манипулирующим нашим сознанием, достаточно лишь осветить фасады, вписывающиеся в созданную ими реальность). Тем самым, на переднем плане «Непобедимого солнца» оказывается образ прогрессивной девушки, следующей современным трендам, с активной жизненной позицией. Её мысли и действия подсказываются окружением, которое в связи со спецификой деятельности Тима и Со является собранием одиозных личностей, на фоне которых Саша Орлова выглядит достаточно блёкло. Но в этом проявляется тонкая пелевинская ирония: все гости хранителей Камня являются пародией на тот или иной дискурс (хипстеры-анархисты, архатки-трансгендеры,

даосы-мизогины), они выражают разные мнения и придерживаются разных убеждений, тайно и открыто осуждая позиции друг друга; в полифонии их голосов трудно отделить серьёзные рассуждения от едкой иронии автора.

Относительно пародийности женского дискурса в «Непобедимом солнце» В. Пелевина мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в положении вненаходимости автор реализует свою социально-политическую позицию через голоса персонажей, обыгрывая актуальные дискурсы в их диалогах (например, женский дискурс через столкновение бородатой архатки Кендры, мизогина Винса, феминистки Саши и «тайного трамписта» Леонарда); через самих героев выражает протест и осуждение навязываемого медиа и коммерческими организациями образа «свободной» и «успешной» женщины. Во-вторых, карнавализация женского дискурса выражается протагонистом – автор не стилизует Сашу под умеренную феминистку, для того чтобы показать её передовой и современной, он её «играет». Саша – собирательный образ из стереотипов о независимой женщине, она замкнута на себе, не представляет мир без ярлыков, которые выбрала для себя и окружения. Показательным в этом плане нам представляется то, что, меняя маски, протагонист одинаково ощущает себя и в женском, и мужском теле, однако не придаёт этому значения (автор обыгрывает мифологические представления об андрогинной природе божества). Женская сущность героини ограничивается осознанием значимости исторической мести за века рабства и насилия патриархату.

Список литературы

1. Арбатова М. И. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. Русский феминистский журнал. – 1995. – № 3. – С. 78–90.
2. Ажгихина Н. И. Женщина как объект и субъект в современной российской литературе // Вы и мы. – 2000. – № 13 (29). – С. 20–23.
3. Богданова О., Кибальник С. и др. Литературные стратегии Виктора Пелевина. – СПб.: Петрополис, 2008. – 184 с.
4. Брайсон В. Политическая теория феминизма. – М., 2001. – 304 с.
5. Емелина А. Д. Феминизм и феминизмы как философия и философская проблема // Омские научные чтения – 2018. Материалы Второй Всероссийской

ской научной конференции. Отв. ред. Т. Ф. Яшук. – Омск, 2018. – С. 748–750. EDN: ZCTZOX.

6. Каган Е. В. Стереотипы мужественности и женственности и «образ я» у подростков // Психологический журнал. – 1988. – № 5. – С. 53–62.

7. Камалетдинова К. И. Женские образы в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце» // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека. XXIII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Материалы и доклады Межрегиональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – С. 263–274. EDN: KWHAES.

8. Кирилина А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. – 1998. – № 2. – С. 21–27.

9. Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Протофеминистские идеи как основа феминистского движения // Человек и общество в поиске новых смыслов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию кафедры философии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова / научн. ред. К. А. Багаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – С. 51–57. EDN: AVIYYP.

10. Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Этнические феминизмы: критика мейнстримного феминизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2024. – № 1. – С. 53–59. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-53-5. EDN: GKUCNX.

11. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.

12. Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. – СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1997. – Вып. первый. – С. 17–44.

13. Нечепуренко Д. В. В. О. Пелевин. Традиции и новаторство // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 1 (26). – С. 52–57. EDN: SQVUBN.

14. Осьмухина О. Ю. О новых тенденциях в российском романе рубежа XX–XXI веков: В. Пелевин, В. Сорокин, П. Крусанов // Филологические исследования – 2002. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003. – С. 189–191. EDN: YTZNBR.

15. Осьмухина О. Ю. Русские писатели, XX век: биограф. слов.: А–Я / сост. И. О. Шайтанов. – М.: Просвещение, 2009. – С. 408–410.

16. Пелевин В. О. iPhuck 10: роман. – М.: Эксмо, 2018. – 416 с.

17. Пелевин В. О. Transhumanism Inc. – М.: Эксмо, 2021. – 608 с.

18. Пелевин В. О. Непобедимое солнце. – М.: Эксмо, 2022. – 704 с.

19. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. – М.: Эксмо, 2019. – 416 с.

20. Сафонова В. А. Социальная история искусства: К становлению метода // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. – № 150. – С. 89–93. EDN: OZQFNL.

21. Титтон М. Мода, Феминизм и радикальный протест // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2021. – № 1 (59). – С. 159–169. EDN: OEOFES.

22. Ушакин С. А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 35–45.

23. Холод А. М. Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. – Кривой Рог, 1997. – С. 101–121.

24. Широкова Е. В. В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2011. – № 4. – С. 90–96. EDN: ONSZNV.

25. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity* // New York; London: Routledge, 1990. – 71 p.

26. Hariman R. *Political Parody and Public Culture* // *Quarterly Journal of Speech*. – 2008. – Vol. 94. – No. 3 – Pp. 247–272. DOI: 10.1080/00335630802210369.

27. Palmer J. *Parody and Decorum: Permission to Mock* // *Beyond a Joke: The Limits of Humour*. – London: Palgrave Macmillan UK. – 2005. – Pp. 79–97. DOI: 10.1057/9780230236776_5

28. Petrović T. *Political Parody and the Politics of Ambivalence* // *Annual Review of Anthropology*. – 2018. – Vol. 47. – No. 1 – Pp. 201–216. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-100148.

29. Piata A. *When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes* // *Journal of Pragmatics*. – 2016. – Vol. 106. – Pp. 39–56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003.

Anastasia P. Maryushkina

Parody of Women's Discourse in V. Pelevin's *The Invincible Sun*

Studies of women's discourse have not lost their relevance for more than half a century: the image of women and the whole complex of "female" issues have become the subject of special consideration of a number of humanities (philosophy, sociology, cultural studies, linguistics, literary studies). In the domestic literature of recent decades, women's discourse is not only the object of comprehension, but also of parody, primarily in postmodernist prose that ridicules the extremes of feminist ethics and aesthetics. The present article is devoted to the analysis of parodying female discourse in the novel by Pelevin's novel *The Invincible Sun*. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time in Russian literary studies the novel of the novelist is considered in the stated aspect. It is established that, firstly, V. Pelevin, demonstrating a negative attitude to the ideology of feminism, with a large share of irony portrays representatives of liberal communities and the generation that grew up on the images generated by commercial organizations and media. Secondly, in the novel, the female discourse is not only parodied but also carnivalized, which is expressed by the protagonist: the protagonist is a collective image of stereotypes of an independent woman, closed in on herself, who cannot imagine the world without the labels she has chosen for herself and her surroundings.

Key words: V. Pelevin, novel *The Invincible Sun*, parody, irony, women's discourse, feminist ideology.

For citation: Maryushkina, A. P. (2024) Parodirovanie zhenskogo diskursa v «Nepobedimom solnce» V. Pelevina [Parody of Women's Discourse in V. Pelevin's *The Invincible Sun*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 80–99. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_80. EDN: PJAQED

References

1. Arbatova, M. I. (1995) ZHenskaya literatura kak fakt sostoyatel'nosti otechestvennogo feminizma [Women's literature as a fact of the viability of domestic feminism]. *Preobrazhenie. Russkij feministiskij zhurnal – Transfiguration. Russian feminist magazine*. No. 3. Pp. 78–90. (In Russian).
2. Azhghina, N. I. (2000) ZHenshchina kak ob'ekt i sub'ekt v sovremennoj rossijskoj literature [Woman as an object and subject in contemporary Russian literature]. *Vy i my – You and Us*. No. 13 (29). Pp. 20–23. (In Russian).
3. Bogdanova, O., Kibal'nik, S. (2008) *Literaturnye strategii Viktora Pelevina* [Victor Pelevin's Literary Strategies]. St.-Petersburg: Petropolis Publ. (In Russian).
4. Brajson, V. (2001) *Politicheskaya teoriya feminizma* [Political Theory of Feminism]. Moscow. (In Russian).
5. Emelina, A. D. (2018) Feminizm i feminizmy kak filosofiya i filosofskaya problema [Feminism and feminisms as philosophy and philosophical problem]. *Omskie nauchnye chteniya – 2018* [Omsk Scientific Readings – 2018]. Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference. *Otv. red. T. F. Yashchuk*. Omsk. Pp. 748–750. EDN: ZCTZOX. (In Russian).
6. Kagan, E. V. (1988) Stereotipy muzhestvennosti i zhenstvennosti i «obraz ya» u podrostkov [Stereotypes of masculinity and femininity and the «self-image» of adolescents]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*. No. 5. Pp. 53–62. (In Russian).
7. Kamalentinova, K. I. (2023) ZHenskie obrazy v romane V. Pelevina «Nepobedimoe solnce» [Female images in V. Pelevin's novel «The Invincible Sun»]. *Global'nye vyzovy sovremennosti i duhovnyj vybor cheloveka. XXIII Krasnoyarskie kraevye Zhddestvenskie obrazovatel'nye chteniya* [Global challenges of modernity and spiritual choice of man. XXIII Krasnoyarsk regional Christmas educational readings]. Materials and reports of the Interregional scientific and practical conference. Krasnoyarsk. Pp. 263–274. EDN: KWHAES. (In Russian).
8. Kirilina, A. V. (1998) «Muzhestvennost'» i «zhenstvennost'» s toчки zreniya lingvista [«Masculinity» and «femininity» from the point of view of a linguist]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve – Woman in Russian society*. No. 2. Pp. 21–27. (In Russian).
9. Konovalova, A. P., Cyrendorzhieva, D. SH. (2022) Protofeministskie idei kak osnova feministского dvizheniya [Proto-feminist ideas as the basis of the feminist movement]. *Chelovek i obshchestvo v poiske novyh smyslov: materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu kafedry filosofii Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta im. Dorzhi Banzarova* [Man and society in search of new meanings: materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the philosophy department of the Dorzhi Banzarov Buryat State University] *nauchn. red. K. A. Bagaeva*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta. Pp. 51–57. EDN: AVIYYP. (In Russian).
10. Konovalova, A. P., Cyrendorzhieva, D. SH. (2024) Etnicheskie feminizmy: kritika mejnstrimnogo feminizma [Ethnic Feminisms: A Critique of mainstream feminism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya – Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. No. 1. Pp. 53–59. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-53-5. EDN: GKUCNX. (In Russian).
11. Nefagina, G. L. (2003) *Russkaya proza konca XX veka* [Russian prose of the end of the XX century]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian).

12. Nechaeva, N. A. (1997) Patriarhatnaya i feministskaya kartiny mira: analiz struktury massovogo soznaniya [Patriarchal and Feminist Worldviews: an analysis of the structure of mass consciousness]. *Gendernye tetradi* [Gender notebooks]. Issue one. St. Petersburg: Filial Instituta sociologii RAN Publ. Pp. 17–44. (In Russian).

13. Nechepurenko, D. V. (2014) V. O. Pelevin. Tradicii i novatorstvo [V. O. Pelevin. Tradition and innovation]. *Chelyabinskij gumanitarnij – Chelyabinsk humanitarian*. No. 1 (26). Pp. 52–57. EDN: SQVUBN. (In Russian).

14. Os'muhina, O. YU. (2003) O novyh tendencyah v rossijskom romane rubezha XX–XXI vekov: V. Pelevin, V. Sorokin, P. Krusanov [On new trends in the Russian novel of the turn of the XX–XXI centuries: V. Pelevin, V. Sorokin, P. Krusanov]. *Filologicheskie issledovaniya – 2002* [Philological research – 2002]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta. Pp. 189–191. EDN: YTZNBR. (In Russian).

15. Os'muhina, O. YU. (2009) *Russkie pisateli, XX vek: biogr. slov.: A–YA* [Russian writers, XX century: biogr. dictionary] sost. I. O. SHajtanov. Moscow: Prosveshchenie Publ. Pp. 408–410. (In Russian).

16. Pelevin, V. O. (2018) *iPhuck 10: roman* [iPhuck 10: Novel]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

17. Pelevin, V. O. (2021) *Transhumanism Ins.* [Transhumanism Inc.]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

18. Pelevin, V. O. (2022) *Nepobedimoe solnce* [The Invincible Sun]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

19. Pelevin, V. O. (2019) *Tajnye vidy na goru Fudzi* [Secret views of Mount Fuji]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

20. Safonova, V. A. (2012) Social'naya istoriya iskusstva: K stanovleniyu metoda [The Social History of Art: Towards the formation of the method]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 150. Pp. 89–93. EDN: OZQFNL. (In Russian).

21. Tittou, M. (2021) Moda, Feminizm i radikal'nyj protest [Fashion, feminism and radical protest]. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura – Fashion Theory: Clothing, Body, Culture*. No. 1 (59). Pp. 159–169. EDN: OEOFES. (In Russian).

22. Ushakin, S. A. (1999) Pole pola [Floor Field]. *ZHenshchina. Gender. Kul'tura* [Woman. Gender. Culture]. Moscow. Pp. 35–45. (In Russian).

23. Holod, A. M. (1997) Muzhskaya i zhenskaya kartina mira v russkogo yazyke [Male and female worldview in Russian]. *Verbal'nye i neverbal'nye dejksisy maskulinnosti i femininnosti* [Verbal and non-verbal deixis of masculinity and femininity]. *Krivoj Rog*. Pp. 101–121. (In Russian).

24. SHirokova, E. V. (2011) V poiskah femininogo diskursa: estetiko-poeticheskie eksperimenty v russkoj zhenskoj proze konca XX veka [In Search of a Female Discourse: Aesthetic and poetic experiments in Russian Women's Prose of the late 20th Century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. No. 4. Pp. 90–96. EDN: ONSZNV. (In Russian).

25. Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge.

26. Hariman, R. (2008) Political Parody and Public Culture. *Quarterly Journal of Speech*. Vol. 94. No. 3 Pp. 247–272. DOI: 10.1080/00335630802210369.

27. Palmer, J. (2005) Parody and Decorum: Permission to Mock. *Beyond a Joke: The Limits of Humour*. London: Palgrave Macmillan UK. Pp. 79–97. DOI: 10.1057/9780230236776_5.

28. Petrović, T. (2018) Political Parody and the Politics of Ambivalence. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 47. No. 1. Pp. 201–216. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-100148.

29. Piata, A. (2016) When metaphor becomes a joke: Metaphor journeys from political ads to internet memes. *Journal of Pragmatics*. Vol. 106. Pp. 39–56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003.

Об авторе

Марьюшкина Анастасия Павловна, аспирант Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация); E-mail: sivis_amary@mail.ru; ORCID ID: 0000–0003–4851–6519

About the Author

Maryushkina Anastasia P., Postgraduate Student, N. P. Ogarev Mordovian State University (Saransk, Russian Federation); E-mail: sivis_amary@mail.ru; ORCID ID: 0000–0003–4851–6519

дата получения: 25.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 25 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

С. В. Кезина, М. Г. Луннова

Возраст слов и их частотность как факторы сохранности русского колоративного словаря

Статья посвящена изучению закономерностей сохранности колоративного словаря русского языка. В качестве факторов сохранности рассматриваются возраст цвето-обозначений и их частотность. Исходной системой для анализа послужила лексико-семантическая группа цветолексем, которые репрезентированы в разных жанрах русского фольклора: в малых жанрах, сказках, песнях и былинах. В ходе этимологического анализа установлено, что фольклорные цветообозначения образованы в праславянский период истории русского языка и являются преимущественно исконно русскими, восходящими к индоевропейским корням. Благодаря статистическому методу определена их частотность в фольклоре. Сравнение частотности цветолексем на двух хронологических уровнях – праславянском и современном – показало относительную устойчивость как частотности, так и её динамики, представленных в русском фольклоре. Исследование подтвердило ядерный статус исходной системы. Сделан вывод о колоративной системе русского языка как о системе самоорганизующейся, обеспечивающей собственное стабильное состояние.

Ключевые слова: цветообозначение, исходная система, семантическое поле, фольклорный материал, колоративная система, праславянский период, возраст слов, частотность, самоорганизация.

Для цитирования: Кезина С. В., Луннова М. Г. Возраст слов и их частотность как факторы сохранности русского колоративного словаря // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 102–117. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_102. EDN: QLGSEL

Вопрос об устойчивости и подвижности базового словаря языка продолжает оставаться в центре внимания лексикологов. В. В. Виноградов величайшим достижением советского языкознания считал разграничение в лексике языка «основного словарного фонда, очень устойчивого, сохраняющегося в течение ряда эпох», и «всего прочего словарного состава языка» [9, с. 47–48]. Ф. П. Филин утверждал, что «словарный состав – необозримая открытая система, наиболее изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, т. е. очень устойчивая» [29, с. 46].

Актуальность исследования закономерностей сохранности базового словаря во времени непосредственно связана с системным подходом к изучению лексического состава языка. Теория поля Й. Трира, относящаяся к 30-м годам XX в., получила развитие в трудах Ф. П. Филина [30], В. И. Кодухова [15] и других отечественных учёных. Теорию зарубежных и отечественных исследователей обобщил в своих трудах Л. М. Васильев. Он дал универсальное определение парадигматического семантического поля как «класса слов, объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей» [7, с. 110], и разработал классификацию семантических полей [8].

Актуализация диахронического подхода в языкознании второй половины XX века, обусловленная стремлением «к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой» [11, с. 29], и включение теории поля в общую теорию систем [3–5] выдвигают на первый план в лексикологических исследованиях диахроническое поле как оптимальную систему для изучения истории отдельных слов и лексических объединений. Общая теория систем разграничивает системы органические (в них обязательны генетические связи между элементами) и неорганические. Семантическое поле диахронического типа – органическая система. Оно представляет собой совокупность слов (лексем), связанных генетическими, словообразовательными и однородными и неоднородными семантическими связями. По своим характеристикам диахроническое поле не что иное, как этимолого-словообразовательное гнездо.

На современном этапе научного знания активно исследуется синергетический тип систем как обладающий наибольшей объяснительной силой. Язык как естественная (ментально-биологическая) система является системой синергетической. Вслед за Л. С. Пихтовниковой, далее в тексте будем использовать сокращение С-система [25, с. 319]. С-система – «сверхсложная, открытая, нелинейная, иерархическая, самоорганизующаяся система с эмерджентными признаками» [21, с. 44].

Существуют параметры устойчивости и подвижности С-систем. К параметрам устойчивости относятся гомеостатичность, исключая «хаос и регламентирующая процессы, происходящие внутри всей словесной организации» [34, с. 4], и ие-

рархичность, предполагающая, что исторически сложившаяся система включает «как отдельные единицы, так и целые их подмножества, несущие в себе следы прежних ступеней развития языка», что защищает более сложные хронологические уровни системы от разрушения [34, с. 4]. В системах синергетического типа, к которым относятся лексико-семантические системы, за счёт единства устойчивого и подвижного создаётся динамическое равновесие. Это необходимо учитывать в ходе историко-лексикологического анализа. Так, в основе глоттохронологической модели М. Сводеша лежит положение о том, что во всех языках базовый словарь «изменяется с относительно постоянной скоростью» [23, с. 24], противоречащее принципам организации С-систем. «Несостоятельность этого положения подтверждается действием принципа сбалансированности устойчивых и неустойчивых элементов в любой системе – одинаковый темп изменения этих элементов привёл бы к дисфункции или распаду системы» [16, с. 25].

А. А. Поликарпов выдвинул положение «о принципиальном неравенстве всех слов языка по степени их сохранности во времени и о принципах подобного неравенства» [20, с. 95–96]. В качестве параметров сохранности / несохранности базового словаря он предлагает ряд характеристик: строй языка (относительно синтетический / аналитический), возраст слов, величина полисемии, частеречная принадлежность слов, их частотность, морфемная длина слова и другие [20, с. 95–96].

Таковы теоретические предпосылки осмысления причин устойчивости и подвижности базового словаря и темпов его изменения.

Цель настоящего исследования – установить зависимость сохранности русского колоративного словаря от возраста слов и их частотности. Выбор материала для научного анализа определяются положениями о том, что лексические системы русского языка в разные периоды его истории «не исследованы и не реконструированы» [10, с. 7], а «письменность важный, но относительно поздний этап, за порогом которого лежит дальше начало многих явлений» [29, с. 11]. Поэтому фактической базой исследования послужили цветообозначения (ЦО), используемые в русском фольклоре и отражающие раннее состояние семантического поля цвета. Исходной системой

для анализа является лексико-семантическая группа (ЛСГ) цветообозначений, представленных в разных жанрах русского фольклора (белый, вороной, голубой, жёлтый, зелёный, золотой, золотой, красный, русый, серебряный, серый, сивый, сизый, синий, чёрный) и поэтому претендующих на роль ядерных в семантическом поле цвета русского языка. Гипотеза исследования – чем старше слова и чем чаще они употребляются, тем дольше сохраняются в языке и образуют ядерный слой в семантическом поле, к которому относятся.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили колоративы, полученные методом сплошной выборки из разных жанров русского фольклора и отобранные на основе повторяемости во всех исследуемых жанрах. Выборка осуществлялась из сборников: «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [18], «Собрание народных песен П. В. Киреевского» [26], «Былины» (Составитель Ф. М. Селиванов) [6], «Пословицы русского народа» В. И. Даля [13], «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова [22], «Сборник деревенских частушек» В. И. Симакова [24]. После того, как сплошная выборка была осуществлена, полученные из разных источников словники апплицировали и сравнили. В результате аппликации словников было получено 15 повторяющихся во всех жанрах русского фольклора ЦО.

Основные методы исследования – метод сплошной выборки; метод семантического поля; сравнительно-исторический метод с приёмами внешней и внутренней реконструкции, этимологического анализа; статистический метод.

Возраст слов и их происхождение

ЛСГ цвета, отобранная для анализа, включает слова, относящиеся к разным индоевропейским (и.-е.) корням, а значит, к разным этимолого-словообразовательным гнёздам (ЭСГ). Нам представляется правильным описывать данные лексемы именно по ЭСГ, так как структура ЭСГ уже способствует устойчивости лексемы, исключает её изолированность в ЛСГ и далее в поле.

Исследуемая ЛСГ включает ЦО, принадлежащие нескольким ЭСГ. Рассмотрим гнёзда на предмет возраста и происхождения цветолексем.

В ЭСГ с и.-е. корнем *gel: *gol входят ЦО голубой, зелёный, жёлтый, золотой, золотой. Перед нами полные имена прилагательные, образованные от кратких в общеславянский период истории русского языка. Перечисленные ЦО признаны когнатами, несмотря на гетерогенность их семантики. У А. Е. Аникина читаем, что для ЦО голубой «возможно корневое родство с и.-е. *ghel- / *g'hel- "блестеть, светиться", с кот. связаны рус. жёлтый, зелёный» [1, 1, с. 162]. В статье к слову зелёный П. Я. Черных отмечает: «И.-е. корень *g'hel- / *g'hol- – "жёлтый", "зелёный", "синий", "серый", тот же, что в русских зелье, золото, зола» [33, I, с. 323].

Этимология ЦО голубой традиционно соотносится с лексемой голубь: «От голубь – по синему отливу шейных перьев голубя» [28, I, с. 432]; «Происходит от голубь» [33, I, с. 201]. По мнению А. Е. Аникина, «из праслав. *golǫbъ (jь), "цвета голубя (голубой, голубовато-серый, пепельный, сизый)", "голубиный", архаичного прил., образованного от той же основы, что и сущ. *golǫbъ» [1, 1, с. 162]. Вероятно, здесь произошло «вычленение» признака из недифференцированного имени и поэтому имя стало обозначать и предмет, и признак. Имя предмета становится именем признака, который выделяется в этом предмете. Такой предмет становится предметом-эталоном цветоименования. Грамматическое оформление лексем *golǫbъ и *golǫbъ (флексии -ь и -ъ) относит их к разным частям речи.

Вероятно, так же образованы слова зелен (> зелёный) и золот (> золотой). Ср.: словен. zélje «трава», польск. ziele «трава, злак» [28, II, с. 92], польск. zieleń «зелёный цвет», «растительность» [33, I, с. 323]; лтш. zelts «золото», «золотой» [28, II, с. 103]. Заметим, что золотой / золотой развивались из корня с дифтонгическим сочетанием *ol (*zolt-) в поздний праславянский период. ЦО золотой по происхождению старославянское.

ЦО жёлтый и зелёный, вероятно, обозначали цветовые оттенки, связанные с одним и тем же предметом, что последовательно отражено в синкретах (скр. hařita- "жёлтый, зелёный", лат. galbinus "жёлтый, зелёный"), которые Ю. В. Норманская объясняет исторически существовавшей «жёлто-зелёной» системой ЦО [19, с. 275]. Возможно, «жёлто-зелёная»

система ЦО была связана сначала с собирательством, а позже – с развитием земледелия.

К ЭСГ с и.-е. корнем *gel: *gol примыкает ЭСГ с и.-е. корнем *ker: *kor, куда относятся ЦО *красный* и *чёрный*, в последнее время квалифицируемые учёными как однокоренные¹. Вопрос о старославянском происхождении лексемы *красный* и восточнославянском соответствии *хороший* неоднократно обсуждался в науке [14]. ЭСГ с и.-е. корнем *ker: *kor традиционно выделяется этимологами как самостоятельное. Однако фонетическое сближение лексем из двух ЭСГ на основе древних колебаний согласных (здесь – заднеязычных: k / g / h) позволяет квалифицировать ЦО *голубой*, *зелёный*, *жёлтый*, *золотой* / *златой* и *чёрный*, *красный* как когнаты.

ЭСГ с и.-е. корнем *k'e'i: *k'o'i. На родство ЦО *серый*, *синий*, *сивый*, *сизый* существуют две точки зрения: одни исследователи (напр., М. Фасмер) считают, что генетически можно объединять *серый* и *седой* и независимо от них *синий*, *сивый*, *сизый*; другие (напр., Г. П. Цыганенко) все перечисленные ЦО рассматривают как родственные. Основанием для последнего утверждения является опора на дифтонгическое происхождение корневых гласных *е* и *и* (ср.: *серый* и герм. *haira – *сиять*; *сивый* и англос. hÆwe (*haiwina) «голубой, багряный, серый, зелёный»; *синий* и сербохорв. òсоје «тенистое место», др.-инд. śhājā «блеск; тень» [28, III, с. 610–611, 617, 629]). Мы разделяем вторую этимологическую версию [31, с. 375, 377].

Каждое из оставшихся 4 ЦО (*белый*, *вороной*, *русый* и *серебряный*) является единственным репрезентантом «родного» ЭСГ. ЦО *белый*, *вороной* и *русый* исконно русские, восходящие к и.-е. корням *bel-: *bol-, *ver-: *vor-, *raud: *ru соответственно. Лексема *вороной* образована от краткой формы *воронь*, соотносящейся с существительным *воронь*. Здесь тоже можно предполагать «вычленение» признака из недифференцированного имени. Возможно, именно в этом «вычленении» причина отсутствия краткой формы у прилагательного *вороной* в современном русском языке. Особняком стоит ЦО *серебряный*, образованное от заимствованного *серебро*, которое

¹ Садькова И. В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 21 с. EDN: NIXNDX

«засвидетельствовано только в балто-слав. и герм. По всей вероятности, древнее заимств. из какого-нибудь вост. языка» [28, III, с. 606]. О. Н. Трубачёв приводит версию М. Будимира, по которой «герм., балт. и слав. слова из анатолийского архетипа *subau-ro-* "блестящий"» [28, III, с. 606–607]. Этой же версии придерживается П. Я. Черных: «За пределами балто-славяно-германской языковой области неизвестно. Старое (доист. времени) заимствование, по-видимому, с Востока, из Малой Азии (ср. ассир. **sarrurum*)» [33, II, с. 156]. Схема миграции и.-е. племён, предложенная Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [12, с. 956–957], предполагает период общей балто-славяно-германской группы диалектов, из которой сначала выделилась германская группа. Это значит, что заимствование лексемы *серебро* во все перечисленные группы диалектов могло осуществиться в огромный период с IV–III тыс. до н. э., когда происходит распад и.-е. языкового единства, и до первых веков нашей эры (когда балто-славянская общность распалась окончательно). Краткая (*сьребрьнъ*) и полная нестяжённая (*сьребрьнааго*) формы праславянского прилагательного отражены в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков» [27, с. 678].

Итак, полные прилагательные цвета, подвергнутые анализу, были образованы в праславянский период истории русского языка: «значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.» [17, с. 1]. Праславянский период как время образования ЦО подтверждается, во-первых, значительным преобладанием полных форм над краткими во всех исследуемых жанрах русского фольклора. Имеют место и отклонения: в песнях отмечено одинаковое количество кратких и полных форм для ЦО *голубой* (1/1) и *серый* (7/7); в былинах краткие формы преобладают над полными у ЦО *зелёный* (71/27), *красный* (113/47), *серебряный* (28/8) и *синий* (89/32). Вероятно, такое соотношение связано с жанровыми особенностями фольклорных произведений. Во-вторых, праславянский период создания анализируемой колоративной лексики подтверждается отражёнными в ней фонетическими процессами: I палатализацией (*чёрный*, *жёлтый*), изменением дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова между согласными (*вороной*, *золотой*, *златой*, *красный*), изменением

дифтонгов (*русый, серый, сивый, сизый, синий*), упрощением консонантных групп (*русый*). Поэтому можно утверждать, что все слова образованы в общеславянский период истории русского языка. При этом мы учитываем, что праславянские процессы происходили одновременно и неодинаково в разных диалектах праславянского языка.

По происхождению ЦО преимущественно исконно русские. Из 15 ЦО только 2 заимствованы из старославянского языка: *золотой* и *красный*. Среди исконно русских ЦО только *серебряный* образовано от заимствованного *серебро*, остальные 12 восходят к индоевропейским корням, что уже обеспечивает их устойчивость.

Относительно одинаковый возраст ЦО (образованы в праславянский период), преимущественно исконно русское происхождение (у 13 из 15), концентрация 11 из 15 лексем вокруг этимологических гнезд (почти половина (7) ЛСГ входит в одно гнездо) репрезентируют данную ЛСГ цвета как систему, «сохраняющую в себе напластования разных эпох, т. е. очень устойчивую» [29, с. 46].

Частотность фольклорных цветообозначений с проекцией на современный русский язык

Норманская Ю. В., изучавшая вероятность сохранности / несохранности ЦО языка-предка в языках-потомках на материале древних и.-е. языков, опиралась на частоту употреблений ЦО и наличие ~ отсутствие коннотаций. По этим характеристикам было выявлено, что ЦО, которые употребляются редко и не имеют коннотаций, «с большой вероятностью исчезают или перестают употребляться в большинстве языков-потомков» [19, с. 275]. Однако у этого правила есть «исключения – ЦО, которые сохранились в большинстве языков-потомков: скр. *dhavala*- "белый, сверкающий белый", *ṛītaka*- "жёлтый", *ṛīvala*- "жёлтый", *harita*- "жёлтый, зелёный"; лат. *galbinus* "жёлтый, зелёный"; др.-англ. *gelo* "жёлтый"; др.-ирл. *uaine* "зелёный"» [19, с. 275]. Для нас особый интерес представляют примеры с и.-е. корнями *har-* и *gal-*: *gel-*, так как они входят в состав этимологического гнезда с и.-е. корнями на основе древних колебаний согласных *gel: *gol / *ker: *kor (их представляют в исходной системе семь ЦО). Эти

исключения репрезентируют нелинейность колоративной системы древних и.-е. языков: система неожиданно «выделяет» особую группу лексем, которые будут эволюционировать по пути «разрастания малого» и закрепления в большинстве языков-потомков. И элементы этой системы входят в анализируемую исходную систему.

Рассмотрим частотность ЦО в фольклорном материале. Сначала определим частоту употреблений ЦО по жанрам. Самые употребительные ЦО: в малых жанрах (1687 употреблений) – *белый* (402) / *красный* (311) / *чёрный* (256) / *золотой* (130) / *зелёный* (122); в былинах (1691) – *белый* (431) / *красный* (160) / *золотой* (159) / *синий* (131) / *чёрный* (123); в сказках (877) – *белый* (171) / *красный* (159) / *зелёный* (65) / *серый* (58) / *чёрный* (52); в песнях (326) – *белый* (102) / *красный* (54) = *зелёный* (54) / *чёрный* (22) / *золотой* (17). Одинаково последовательно во всех жанрах высокую частотность репрезентируют ЦО *белый* и *красный*. В песнях к лексеме *красный* в равном количестве «приближается» лексема *зелёный*. Третье место по частотности в малых жанрах и песнях занимает *чёрный*, а в былинах и сказках – соответственно *золотой* и *зелёный*. Очевидно, что ЦО *зелёный* и *золотой* / *золотой* достаточно активны и претендуют на близость к самым частотным ЦО. Общую частотность по всей выборке (по всем жанрам) можно представить так: высокая частотность – *белый* (1106) / *красный* (684) / *чёрный* (453) / *зелёный* (339) / *синий* (253) / *серый* (235); средняя частотность – *золотой* (166) / *золотой* (80); низкая частотность (получилось меньше 60 употреблений) – *жёлтый*, *сивый*, *серебряный*, *голубой* = *сизый*, *вороной*, *русый* в порядке убывания. Можно предположить, что соотношение частотности с учётом приближения (*белый* / *красный* + *зелёный* / *золотой* / *золотой*) связано с разграничением смыслов «светлое – тёмное».

Проекция частотности ЦО в исследуемых жанрах русского фольклора на современный русский язык дала следующие результаты. «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной [32] на 1 миллион употреблений репрезентирует частотность 14 ЦО из 15 исследуемых (нет ЦО *золотой*) в таком соотношении: *чёрный* (473) / *белый* (471) / *красный* (371) / *зелёный* (216) / *синий* (180) / *золотой* (145) / *голубой* (136) / *серый* (116) / *жёлтый* (109) и остальные – меньше 50 употре-

блений: *серебряный, русый, сизый, вороной, сивый* в порядке убывания. Для надёжности результатов мы обратились ещё к данным «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова, в котором частотность определяется на материале 92 миллионов употреблений¹. В данном словаре частотность определена только для 10 ЦО исходной системы как для наиболее частотных: *белый* (339,6) / *чёрный* (337,5) / *красный* (240,5) / *зелёный* (124,4) ~ *золотой* (123,5) / *серый* (96,1) / *синий* (82,8) / *жёлтый* (78,1) / *голубой* (71,5) / *серебряный* (34,8). Сюда не вошло ЦО *златой* и ЦО с низкой частотностью (*русый, сизый, вороной, сивый*). Сравнение результатов показало, что на обоих хронологических уровнях (праславянском и современном) за доминантное положение «борются» ЦО *белый, чёрный и красный*, причём в современном русском языке количество лексем *белый* и *чёрный* примерно одинаково: *чёрный* (473) / *белый* (471) по словарю Л. Н. Засориной и *белый* (339,6) / *чёрный* (337,5) по словарю О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова. Четвёртое место стабильно закреплено за ЦО *зелёный*, причём в словаре по материалам НКРЯ оно по сути делит его с ЦО *золотой*: *зелёный* (124,4) ~ *золотой* (123,5). Эту конкуренцию мы наблюдали и в малых жанрах русского фольклора. В современном русском языке конкуренция проявилась также в претензии ЦО *золотой* на шестое место в словаре Л. Н. Засориной, хотя в фольклоре и в словаре по материалам НКРЯ за пятое и шестое место «борются» ЦО *синий* и *серый*.

Проекция частотности ЦО в разных жанрах русского фольклора на современный русский язык дала неожиданные результаты: она репрезентирует, во-первых, относительную устойчивость частотности фольклорных ЦО в современном русском языке и, во-вторых, сохранившуюся от фольклорного периода динамику частоты употребления ЦО. Оба результата свидетельствуют о том, что стабильность исходной системы детерминируется и поддерживается самой системой, имманентно присуща ей.

¹ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Электронный ресурс. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 22.04.2024).

Обсуждение и выводы

Исследование исходной системы цветообозначений дало следующие результаты:

1. Этимологический анализ лексико-семантической группы ЦО показал, что исходная система происходит от индоевропейского языка-основы в праславянский период истории русского языка, регулирует заимствования (всего 2), структурируется лексемами 6 этимолого-словообразовательных гнезд, 2 из которых крупные для ЛСГ из 15 лексем (7 и 4 ЦО). При этом гнездо из 7 ЦО образовано на базе корневых структур древних индоевропейских ЦО-исключений, сохранившихся в большинстве языков-потомков. Следовательно, преимущественно исконное происхождение ЦО и системные связи внутри ЛСГ детерминируют устойчивость исходной системы.

2. Проекция частотности ЦО в исследуемых жанрах русского фольклора на современный русский язык показала, что частотность разных ЦО как на праславянском, так и на современном хронологических уровнях довольно различна. Ср., например, в фольклорном материале: *белый* (1106 употреблений) – *русый* (32); в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной: *чёрный* (473) – *сивый* (1); в «Частотном словаре современного русского языка» О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова: *красный* (240,5) – *серебряный* (34,8). В то же время лексемы с высокой и низкой частотностью одинаково устойчивы и являются ядерными. Значит, прямой зависимости устойчивости колоративной системы от количества употреблений нет. Устойчивость здесь определяется корреляцией частотности ЦО и её динамики на разных хронологических уровнях. Эта корреляция свидетельствует о стабильности русской колоративной системы.

3. Исходная система, действительно, оказалась ядром колоративной системы русского языка. Из неё выделилась группа основных (базовых) ЦО, наиболее частотных, способных к категоризирующей функции, способных называть основные цвета спектра и выражать самым обобщённым образом данную цветовую субстанцию: *белый*, *чёрный*, *красный*, *зелёный*, *серый*, *синий*, *жёлтый*, *голубой*. Базовые ЦО русского являются доминантами в лексико-семантических группах определённого тона. Из исходной системы выделилась также группа

русских цветowych этноэидемов, к которым «следует прежде всего относить такие цветообозначения, как «красный», «белый», «чёрный» и «голубой» (отчасти «синий») [2, с. 50].

4. На основе проведённого научного анализа мы пришли к выводу, что и первичный материал для этимолого-словообразовательных гнёзд, и частотность ЦО, и ядерный характер лексики, и её способность к устойчивости – всё определяется самой лексико-семантической системой языка, которая «живёт по своим собственным законам, созданным языком и регулирующим её существование и развитие» [34, с. 4].

Список литературы

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 368 с.
2. Белов А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика / отв. ред. и автор предисловия Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – С. 49–58.
3. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
4. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с. EDN: RVCMPR.
5. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал URSS, 1997. – 448 с.
6. Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.
7. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
8. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
9. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
10. Виноградов В. В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – 1138 с.
11. Гамкрелидзе Т. В. Праязыковая реконструкция и предпосылки сравнительно-генетического языкознания // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 29–34.
12. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 3-х ч. Ч. 1: Структура общиндоевропейского языка. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 520 с.
13. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2-х т. – СПб.; М.: Типография М. О. Вольфа, 1879.
14. Кезина С. В. Избыточность оценочной семантики лексемы *красный* в истории русского языка // Современные русские говоры в системе языковой культуры и текстовой коммуникации: Материалы Круглого стола, посвящённого 75-летию со дня рождения тамбовского диалектолога, лексикографа, текстолога С. В. Пискуновой / Отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2022. – С. 133–140. EDN: CNLXOQ.

15. Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов: Лекция. – Л.: ЛГУ, 1955. – 28 с.
16. Конечкая В. П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 22–37.
17. Мейе А. Общеславянский язык: Пер. с фр. / Общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М.: Прогресс, 2000. – 500 с.
18. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. – М.: Наука, 1984–1985.
19. Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индо-европейских языках. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 326 с. EDN: QRXLGB.
20. Поликарпов А. А. Зависимость сохранности общеславянской лексики во времени от категориальной принадлежности и возраста слов // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 95–96.
21. Пятаева Н. В. Принципы и методы динамического исследования сложных лексических систем // Paradigmata poznani. – 2015. – № 1. – С. 42–48. EDN: TVMSUJ.
22. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. – 344 с.
23. Сводеш Моррис. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 23–52.
24. Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. – Ярославль: Типография К. Ф. Некрасова, 1913. – 364 с.
25. Синергетика в филологических исследованиях / Под общ. редакцией проф. Пихтовниковой Л. С. – Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2015. – 340 с.
26. Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Якушкина. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – Т. I. – 342 с.
27. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10 000 слов / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. и доп. О. Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1986.
29. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
30. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
31. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
32. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. Около 40 000 слов. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
33. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.
34. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Svetlana V. Kezina, Marina G. Lunnova

Age of Words and Their Frequency as Factors in Preservation of the Russian Color Vocabulary

The article is devoted to the study of the patterns of preservation of the color vocabulary of the Russian language. The age and frequency of color naming terms are considered as preservation factors. The initial system for the analysis was the lexical-semantic group of color lexemes, which are represented in different genres of Russian folklore: in small genres, fairy tales, songs, and epics. In the course of etymological analysis, it was established that folk color terms were formed in the Proto-Slavic period of the history of the Russian language and are predominantly native Russian, going back to Indo-European roots. The statistical method helped to determine their frequency in folklore. A comparison of the frequency of color lexemes at two chronological levels, Proto-Slavic and modern, showed the relative stability of both the frequency and its dynamics presented in Russian folklore. The study confirmed the nuclear status of the original system. A conclusion is made about the color system of the Russian language as a self-organizing system that ensures its own stable state.

Key words: color naming, original system, semantic field, folklore material, color system, Proto-Slavic period, age of words, frequency, self-organization.

For citation: Kezina, S. V., Lunnova, M. G. (2024) *Vozrast slov i ih chastotnost' kak faktory sohrannosti russkogo kolorativnogo slovaryia* [Age of Words and Their Frequency as Factors in Preservation of the Russian Color Vocabulary]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 102–117. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_102. EDN: QLQSEL

References

1. Anikin, A. E. (2007) *Russkij etimologicheskij slovar* [Russian etymological dictionary] Issue 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ. (In Russian).
2. Belov, A. I. (1988) *Cvetovye etnoejdemy kak obekt etnopsiholingvistiki* [Color ethnoeidemas as an object of ethnopsycholinguistics]. *Etnopsiholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 49–58. (In Russian).
3. Bertalanfi, L. fon. (1969) *Obshaya teoriya sistem – kriticheskij obzor* [General systems theory – a critical review]. *Issledovaniya po obshej teorii sistem* [Research in general systems theory]. Moscow: Progress Publ. Pp. 23–82. (In Russian).
4. Blauberger, I. V., Yudin, E. G. (1973) *Stanovlenie i sushnost sistemnogo podhoda* [Formation and essence of the systems approach]. Moscow: Nauka Publ. EDN: RVCMPR. (In Russian).
5. Blauberger, I. V. (1997) *Problema celostnosti i sistemnyj podhod* [The problem of integrity and the systematic approach]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian).
6. Selivanova, F. M. (1988) (ed.) *Byliny* [Epics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russian).
7. Vasiliev, L. M. (1971) *Teoriya semanticheskikh polej* [Theory of semantic fields]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 5. Pp. 105–113. (In Russian).
8. Vasiliev, L. M. (1990) *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).
9. Vinogradov, V. V. (1977) *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy* [Lexicology and lexicography. Selected works]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
10. Vinogradov, V. V. (1999) *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk. Otdelenie literatury i yazyka: Nauchnyj sovet «Russkij yazyk». Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN (In Russian).
11. Gamkrelidze, T. V. (1998) *Prayazykovaya rekonstrukciya i predposylki sravnitel'no-geneticheskogo yazykoznaniya* [Proto-linguistic reconstruction and prerequisites for com-

parative genetic linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 4. Pp. 29–34. (In Russian).

12. Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. (1998) *Indoevropejskij yazyk i indoevropejcy: Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prayazyka i protokultury* [Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historical-typological analysis of the proto-language and protoculture]. Part I: *Struktura obšheindoevropejskogo yazyka* [The structure of the common Indo-European language]. Blagoveshensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ. (In Russian).

13. Dal, V. I. (1879) *Poslovicy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. St. Petersburg; Moscow: Tipografiya M. O. Volfa Publ. (In Russian).

14. Kezina, S. V. (2022) *Izbytočnosť ocenocnojnogo semantičeskogo i leksemnogo krasnyj v istorii russkogo yazyka* [Redundancy of the evaluative semantics of the lexeme red in the history of the Russian language] *Sovremennye russkie govory v sisteme yazykovoj kultury i tekstovoj komunikacii* [Modern Russian dialects in the system of linguistic culture and text communication]. Materials of the Round Table dedicated to the 75 th anniversary of the birth of the Tambov dialectologist, lexicographer, text critic S. V. Piskunova. Tambov: Izdatelskij dom TGU im. G. R. Derzhavina Publ. Pp. 133–140. (In Russian). EDN: CNLXOQ. (In Russian).

15. Kodukhov, V. I. (1955) *Leksiko-semantičeskije gruppy slov: Lekcija* [Lexico-semantic groups of words: Lecture]. Leningrad: LGU Publ. (In Russian).

16. Konetskaya, V. P. (1998) *Aksiomy, zakonomernosti i gipotezy v leksikologii* [Axioms, patterns and hypotheses in lexicology]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 2. Pp. 22–37. (In Russian).

17. Meie, A. (2000) *Obšheslavjanskij yazyk* [Common Slavic language]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

18. Afanasev, A. N. (1984–1985) (ed.) *Narodnye russkie skazki* A. N. Afanaseva [Russian folk tales by A. N. Afanasyev]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

19. Normanskaya, Yu. V. (2005) *Genesis i razvitie sistem cvetooboznachenij v drevnih indoevropejskijh yazykah* [Genesis and development of color naming systems in ancient Indo-European languages]. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russian). EDN: QRXLGB. (In Russian).

20. Polikarpov, A. A. (2001) *Zavisimost sohrannosti obšheslavjanskoj leksiki vo vremeni ot kategorialnoj prinadležnosti i vozrasta slov* [Dependence of the preservation of common Slavic vocabulary over time on the categorial affiliation and age of words]. *Issledovanie slavjanskijh yazykov v rusle tradicij sravnitelno-istoričeskogo i sopostavitelnogo yazykoznaniya* [Study of Slavic languages in line with the traditions of comparative historical and comparative linguistics]. Information materials and abstracts of reports of the international conference. Moscow: MGU Publ. Pp. 95–96. (In Russian).

21. Pyataeva, N. V. (2015) *Principy i metody dinamičeskogo issledovaniya složnyh leksičeskijh sistem* [Principles and methods of dynamic research of complex lexical systems]. *Paradig-mata poznani – Paradigm of knowledge*. No. 1. Pp. 42–48. (In Russian). EDN: TVMSUJ. (In Russian).

22. Sadovnikov, D. N. (1876) *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people: A collection of riddles, questions, parables and problems]. St. Petersburg: Tipografiya N. A. Lebedeva Publ. (In Russian).

23. Swadesh, M. (1960) *Leksiko-statističeskoe datirovanie doistoričeskijh etničeskijh kontaktov* [Lexico-statistical dating of prehistoric ethnic contacts]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoj literatury Publ. Pp. 23–52. (In Russian).

24. Simakov, V. I. (1913) *Sbornik derevenskijh chastushek* [Collection of village ditties]. Yaroslavl: Tipografiya K. F. Nekrasova Publ. (In Russian).

25. Pihtovnikova, L. S. (2015) (ed.) *Sinergetika v filologičeskijh issledovaniyah* [Synergetics in philological research]. Harkov: HNU im. V. N. Karazina Publ. (In Russian).

26. Vlasova, Z. I. (1983) (ed.) *Sobranie narodnyh pesen P. V. Kireevskogo: Zapisi Yakushkina* [Collection of folk songs by P. V. Kireevsky: Records of Yakushkin]. Leningrad: Nauka. Lenin-gradskoje otdelenie. (In Russian).

27. Blagova, E., Cejtin, R. M. (1994) (eds.) *Staroslavjanskij slovar (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).

28. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]: In 4 vols. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
29. Filin, F. P. (1984) *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
30. Filin, F. P. (1982) *Ocherki po teorii yazykoznaniya* [Essays on the theory of linguistics]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
31. Tsyganenko, G. P. (1989) *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Kiev: Radyanska shkola Publ. (In Russian).
32. Zazorina, L. N. (1977) (ed.) *Chastotnyj slovar russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
33. Chernyh, P. Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russian).
34. Shvedova, N. Yu. (1999) *Teoreticheskie rezultaty, poluchennye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovaryom»* [Theoretical results obtained in the work on the “Russian Semantic Dictionary”]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of Linguistics*. No 1. Pp. 3–16. (In Russian).

Об авторах

Кезина Светлана Владимировна, профессор Пензенского государственного университета доктор филологических наук, доцент (г. Пенза, Российская Федерация); E-mail: svkezina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3518-5549

Луннова Марина Геннадьевна, доцент Пензенского государственного университета кандидат филологических наук, доцент (г. Пенза, Российская Федерация); E-mail: lunnovamg@mail.ru; ORCID ID: 0009-0000-0325-2746

About the Authors

Kezina Svetlana V., Professor, Penza State University, Doctor of Philology, Associate Professor (Penza, Russian Federation); E-mail: svkezina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3518-5549

Lunnova Marina G., Associate Professor, Penza State University, PhD in Philology (Penza, Russian Federation); E-mail: lunnovamg@mail.ru; ORCID ID: 0009-0000-0325-2746

дата получения: 26.06.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 26 June 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024

Т. Е. Лебедева

Динамика лексического состава группы имен существительных со значением ‘место за ориентиром’ в истории русского языка

Цель данной работы – выявить движение лексического состава апеллятивов с префиксом за- и лексическим значением ‘место за ориентиром’ в период XV–XXI вв. Материалом послужили данные исторических, диалектных словарей русского языка, Большого академического словаря русского языка и Национального корпуса русского языка. Устанавливается лексический состав группы на разных синхронных срезах: XV–XVII вв., XVIII в., XIX в., XX–XXI вв. Выявляются факты выхода лексических единиц из активного употребления, вхождения новых лексем в состав группировки; определяются типовые контексты их употребления. Прослеживаются перемещения анализируемых лексем из одной разновидности русского языка в другую, предпринимается попытка определить экстралингвистические факторы, обусловившие исторические процессы в изучаемой группировке. Делается вывод об устаревании части лексем в связи с развитием градостроительства, перемещении большого числа лексических единиц в диалектную систему русского языка во взаимосвязи с социальными и правовыми аспектами жизни общества.

Ключевые слова: историческая лексикология, пространственная семантика, диалектная лексика, лексико-семантическая группа.

Для цитирования: Лебедева Т. Е. Динамика лексического состава группы имен существительных со значением ‘место за ориентиром’ в истории русского языка // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 118–140. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_118. EDN: RKQYDB

Научное изучение истории лексики русского языка длится уже не одно десятилетие – всем хорошо известны труды В. В. Виноградова, П. Я. Черных, Б. А. Ларина¹, Ф. П. Филина [28], Н. А. Мещерского [12]; написаны диссертации, посвященные истории определенных лексико-семантических или тематических групп². При этом «[в]

© Лебедева Т. Е., 2024

¹ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период: учеб. пособие для филол. факультетов университетов. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 242 с.

² Приведем некоторые из них: Иванов С. Л. История шегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 281 с.; Никитина О. В. История наименований нормативных правовых

настоящее время исследована лишь небольшая часть лексики. <...> Отдельные исследования по истории русской лексики покоятся по большей части в недрах кандидатских диссертаций и многочисленных сборников конца XX века, содержащих материалы конференций. Обобщающей работы пока не создано» [2, с. 7–8]. Эту же проблему обозначает Г. В. Судаков: «Теория исторической лексикологии русского языка еще не создана» [26, с. 7], – и далее указывает на «ограниченность источниковой базы по причине малого числа опубликованных в XX–XXI вв. текстов, отставание в разработке методологических и методических вопросов исторической лексикологии, <...> а также отсутствие координации и редкие попытки коллективных исследований» [26, с. 9].

Учитывая сказанное, изучение даже относительно немногочисленной группы лексики является актуальным для русской исторической лексикологии, ибо конкретные исследования отдельных пластов лексики являются необходимым этапом реконструкции общей истории словарного состава языка. Ф. П. Сороколетов, комментируя высказывание О. Н. Трубачева о некоторой неполноценности (ущербности) диахронического анализа какой-либо ограниченной группы лексики, писал: «...более детальные ответы на частные вопросы не исключают, а предполагают возможность обобщений и формулирования определенных закономерностей, ибо без изучения, и именно детального изучения, отдельных сторон развития каждого конкретного пласта лексики невозможны никакие более или менее серьезные обобщения; такие обобщения, как правило, рассыпаются при первом же столкновении с реальной языковой действительностью» [25, с. 4].

В русском национальном языке выделяется группа слов пространственной семантики с префиксом за- и лексическим значением ‘место за ориентиром’ типа *зарубежье*, *закоулок*, *захолустье*. В литературном языке лексемы такой структуры по большей части функционируют как топонимы – *Замоскворечье*, *Залесье*, *Заполье* и т. п., количество существительных-

актов латинского и греческого происхождения в русском языке XI–XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 227 с.; Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 251 с. EDN: FTNTQA. Обзор статей сборников по исторической лексикологии и лексикографии содержится в статье: Е. И. Державин. Сборники статей по исторической лексикологии и лексикографии 1984–2002 гг. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 327–336. EDN: CRYKNQ.

апеллятивов невелико, в Большом академическом словаре русского языка мы насчитали всего 20 таких (см.: [3, VI])¹. В диалектах же русского языка группировка лексических единиц данной словообразовательной модели гораздо более многочисленна: Словарь русских народных говоров включает 64 таких единицы², Новгородский областной словарь – 33 слова, Псковский областной словарь с историческими данными – около 50. Понятно, что наличие в говорах значительного числа языковых единиц описываемой структуры обусловлено, в первую очередь, существованием однокоренных слов с разнообразными суффиксами (*заполек – заполица – заполка – заполье – заполице*), но и при этом количество разнокорневых лексем в диалектах оказывается большим, нежели в литературном языке.

Пласт лексики морфемной структуры «префикс за + корень со значением ориентира + суффикс» как самостоятельная лексическая группировка не становится предметом отдельного научного исследования ни в синхроническом, ни в диахроническом аспектах³. Между тем существительные данной структуры обладают своеобразным соотношением формы и содержания, имеют специфические референциальные связи (см.: [11]) и обнаруживают некоторые закономерности функционирования, значимые в контексте разработки истории лексической системы русского языка и исторической семантики.

Цель данной работы – проследить динамические процессы в лексико-семантической группе слов сходной морфемной структуры с обобщенным значением ‘место за ориентиром’ во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, обусловившими эти динамические процессы. В частности, необходимо выявить изменения лексического состава группы в диахронии, определить сферу употребления языковых единиц исследуемого пласта лексики в разные исторические периоды. В качестве отправной точки исследования следует установить, какие лексические единицы с префиксом за- и значением ‘место за ориентиром’ существовали на не-

¹ Цифра приблизительная, так как в словнике лексема может отсутствовать, а данные НКРЯ иногда показывают наличие в современном русском языке определенной языковой единицы, например, *застенье*.

² Эти цифры тоже приблизительные, так как играют роль формулировка ЛЗ в толковании слова, возможность отнесения слова как к нарицательным, так и собственным именам.

³ Если не считать публикацию тезисов автора данной статьи «Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой за- в русских говорах» [11].

скольких синхронных срезах: 1) в древнерусском / старорусском языке, 2) русском языке XVIII в., 3) русском языке XIX в. и 4) в современном русском языке. На основе полученных данных мы сможем проследить изменения в составе изучаемой лексической группировки: определить, какие лексические единицы сохранились в разных стратах русского национального языка, какие вышли из (активного) употребления и выявить внеязыковую обусловленность такой динамики.

Следуя традиционным подходам русской исторической лексикологии, мы опираемся на тезис В. В. Виноградова, гласящий, что «[с]лова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» [4, с. 6]. Необходимость изучения истории семантического развития слов и их группировок в тесной взаимосвязи с социальными изменениями в обществе подчеркивал А. А. Алексеев: «Формы, отражающие воздействие социальной структуры на язык, многочисленны и разнообразны: это социальные диалекты и жаргоны, стилистическое расслоение выразительных средств <...>. В лексико-семантической сфере это воздействие отражается не столь регулярно и более опосредованно, а между тем судить об этом воздействии в историческом прошлом можно почти всегда лишь на основании лексико-семантических явлений» [1, с. 145]. «Язык и в его функционировании, и в его исторических изменениях слишком непосредственно связан с социальной и культурной историей» [6, I, с. 40], чтобы можно было избежать обращения к вопросам, выходящим за рамки употребления языка; изучение культурного контекста является неотъемлемой частью современных исследований по исторической семантике (ср., например, такое относительно новое направление в отечественной лингвистике, как «история понятий»; в рамках этого направления исследование семантического развития слов является не целью, но средством реконструкции истории культуры и истории общества: «... история понятий – это история культуры, рассматриваемая как динамическая вербальная деятельность и раскрываемая через историю слов (языка), артикулирующих понятийную сферу» [14, с. 10]¹).

Гипотеза заключается в следующем: языковые единицы со сходной морфемной структурой с лексическим значением

¹ См. подробнее статьи, включенные в цитируемый сборник.

‘место за ориентиром’ имеют сходную судьбу; динамика лексического состава исследуемой группировки отражает процессы функционального освоения пространства городскими и сельскими жителями, этапы развития градостроительства и свидетельствует о постепенном размежевании городской и традиционной культуры.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее – СРЯ XI–XVII) [22], Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.¹ (далее – СОРЯ), Словаря русского языка XVIII в. (далее – СРЯ XVIII) [23], Словаря церковно-славянского и русского языка 1847 г. (далее – СЦСРЯ) [24], Большого академического словаря русского языка (далее – БАС-3) [3], Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ) [21], Новгородского областного словаря (далее – НОС) [13], Словаря вологодских говоров (далее – СВГ) [20], Псковского областного словаря с историческими данными (далее – ПОС) [18]. Материалы Словаря Академии Российской и Словаря живого великорусского языка В. И. Даля отдельно не рассматриваются, так как они входят в картотеки СРЯ XVIII и СРНГ соответственно. Материалы СОРЯ дополняют картину словоупотребления, отраженную в СРЯ XI–XVII, так как в словник СОРЯ отбиралось всё, что составители, и прежде всего Б. А. Ларин, считали «не чисто книжным, не словами узкоцерковного применения или назначения; не выдуманными "кованными" писательскими словами, не окказиональными кальками с иностранных речений, вводимых неискусными переводчиками, а лишь то, что можно считать народным, русским и обиходным...» [10, с. 658]. СОРЯ призван показать «язык устного общения и частных деловых документов, лишенных политического, общегосударственного значения» [10, с. 656]). СВГ, НОС и ПОС являются источниками картотеки СРНГ, но выпуски СВГ и ПОС на букву «з» выходили в печать позже, чем выпуски СРНГ, НОС переиздавался в 2010 году с дополнениями.

Методом сплошной выборки из перечисленных источников были отобраны отыменные нарицательные суще-

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Электронный ресурс. URL: <https://xvi-vii.liling.spb.ru/glossary?f%5B0%5D=alpha%3Az> (дата обращения: 10.02.2024).

ствительные с префиксом за- с лексическим значением 'место за чем-либо' (или 'место за ориентиром'). Лексемы аналогичной морфемной структуры, называющие части тела человека (типа *заплечье*, *запястье*), внутридомовое пространство (*запечье*, *залавок*), и отглагольные образования (типа *засека*, *забега*, *заор* – от глаг. *орати*) не рассматриваются. Все примеры паспортизируются при первом упоминании в тексте статьи, при повторном упоминании ссылка на словарь, выпуск / том и страницу не приводятся, если это не обусловлено логикой изложения.

Словарные материалы не могут дать полной картины бытования слова в тот или иной период, что прежде всего связано с установками отбора источников материала для картотек словарей, равно как и с ограниченным объемом словарной статьи, невозможностью показать все случаи употребления слова в разных типах текстов. В силу этих обстоятельств мы также использовали данные панхронического корпуса Национального корпуса русского языка¹ (далее – НКРЯ) [19]. Как справедливо отмечает М. Ю. Колокольникова, сегодня «не вызывает сомнений и тот факт, что исследования, основанные на анализе первоисточников, имеют целый ряд преимуществ перед теми, которые опираются главным образом на словарные статьи и картотеки. В первом случае имеется, в частности, возможность изучать контекстные реализации значений лексем в разных типах дискурса в ходе эволюции языка. Важно, что подобные исследования позволяют проследить как синхронную вариативность лексем, так и диахронную, которая во многом берет свое начало в функциональной, социальной, социокультурной или географической дифференциации (неоднородности) языковых явлений» [8, с. 3].

На следующем этапе исследования был использован сопоставительный метод для установления изменений в составе изучаемой лексической группы, а также контекстуальный анализ, необходимый для определения типичных контекстов и, соответственно, сферы употребления языковых единиц на разных синхронных срезах.

¹ Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2024).

Результаты

Лексико-семантическая группа слов пространственной семантики с первичным значением 'место за ориентиром', по данным СРЯ XI–XVII вв. и СОРЯ, фиксируется в письменных источниках с XIII века. Всего в этих словарях насчитывается 58 таких существительных (повторяющиеся лексические единицы мы считали за одно слово, топонимы не входят в это число). В составе этой группировки выделяются апеллятивы и топонимы. Полный список апеллятивов будет приведен ниже; приведем примеры топонимов по материалам СРЯ XI–XVII вв., СОРЯ и ПОС: *Завеличье* 'часть средневекового Пскова за рекой Великой на противоположном кремлю берегу' [18, 11, с. 60–61]¹; *Заволочье* 'название города, административного центра Пусторжевской волости в XVI в.' [22, 5, с. 157; СОРЯ], *Заонежье* 'историческое название района Карелии, расположенного на Заонежском полуострове в северной части Онежского озера' [СОРЯ]; *Залахтовье* 'название деревни'. *Я жыла в Залахтовье, случился пажыр такой, мы и переехали сюда* [18, 11, с. 286]; *Запороги* 'местность за порогами Днепра' [СОРЯ]; *Запсковье* 'часть Пскова на правом берегу реки Псковы' [18, 12, с. 73]; также в названиях полей и пустошей: *Завражье*, *Заполица*, *Чудинцево заполье*, *Торошинское заполье*, *Заречье*, *Заручье*, *Чураков заулок* [СОРЯ].

В старорусском языке лексемы рассматриваемой модели образовывались как от основ, обозначающих элементы природного ландшафта, так и от основ, обозначающих результаты деятельности человека: элементы городской среды, села (деревни), элементы инфраструктуры (волоки, дороги), результаты освоения окружающих поселение территорий.

Наименования, мотивированные «природными» основами, это: *заболотье* [22, с. 137; СОРЯ], *заборье* [22, с. 138], *завражье* [22, с. 158; СОРЯ], *загорок* [22, с. 174], *загоры* [СОРЯ], *загорье* [22, с. 174; СОРЯ], *загубье* [22, с. 177; СОРЯ], *задолье* [СОРЯ], *заисточье* [22, с. 203], *закедровник* [22, с. 209], *закустовье* [22, с. 229; СОРЯ], *закустье* [СОРЯ], *залахта* [СОРЯ], *заледье* [22, с. 230; СОРЯ], *залозье* [22, с. 235], *залужье* [22, с. 235; СОРЯ], *залучье* [22, с. 235–236], *залывье* [22, с. 236], *заморье* [22, с. 244;

¹ Здесь и далее в примерах после номера источника в списке литературы при наличии указывается арабской цифрой номер выпуска словаря, римской цифрой номер тома словаря.

СОРЯ], заозерье [22, с. 253; СОРЯ], заострова [СОРЯ], заостровка [22, с. 254; СОРЯ], заостровье [22, с. 254; СОРЯ], заполек (вар. заполок) [22, с. 274; СОРЯ] (можно трактовать как и антропогенную основу), заполица [22, с. 274; СОРЯ], заполье [22, с. 274; СОРЯ], заречье [22, с. 288; СОРЯ], заручье [22, с. 291; СОРЯ], захребетье [22, с. 335; СОРЯ].

Наименования, мотивированные «антропогенными» основами: заволочье [22, с. 157; СОРЯ], заворотье [22, с. 158], загородье [22, с. 173; СОРЯ], задвор [СОРЯ], задворка [22, с. 179], задворок [22, с. 179; СОРЯ], задворочек [22, с. 180], задворье [22, с. 180; СОРЯ], задорица [СОРЯ], задорожница [22, с. 187], закраек [СОРЯ], закраина [СОРЯ], замежек [22, с. 237], замонастырье [22, с. 243], замостовье [22, с. 244], замостье [22, с. 244], занивье [22, с. 251], заовинье [СОРЯ], заострожье [22, с. 254], запоженье [22, с. 273], заполосок [СОРЯ], запосад [22, с. 276], заровье [22, с. 288], зарубезье [СРЯ XI–XVII, 5, с. 290; СОРЯ], зарядье [22, с. 292; СОРЯ], застенье [22, с. 304; СОРЯ], затынье [22, с. 328], захлебье [СОРЯ], зауголье [СОРЯ].

Приведем несколько типичных контекстов употребления анализируемых слов в XV–XVII вв.: *Пашины и перелогу и лесной поросли шесть волокъ сенныхъ покосов по реке Медведке по лукамъ и по **заполюю** и по **закустьем** на пятьдесят копен.* (Сл. Смол., 89, 1685 г.) [СОРЯ]; *А Коломенскому селу роз(ѣ) ѣздъ с Ногатинскимъ от **заборья** на усть Нагатинскои заводи* (Дух. и дог. гр., 48, ок. 1401–1402 г.) [22, с. 138]; *Сѣнной покосъ ... противъ **залужья*** (Кн. п. Хлын., 205. 1629 г.) [22, с. 235]; *Изяславъ же слышев Юрья в Переяславли поиде с Вячеславом на нь, и съ братом своим Святополком и с Берендичи, и перебродися у Заруба и остави товары у Мажева селца, и отголе приѣждаше быяхуса у города; и многих ту избиша от обоихъ, а **загородье** пожгоша.* [Московский летописный свод (1479–1492)]¹; *Да по **загородью** через ручей мост меж честику и городка для того, что тою дорогою ездят литовские {л. 111 об.} купцы с товары; частику около рву и городка со все четыре стороны в две колоды 165 сажен.* [Засечная книга 1638 г. (1638)]; *Сѣна промежь поль по **завражью** и по **заполюю** 1000 коп<ен>.* Кн. п. Моск. I, 857. 1594 г. [22, с. 159]. Да отхо-

¹ Здесь и далее примеры, не снабженные указанием на конкретный словарь, взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

жие пашни в дубровахъ и в борахъ и в **залужье** и за рекою Велесою семь четвертей с осминою. (Сл. Смол., 90, 1684 г.) [СОРЯ]; Отъ того лошку досталось Григорью на пять жеребьев и все **закустовье**. А. Уст. I, 157, 1569 г. [22, с. 229]. Еще один показательный контекст: се купи игнате оу станшѣ оу борисъва сына село на лоукини береги горнеи землѣ семь поль а на юрмоли верхнемъ поли оуцастокъ ѿго и въ дворищи оуцастокъ ѿго и в сосъники оуцастокъ ѿго и оу воротѣ оуцастокъ ѿго с притеребомъ и на токной веретии оуцастокъ ѿго и на великой пожнии противъ ѿгодника оуцастокъ ѿго и на великой пожни противъ двора оуцастокъ ѿго а ц(т)о противъ иванова двора пожнѣ на ѿ. куць сына а землѣ орамои пѣтери гонѣ а то тои же земли а на великой юрмоли логъ верхнемъ конци ѿго оуцастокъ тои же землѣ а в **зальвзи** два перевесища а то тои же землѣ а в рички цетвертаѣ часть а на писку в тони цетвертаѣ часть и да игнате на теи землѣ ѿ. рублевъ и ѿ. сороковъ бѣлкѣ а пополонка за телицю поль третья часть бѣлѣ соби одирнѣ и своимъ дитемъ а на то послуи олекса микулинѣ родивонѣ юргевѣ грихне даниловѣ кюрьякѣ василевѣ [Купчая Игната у Станши Борисова сына на село на Лукине берегу (1440-е)].

Приведенные примеры демонстрируют некоторую закономерность (не носящую строго обязательного характера): бытование анализируемых лексем с «природной» основой отмечается в актовой письменности (отводных, купчих, разделных, окладных, жалованных и под. грамотах), писцовых, межевых, переписных, приходно-расходных книгах; лексемы с антропогенными «городскими» основами чаще встречаются в летописях. И в том, и в другом случае тип источников говорит об общеупотребительном характере лексических единиц. Лексемы со значением 'место за ориентиром' с «природной» основой в XV–XVII вв. выполняют идентифицирующую функцию, номинируя знаки границ земельных владений, так как, по утверждению И. А. Дамбуева, еще в XVII в. «топонимы служат лишь вспомогательным средством для определения границ и межей» [5, с. 114]. Анализируемые единицы, наряду с другими лексемами с пространственной семантикой, использовались для своего рода «словесного картографирования» при отсутствии планов

местности и наличии необходимости описания землевладельцев «с целью получить сведения и основания для податного обложения» [16, стб. 117].

Лексические единицы с «городскими» основами отражают устройство средневекового русского города: «...бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть с валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее обезопасенных местоположением, под стенами проводился ров» [9, с. 9]. Абсолютно логично, что чаще они встречаются в повествовательных контекстах, описывающих эпизоды политической истории нашего государства.

Синхронный срез XVIII века отражен в СлРЯ XVIII века. В словнике отсутствуют такие лексемы, как *заборье*, *завражье*, *загубье*, *задолье*, *задорица*, *задорожница*, *заисточье*, *закедровник*, *закустовье*, *закустье*, *залахта*, *заледье*, *залозье*, *залужье*, *залучье*, *замежек*, *замонастырье*, *замостовье* и *замостье*, *занивье*, *заовинье*, *заостровье* и *однокоренные*, *заострожье*, *заполица*, *заполок*, *заполосок*, *запосад*, *заровье*, *зарубежье*, *заручье*, *застенье*, *затынье*, *зауголье*, *захлебье*, *захребетье*. Ряд лексем дается в Словаре с другим значением. Так, в СРЯ XI–XVII вв. слово *закраина* имеет толкование ‘небольшой участок земли, неудобный для обработки, на краю пахотного поля’ [22, с. 224], в СОРЯ значение формулируется как ‘участок (пахотный или сенокосный), расположенный за краем поля (часто в межевой, пограничной зоне)’ и приводятся следующие контексты: А в тѣх есмѣ [Н. Ф. Тараканов с детьми] ему [А. Г. Бачуре] деньгах заложили деревню... двор и дворище, Горные земли орамые... и пожни, и перелогѣ, и **закраины**. АРГ, 263, 1525 г. Свои коровы... водили по пригору и **по закраинь**. А. Лодом. ц., 59, 1570 г. [Г. Неверов заложил] Наволоки и **со всѣми закрайнами** оброчные язъ пожни и пустыя восьмину пожинь своихъ. А. Лодом. ц., 169, 1602 г. В полѣ по логам и **по закраинам** и по межам сѣно косити. Сл. Перм. I, 193, 1629 г. [СОРЯ]. В СРЯ XVIII в. дается второе значение ‘край, кромка

чего-л.' с иллюстрацией: *У дороги закраины здѣлатъ*¹ [23, 7, с. 254], что соответствовало бы современному понятию *обочина*. Приведенный пример свидетельствует об утрате дифференциальных сем, указывающих на функциональное назначение участка земли, и о расширении значения слова.

Отмечены как выходящие из употребления слова *заморье*, *замосковный*; как новое слово фиксируются: *загуменье* 'место, за гумном находящееся, задворки' [23, 7, с. 205]; *залесье* 'место за лесом' Хлѣб в залѣсьѣ и глуши хуже родится, нежели на полях отвсюду вѣтрам открытых. Комов 54. [23, 8, с. 5]; *зарядье* 'место, находящееся за рядами лавок' Жить в зарядьѣ САР [23, 8, с. 83]; *захолустье* 1) 'тенистое место', 2) 'мѣсто в городѣ отдаленное или загороженное другими строениями. Живет в захолустьѣ, нескоро его сыщешь' [23, 8, с. 133–134]. Лексемы *залесье*, *зарядье*, *захолустье*, между тем, фиксируются СОРЯ и СРЯ XI–XVII вв.

В СРЯ XVIII в. есть лексемы, которые не отражены в СРЯ XI–XVII вв. и СОРЯ: *заколица* 'околица' По заколицам и близким мѣстам сего монастыря самопроизвольно вездѣ родилися конопля. Пут. Леп. I 377 [23, 7, с. 243]; *Запорожье* 'территория, расположенная за Днепровскими порогами' [23, 8, с. 64] (дается без иллюстраций к значению).

Сохраняются в употреблении в тех же значениях лексемы *заболоть*, *заволочье*, *загородье*, *задворок*, *заозерье*, *заполье*, *заречье*, *зарядье*, *заулок*.

Следующий этап истории анализируемых лексических единиц представлен материалами Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г. В словник не включены лексемы *заворотье*, *завражье*, *загубье*, *зadolье*, *задорица*, *задорожница*, *зadубье*, *заисточье*, *закедровник*, *залесье*, *залозье*, *залуговье*, *залужье*, *залучье*, *залошье*, *заовинье*, *занивье*, *заостровье*, *заострожье*, *запосадь*, *заречье*, *заровье*, *заручей*, *захлебье*, *зауголье*, *захребетье*. Это обстоятельство дает нам основания заключить, что в литературно-письменной разновидности русского языка перечисленные слова выходят из активного употребления на момент составления Словаря. В то же время нужно иметь в виду и уровень развития лексикографии середины XIX в., ничем иным, на наш взгляд,

¹ Пример из Нового лексикона на французском, немецком, латинском и на русском языках, переводу Сергея Волчкова. СПб., [1755]–1764. Ч. 1. С. 279

нельзя объяснить факт того, что некоторые лексические единицы даются по таким источникам, как Полное собрание русских летописей, Акты юридические, Акты исторические, то есть фактически в СЦСРЯ 1847 г. включаются материалы древнерусских и старорусских памятников письменности, не отражающих актуального употребления языковых единиц. Приведем пример такой словарной статьи: **Заполье**. Мѣсто, лежащее за полемъ. Выгорѣло ... въ запольѣ 30 дворовъ. Полн. собр. русск. лѣт. III, 131 [24, II, с. 46]. В 3-м томе Полного собрания русских летописей [17] опубликована Ипатьевская летопись, где изложение доведено до 1292 г.

В СЦСРЯ зафиксирована лексическая единица, не отмеченная в предыдущих словарях: **Заселокъ** 'пустое, не застроенное мѣсто за селениемъ. Ходить по заселку' [24, II, с. 55]. В СРЯ XI–XVII вв. дается лексема *заселица* [22, с. 295], а в СРЯ XVIII в. – *заселье* [23, 8, с. 86], оба слова имеют значение 'поселок, выселок'. Иллюстрации не указывают со всей ясностью на наличие семы «находящийся за чем-либо» в структуре лексического значения приведенных слов.

Данные словарей XVIII и XIX вв. отражают выход из употребления значительного числа анализируемых языковых единиц в русском литературном языке. Особенно подчеркнем, что в XVIII в. выходит из употребления лексика с антропогенными «городскими» основами: *заворотье*, *загородье*¹, *заострожье*, *запосад*, *заровье*, *зарядье*, *застенье*, *затынье*.

Любопытные данные в связи с движением словарного состава обнаруживаются в НКРЯ. С одной стороны, НКРЯ подтверждает выход из употребления отдельных языковых единиц в обозначенный период; например, лексема *затынье* встречается только в Московском летописном своде (1479–1492) и Никоновской летописи (1176–1362 гг.) (1526–1530). С другой стороны, распределение результатов поиска по датам по отдельным словам показывает полное отсутствие употреблений в XVIII в., но фиксирует примеры употребления до и после XVIII в. Так, лексема *заозерье* фиксируется в текстах с 1447 г. по 1600 г. и с 1809 г. по 2018 г.; лексема *застенье* с 1100 г. по 1530 г., затем с 1813 г. по 2019 г. Данные НКРЯ, таким

¹ Не путать с существующим в говорах словом *загородье*, которое пережило стяжение гласных в приставках: *заогородье* > *загородье*.

образом, показывают сохранение в употреблении многих языковых единиц в текстах XIX и XX вв. Например: «Вот богатырь приударил коня и пустился вихрем по улицам **застенья** 167». [А. Ф. Вельтман. Кошей бессмертный. Былина старого времени (1833)]¹; «В болотах ночью да в **залесьях**, в поле ночью один, во глуши: тут кулички рассвистятся, тут зайцы кричат, тут селezni стрекочут...» [И. С. Тургенев. Касьян с Красивой Мечи (1851)]; «Нумменс с приставом Тимашевым действительно ехал в это время по **загородью**, Великою рекою к немецкому гостинному двору, на Завеличье; но когда поровнялся с Власьевскими воротами, то из них вышла толпа народу и бросилась на него: одни хотели тут же убить Нумменса ослопами, другие тащили к проруби, третьи спрашивали: как ему казна на Москве дана?» [С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том десятый (1860)]; «Вечером, когда уже начинало темнеть, мы с архимандритом Сергием прошлись по **загородью**, где некогда был пустырь, ныне же все застроено». [архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1898)]; «Напротив Синь-озеро во льду лежит полумесяцем, – девять вёрст из конца в конец да четыре ширина, – и **заозёрье** видать: три церкви Кудеярова, золотую главу Николы в Толоконцеве, а по эту сторону, у монастыря, Кудеяровские выселки прикурнули, двадцать три двора». [Максим Горький. Исповедь (1908)]; «Но их водоводие, Март Февралевич, не капелькал по календарному способу, и Табачихинский переулочек крепчал крупным настом; морозец, оживши, носы ущипнул; и носы стали ярко-брусничного цвета; согнулся под снегом заборик; стоял мешанин в **заворотье**; морошничал нищий; увы: длинноносая праздность таит любопытство; и Грибиков выглядел крысыим лицом из окна на проход многолицых людей». [Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чужак (1926)]; «Не помню уж, в какой летописи читал, что перед одним из страшнейших московских пожаров, «когда огонь полился рекою, каменья распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла и дерева обращались в уголь и трава в золу», – тоже раздирательно каркали вороны над посадом, Кремлем, заречьями и **загородьем**. [Анатолий Мариенгоф. Циники (1928)]; «В город ведет старенькая мостовая. Она называется **«замостьем»**. На замостье бу-

¹ Этот и следующие контексты взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

лыжник от булыжника на аршин, а между ними разная дрянь и ямы». [А. С. Макаренко. Три разговора (1937)] и т. д.

Заметно, что, начиная с начала XIX в., исследуемые лексемы употребляются уже не в юридических, но в художественных, публицистических, научных текстах. При этом лексемы с «природными» основами встречаются в описаниях природы, а лексемы с древними «городскими» основами встречаются в исторических контекстах – специальной литературе либо исторической прозе.

Дальнейшую судьбу существительных со значением ‘место за ориентиром’ можно проследить по материалам СРНГ, ряда других диалектных словарей БАС-3, НКРЯ. В говорах зафиксированы следующие лексемы: *заанга* [21, 9, с. 238], *забалка* [21, 9, с. 244], *забережье* [21, 9, с. 253], *заболонье* [21, 9, с. 265], *заболотина* [13, с. 270], *заболотня* [18, 11, с. 28], *заболоть* [20, 2, с. 93; 18, 11, с. 28], *заболотье* [13, с. 270; 18, 11, с. 28; 20, 2, с. 93; 21, 9, с. 265], *загородица* [18, 11, с. 148], *загорода* (в 3-м знач.) ‘Огороженный приусадебный сенокосный участок позади дома’ [20, 2, с. 110] и (во 2-м знач.) ‘Место за огородом’ [13, с. 280], *загородье* [18, 11, с. 151], *загорок* [13, с. 280], *загорье* [13, с. 280], *загранки* [21, 10, с. 27], *загрядок* [13, с. 281], *загубье* [18, 11, с. 162], *загуменки* [13, с. 281], *загуменье* [18, 11, с. 164; 21, 10, с. 37], *загумка* [21, 10, с. 37], *загумно* [20, 2, с. 112; 21, 10, с. 37], *загумны* [13, с. 280], *задорье* ‘местность за дором (расчищенным из-под леса возвышенным местом около села’ [21, 10, с. 66], *загумны* [13, с. 281], *задвор* [13, с. 282; 18, 11, с. 175], *задворица* ‘луг за деревней’ [21, 10, с. 46], *задворка* [21, 10, с. 46], *задворки* [18, 11, с. 175], *задворок* [13, с. 282; 21, 10, с. 46], *задворье* [18, 11, с. 176; 20, 2, с. 113], *задорога* [18, 11, с. 190; 21, 10, с. 65], *задорожница* [21, 10, с. 66], *задубье* [21, 10, с. 70], *зазерье* [18, 11, с. 207; 21, 10, с. 92], *закамень*¹ [21, 10, с. 115], *заклинье* [18, 11, с. 246], *законечник* [21, 10, с. 150], *закорожье* ‘озеро за каменной грядой’ [21, 10, с. 154], *закошечье* ‘глубокое место за песчаными мелями (кошками)’ [21, 10, с. 160], *закраек* [21, 10, с. 160], *закружье* [21, 10, с. 167], *закустье* [18, 11, с. 281; 21, 10, с. 181], *закуток* ‘место за каким-либо строением’ [21, 10, с. 185], *закутье* ‘место за дворами деревни, особенно овражистое’ [21, 10, с. 186], *залес* [21,

¹ Более корректно, вероятно, рассматривать эту лексему как топоним, ср. значение ‘местность по восточную сторону Яблонового хребта’ (Забайк.)

10, с. 201], *залесийко* [21, 10, с. 201], *залесина* [18, 11, с. 289; 21, 10, с. 201], *залесище* [21, 10, с. 201], *залесица* [13, с. 295; 18, 11, с. 289; 21, 10, с. 201], *залески* [18, 11, с. 289], *залесок* [13, с. 295; 18, 11, с. 289], *залесь* [18, 11, с. 289], *залесье* [13, с. 295; 18, 11, с. 289], *залесьище* [18, 11, с. 290; 21, 10, с. 202], *залуговье* [21, 10, с. 222], *залужье* [21, 10, с. 223], *замежье* [21, 10, с. 238], *замогилки* [21, 10, с. 250], *замоховщина* [18, 11, с. 338], *замошевые* [13, с. 301], *замошье* [21, 10, с. 260], *замшарье* [18, 11, с. 344]; *занаволока* [21, 10, с. 273], *заовины* [13, с. 304], *заогород* [13, с. 304], *заозёрка* [21, 10, с. 291], *заозёрница* [21, 10, с. 291], *заозеро* [13, с. 304], *заозерье* [18, 12, с. 19], *заоколица* [21, 10, с. 291], *заосек* и *заосека* [21, 10, с. 293], *заосечье* [21, 10, с. 293], *заостровка* [21, 10, с. 294], *заостровок* [21, 10, с. 294], *заостровье* [21, 10, с. 294], *запесок* [13, с. 306], *заполе* [13, с. 306], *заполек* и *заполок* [18, 12, с. 55; 20, 2, с. 140; 21, 10, с. 337], *заполица* [21, 10, с. 338], *заполка* [21, 10, с. 339], *заполосок* '2. Поле, находящееся за другим полем' [20, 2, с. 140–141], *заполье* [18, 12, с. 92; 20, 2, с. 141; 21, 10, с. 341], *запольище* [21, 10, с. 341], *заполька* [21, 10, с. 342], *запротока* [21, 10, с. 360], *запунье* 'место за амбаром, за пунью' [21, 10, с. 366], *запуток* [21, 10, с. 370], *запутье* [21, 10, с. 370], *зарамежье* [13, с. 311], *зарек* и *зарека* [13, с. 312; 21, 10, с. 381], *зареченье* [21, 10, с. 382], *заречина* [18, 12, с. 92; 21, 10, с. 382], *заречище* [21, 10, с. 382], *заречье* [18, 12, с. 92], *заручье* [18, 12, с. 103; 20, 2, с. 147]; *зауголье* 'место за домом, двором, закоулок' [18, 12, с. 213], *заулесица* [13, с. 324], *заулесье* [13, с. 324], *заулок* 'место за домом или хозяйственной постройкой' [13, с. 324; 18, 12, с. 214], *захлевище* [18, 12, с. 231], *захожа* 'место за изгородью, окружающей пастбище (ухожу), куда не пускается скот' [21, 11, с. 158], *заявирье* 'место за обрывом, яром' [21, 11, с. 201].

НКРЯ выдает немногочисленные примеры употребления лексем со значением 'место за ориентиром' в текстах XXI в.: «Ограничимся таким фактом: начиная с пятого класса их ученики изучают реликтовые озера вологодского **заозерья**». [«В этой деревне огни не погашены» (2003) // «Сельская новь», 16.09.2003]; «Это слободы в тогдашнем **загородье**, фигура от Чистого пруда и Покровских ворот до Высокоязузского моста на Яузе и даже до Лыщикова переулка за Яузой». [Рустам Рахматуллин. Картина мира // «Новая Юность», 2008]; «Она сидела боком, покачивая ногой, на подоконнике в спаль-

не, на втором этаже нашего нового дома, и смотрела на мета-ния разлапистых ветвей дуба за забором, на волновавшуюся воду, дикое **заречье** с обесцветившимся лесом, по которому шквалы тянули темные полосы...» [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

БАС-3: заболотье [3, VI, с. 38] с пометой обл.; загород [3, VI, с. 131]; загорье [3, VI, с. 132] с пометой устар. и нар.-поэт.; заграница [3, VI, с. 135] с пометой разг.; загуменники [3, VI, с. 147] с пометой обл.; загуменье [3, VI, с. 147] с пометой обл.; задворки [3, VI, с. 157]; задворок [3, VI, с. 158] с пометой обл.; задворье [3, VI, с. 147] с пометой устар. и обл.; залесье [3, VI, с. 300] с иллюстрацией из текста И. С. Тургенева; залог [3, VI, с. 308] с пометой устар. и обл.; заморье [3, VI, с. 353] с пометой устар. и нар.-поэт.; заозерье [3, VI, с. 382–383]; заполье [3, VI, с. 428] с пометой устар. и обл.; Заполярье [3, VI, с. 428]; заречье [3, VI, с. 465]; зарубезье [3, VI, с. 471].

Подчеркнем, что словарь русского литературного языка (БАС-3) большинство анализируемых слов маркирует пометами обл., устар., нар.-поэт., сопровождая толкования иллюстрациями из художественных текстов, которые в принципе могут быть посвящены описанию деревенского быта прошедших времен. Так, в словарной статье с заголовочным словом задворье даются иллюстрации из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, рассказа «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева; в словарной статье к слову загуменники приводится контекст из повести Е. И. Замятина «Уездное» и т. п. Фактически, БАС указывает на принадлежность этих лексических единиц системе диалектного языка. Как стилистически нейтральные трактуются лексемы задворки, залесье, заозерье, топоним Заполярье¹, заречье и зарубезье.

Таким образом, в период с конца XIX – начала XXI вв. наметившаяся в первой половине XIX в. тенденция к разного рода ограничению употребления лексем с префиксом за- сохраняется: часть лексем типа загорье, задворье, застенье, затынье, загородье получают статус историзмов; основной массив сохранившихся в употреблении языковых единиц становится принадлежностью диалектной лексической системы русского языка и лишь немногочисленные лексические единицы (см.

¹ Интересно при этом, что, например, топоним Зарядье отсутствует в словнике.

выше материалы БАС-3) стилистически нейтральны и имеют общеупотребительный характер.

Обсуждение и выводы

Подводя итог сопоставления данных исторических, диалектных, толковых словарей русского языка и НКРЯ, можно сделать такие выводы.

Анализ широкого языкового материала подтверждает нашу гипотезу о том, что лексические единицы сходной морфемной структуры (префикс за- + корень со значением ориентира + суффикс) и типовым значением 'место за ориентиром' имеют один вектор развития в истории русского языка: будучи общеупотребительными в XV–XVII вв., в XVIII в. данные языковые единицы выходят из общего употребления и постепенно становятся словами, ограниченными в употреблении. Основной массив лексических единиц рассматриваемой модели, существовавших в общерусском языке допетровской эпохи, с конца XVIII – начала XIX в. активно вытесняется из книжно-письменной сферы употребления в устно-бытовую. Эта тенденция сохраняется вплоть до современного этапа развития русского языка. Остается в употреблении и в литературном языке, и в говорах лексика с основами, обозначающими элементы как городского пространства, так и пространства села либо деревни. Наиболее устойчивыми оказываются номинации пространства с «природными» основами, что обусловлено особенностями рельефа территории России.

Описанное выше перемещение слов из одного страта языка в другой, как нам видится, обусловлено следующими факторами.

Динамика лексического состава изучаемой группы, в частности, выход из активного употребления лексики с «городскими» основами, связана с тем, что «[в] XVI в. начинается переустройство общей системы городских укреплений. <...> укрепленные центры старых городов деградируют» [27, с. 43] в условиях создания централизованного государства. Как указывают историки архитектуры, в середине XVII в. властями было начато «посадское строение» – упорядочение городов, в результате чего были ликвидированы «белые места», проведена перепланировка и выправление уличной сети [27, с. 48]. Важнейшим периодом в развитии провинциальных городов

России называют вторую половину XVIII в., когда «проводились грандиозные административно-территориальные реформы екатерининского времени»¹. «Эти реформы сопровождалась необычайными по широте охвата и кардинальности градостроительными преобразованиями на принципах регулярности. Именно в этот период губернские и уездные центры России начали превращаться из городов средневековых в города нового времени, в города европейского типа»². Средневековый город с выдвинутой на первый план оборонительной функцией становится фактом истории, а вместе с ним устаревают слова, обозначающие элементы пространства древнерусского города. Одновременно трансформировалась система ориентации в городской среде, «[а]дрес становился все более похожим на современный; появились даже адреса домовладений с литерами и нумерация квартир внутри одного дома», – пишет Д. С. Дегтярев³, в связи с чем система прежних ориентиров становится нерелевантной.

Изменение сферы употребления лексем исследуемого типа с общеупотребительной на локально ограниченную, по нашему мнению, связано прежде всего с развитием межевания в России. «К началу XVIII в. межевание становится элементом государственной земельно-распорядительной политики» [15, с. 29], что влечет за собой неизбежную регламентацию языковых средств, обслуживающих этот вид деятельности, о чем говорит появление соответствующих регулирующих документов, как то: Инструкция межевщикам № 10237 от 13 мая 1754 г.⁴; Инструкция Межевым Губернским Канцеляриям и Провинциальным Конторам № 12659 от 25 мая 1766 г.⁵; Наставление Правительствующего Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель

¹ Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России: дис... канд. искусствоведения. М., 2003. С. 8. См. также: [Тверской, с. 170].

² Смирнов Г. К. Указ. соч. С. 8.

³ Дегтярев Д. С. Раннеиндустриальный этап в развитии пространства российского города (на материалах Томской губернии) // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 7. Электронный ресурс. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-07.pdf> (ата обращения: 10.02.2024).

⁴ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIV. С. 104–161. Электронный ресурс. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/260-rossiya-zakonny-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

⁵ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 716–794. Электронный ресурс. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/260-rossiya-zakonny-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

размежеванию Землемерам № 12711 от июля 1766 г.¹ (см.: [5]). Язык права, как писал В. В. Колесов, «всегда отражал основные изменения в системе родного языка и намеренно уклонялся от архаизмов любого происхождения как в форме, так и в семантике» [7, с. 121], отражая реальные юридические процедуры. Вслед за развитием практики межевания изменяются языковые средства обозначения границ владений, усиливается роль топонимов при общем снижении роли общепотребительных лексических единиц в связи с появлением «... планов, чертежей, первых карт. <...> В Своде межевых законов правила составления планов регламентируют использование самых разнообразных знаков, обозначающих разные виды объектов: селения, заводы, фабрики, мельницы, земли под усадьбами, пашни, леса, сенные покосы, реки, речки, горы, овраги, озера, мхи, болота, дороги и т. д.» [5, с. 114].

Нарастающие различия между системами ориентации в пространстве города и деревни (адресная система vs ее отсутствие), занятиями горожан и сельских жителей (торговля, ремесла vs земледелие, промысел), сохранение в деревенском быту реалий, не известных городскому жителю, приводят к вытеснению лексем типа *заовинье*, *захлевище*, *загумнье*, *задорье*, *захожа*, *заозерье*, *заполье*, *закустовье*, *замошье* и под. из письменных текстов горожан в устную речь жителей русской деревни.

В качестве перспективы исследования мы видим изучение семантического развития лексических единиц с префиксом *за-* и лексическим значением ‘место за ориентиром’ в связи с изменением сферы употребления, а также выявление условий топонимизации нарицательных имен в истории языка (эта тенденция совершенно отчетливо просматривается при анализе контекстов употребления существительных указанного типа).

¹ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 876–912. Электронный ресурс. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/260-rossiya-zakony-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

Список литературы

1. Алексеев А. А. Семантическое «снижение» как отражение социальной структуры в русском языке XVIII в. // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – С. 145–153.
2. Астахина Л. Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2008. – № 1(11). – С. 7–17. EDN: KVAGON.
3. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. [ред.: Л. И. Балахонова]. В 30 тт. – М.: Наука; СПб.: Наука, 2006. – Т. VI. – 825 с.
4. Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.
5. Дамбуев. И. А. Эволюция концепции топонима в России в XVII–XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1–2(67). – С. 113–116. EDN: ХПОСЛ.
6. Живов В. М. История языка русской письменности. – В 2 тт. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. I. – 816 с.
7. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Наука, 1989. – 294 с.
8. Колокольникова М. Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 3–6. EDN: MTWDLR.
9. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: Юрайт, 2024. – 194 с.
10. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 656–659.
11. Лебедева Т. Е. Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой за- в русских говорах // Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ф. П. Сороколетова (22–24 апреля 2024 г.) / отв. ред. О. Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – С. 57–58.
12. Мещерский Н. А. Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л., 1977. – Вып. 2. – С. 42–50.
13. Новгородский областной словарь / Ин-т линг. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – 1435 с.
14. Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 430 с.
15. Петровская Т. С. Межевание как способ юридического оформления земельно-распределительных отношений в России: историко-правовое исследование // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 26–32. EDN: JUVOVN.
16. Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке: В него входят статьи по всем богословским наукам, как то: I. Св. писание и библейская история и археология. II. Основное, догматическое и нравственное богословие. III. Церковная история – всеобщая и русская / Изд. под ред. проф. А. П. Лопухина. Т. 1–12. – Петрозаводск: тип. А. П. Лопухина, 1900–1911. – Т. 12: Книги символические – Константинополь. – 1911. 904 стб., 905–928 с.
17. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. – 1843. – Т. 2: III. Ипатьевская летопись. – IX, 1381 с.
18. Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., СПб.: Изд-во Ленинградского университета; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967– (продолжающееся издание).
19. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34.

20. Словарь вологодских говоров. Учеб. пособие по рус. диалектологии / Вологод. гос. пед. ин-т; ред. Т. Г. Паникаровская / [Сост. Л. Ю. Зорина и др.]. – Вологда, 1985. – Вып. 2: Д-З. – 181, [3] с.

21. Словарь русских народных говоров. – М., Л.: Наука, 1965– (продолжающееся издание).

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 5. – 392 с.

23. Словарь русского языка XVIII в. – Л.: Наука, 1984– (продолжающееся издание).

24. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. – СПб: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.

25. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). – Изд. 2-е, доп. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 381 с.

26. Судаков Г. В. История русского слова. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 360 с.

27. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века: Планировка и застройка русских городов. – Л.; М.: Гос. изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1953. – 215 с.

28. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 173 с.

Tatiana E. Lebedeva

Dynamics of the Group of Nouns With the Meaning 'Place Behind a Landmark' in the History of the Russian Language

The purpose of this study is to identify the movement of the common nouns with the prefix *za-* ('behind') and the lexical meaning 'place behind a landmark' in the period of the 15th – 21st centuries. The material is based on data from historical, dialect dictionaries of the Russian language, the Large Academic Dictionary of the Russian Language and the National Corpus of the Russian Language. Units of the lexical group are considered on different stages of its development: XV – XVII centuries, XVIII centuries, XIX centuries, XX–XXI centuries. The facts of the withdrawal of lexical units from active use and the entry of new lexemes into the group are revealed; Typical contexts of their use are determined. The movements of the analyzed lexemes from one stratum of the Russian language to another are traced, and an attempt is made to determine the extralinguistic factors that determined the historical processes in the group under study. A conclusion is made about the archaization of some lexemes in connection with the development of urban planning, the movement of a large number of lexical units into the dialect system of the Russian language in connection with the social and legal aspects of social life.

Key words: historical lexicology, spatial semantics, dialect vocabulary, lexical-semantic group.

For citation: Lebedeva, T. E. (2024) Dinamika leksicheskogo sostava gruppy imen sushchestvitel'nyh so znacheniem 'mesto za orientirov' v istorii russkogo yazyka [Dynamics of the Group of Nouns With the Meaning 'Place Behind a Landmark' in the History of the Russian Language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 118–140. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_118. EDN: RKQYDB

References

1. Alekseev, A. A. (2013) Semanticheskoe «snizhenie» kak otrazhenie social'noj struktury v russkom yazyke XVIII v. [Semantic "descension" as a reflection of social structure in Russian language of XVIII century]. *Ocherki i etyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii* [Essays on the Russian literary language]. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. Pp. 145–153. (In Russian).

2. Astahina, L. YU. (2008) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoricheskaya leksikologiya [Linguistic source study and historical lexicology]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University*. No. 1 (11). Pp. 7–17. (In Russian).
3. Balahonova, L. I. (2006) (ed.) *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic dictionary of Russian language]. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
4. Vinogradov, V. V. (1999) *Istoriya slov: Ok.1500 slov i vyrazhenij i bolee 5000 slov* [The history of the words, about 1500 words and expressions connected with them]. Moscow (In Russian).
5. Dambuev, I. A. (2017) Evolyuciya koncepcii toponima v Rossii v XVII–XIX vv. [Evolution of toponymia theory in Russia of XVII–XIX centuries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*. No. 1–2(67). Pp. 113–116. (In Russian).
6. ZHivov, V. M. (2017) *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti* [The history of the language of the Russian texts]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauki. (In Russian).
7. Kolesov, V. V. (1989) *Drevnerusskij literaturnyj yazyk* [Old Russian literary language]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
8. Kolokol'nikova, M. YU. (2010) Diskurs-analiz i korpusnyj analiz v issledovanijah v oblasti istoricheskij leksikologii [Discourse analysis and corpus analysis in research in historical lexicology]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. The New series. Philology. Journalism*. Vol. 10. No 2. Pp. 3–6. (In Russian).
9. Kostomarov, N. I. (2024) *Ocherk domashnej zhizni i npravov velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletijah* [Essay on the home life and morals of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. Moscow: YUrajt Publ. (In Russian).
10. Larin, B. A. (2003) Zametki o «Slovare obihodnogo yazyka Moskovskoj Rusi» [The Notes about the “Dictionary of the everyday language of Muscovite Rus”]. *Filologicheskoe nasledie: Sb. statej* [Philological heritage: Digest of articles]. Pp. 656–659. (In Russian).
11. Lebedeva, T. E. (2024) Strukturno-semanticheskie osobennosti prostranstvennoj leksiki s pristavkoy za- v russkijh govorah [Structural and semantic features of spatial vocabulary with prefix za- in Russian dialects]. *Tezisy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya F. P. Sorokoletova (22–24 aprelya 2024 g.)* [Abstracts of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Ph. P. Sorokoletov's birth (April, 22–24, 2024)]. St. Petersburg. Pp. 57–58. (In Russian).
12. Meshcherskij, N. A. (1977) Kriticheskie zametki po russkoj istoricheskij leksikologii [Critical notes on Russian historical lexicology]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Russian historical lexicology and lexicography]. Vol. 2. Pp. 42–50. (In Russian).
13. Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (2010) (eds.) *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
14. ZHivov, V. M. (2009) (ed.) *Ocherki istoricheskij semantiki russkogo yazyka rannego novogo vremeni* [Essays on the historical semantics of the Russian language in early modern times]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russian).
15. Petrovskaya, T. S. (2018) Mezhevanie kak sposob yuridicheskogo oformleniya zemel'no-raspredelitel'nyh otnoshenij v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie [Land surveying as a way of legal registration of land distribution relations in Russia: historical and legal research]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasian Legal Bulletin*. No. 1. Pp. 26–32. (In Russian).
16. Lopuhin, A. P. (1900–1911) (ed.) *Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya ili bogoslovskij enciklopedicheskij slovar', sodержashchij v sebe neobhodimye dlya kazhdogo svedeniya po vsem vazhnejshim predmetam bogoslovskogo znaniya v alfavitnom poryadke: V nego vkhodyat stat'i po vsem bogoslovskim naukam, kak to: I. Sv. pisanie i biblejskaya istoriya i arheologiya. II. Osnovnoe, dogmaticheskoe i npravstvennoe bogoslovie. III. Cerkovnaya istoriya – vseobshchaya i russkaya* [Orthodox Theological Encyclopedia]. St. Petersburg. (In Russian).
17. *Polnoe sobranie russkijh letopisej, izdannoe po vysochajshemu poveleniyu Arheograficheskoy komissiiyu (1843)* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 2 Ipat'evskaya chronicle]. Vol. 2: III. Ipat'evskaya letopis'. (In Russian).

18. Ivashko, L. A., Lutovinova, I. S., Tarasova, M. A. (1967-) (eds.) *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Leningrad, St. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo un-ta; Izd-vo St. Petersburg. un-ta. (In Russian).

19. Savchuk, S. O., Arhangel'skij, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, YU. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Podryadchikova, M. V. (2024) Nacional'nyj korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [National corpus of the Russian language]: 2.0: new opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaniya – Linguistic issues*. No. 2. Pp. 7–34. (In Russian).

20. Panikarovskaya, T. G. (1985) (ed.) *Slovar' vologodskih govorov. Ucheb. posobie po rus. dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vologda: VSU Publ. (In Russian).

21. Filin, F. P. (1965-) (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

22. Barhudarov, S. G. (1975) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of XI–XVII c.]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

23. Sorokin, YU. S. (1984-) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of XVIII c.]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

24. *Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk (1847)* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: v Tip. Imperatorskoj akad. nauk. (In Russian).

25. Sorokoletov, F. P. (2009) *Istoriya voennoj leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [History of military vocabulary in Russian language]. Moscow: URSS: LIBROKOM Publ. (In Russian)

26. Sudakov, G. V. (2015) *Istoriya russkogo slova* [History of Russian word]. Vologda: VoGU. (In Russian).

27. Tverskoj, L. M. (1953) *Russkoe gradostroitel'stvo do konca XVII veka: Planirovka i zastrojka russkikh gorodov* [Russian urban planning until the end of the 17th century: Planning and development of Russian cities]. Leningrad; Moscow: Gos. izd-vo lit. po str-vu i arhitekture. (In Russian).

28. Filin, F. P. (2008) *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of Russian language]. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

Об авторе

Лебедева Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой русского языка и филологического образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000–0002–2837–8385

About the Author

Lebedeva Tatiana E., Head of the Department of Russian Language and Philological Education, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000–0002–2837–8385

дата получения: 23.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 23 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

В. А. Гавриков

Лингвистическая графика у Иосифа Бродского: семантизация буквенных начертаний

В статье рассматривается семантизация буквенных начертаний в поэзии Иосифа Бродского. Утверждается, что поэт большое значение придавал формам букв, пытаясь через метафору встроить их в свою картину мира. Таким образом буквы становятся частью поэтического пространства, в котором важную роль играет геометрия. Многие предметы, объекты осознаются поэтом как встроенные в лингвистическую графику. Такое соединение бытийного и текстуального может быть признаком постмодернистской игры, в частности, отсылать к распространенному представлению о том, что «мир есть текст». Кроме того, при семантизации буквенных начертаний проявляется их связь с телесными образами. То есть лингвистическая графика Бродского связана еще и с субъектной сферой его поэзии. Формы букв могут наводить поэта и на другие ассоциации, например, литера может выступать одновременно и как буква, и как число. Собственно, стратегии освоения русской графики в поэзии Иосифа Бродского многообразны.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, лингвистическая графика, буквенные начертания, геометрия, художественное пространство, соматическая семантика, метафоризация.

Для цитирования: Гавриков В. А. Лингвистическая графика у Иосифа Бродского: семантизация буквенных начертаний // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 141–161. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_141. EDN: ECQVKW

Иосиф Бродский – сегодня чуть ли не самый изучаемый русский поэт, который, по меткому выражению М. А. Перепелкина, «необходимый ориентир и значимая величина» [11, с. 82]. Соответственно, художественный мир поэта изучен уже достаточно подробно, хотя лакун здесь всё еще немало. Одной из них мне видится семантизация буквенных начертаний в стихах поэта, его «филологическая геометрия».

Вообще у Бродского геометрическая тема и – шире – тема пространства представляется одной из ключевых. Да и в целом для любого человека основой картины мира является его локативная сторона: «Одним из важнейших элементов в построении художественной модели мира является пространство, выражающее как коллективные представления, так и индивидуальную проекцию мира» [6, с. 226]. Кроме того, нужно четко осознавать, что художественное пространство и реальное находятся в очень сложных отношениях, они могут соотноситься, но никак не отождествляться. Более того, художественное пространство «не ограничивается физическими объектами: пространство может расширяться за счёт фантазий, снов, воспоминаний» [17, с. 67].

К сожалению, в небольшом исследовании, каковым является научная статья, нет возможности не то что исчерпать эту тему, но, вероятно, даже очертить её границы. И тем не менее сказать о некоторых аспектах пространственности в поэзии Бродского мне всё-таки хочется, в первую очередь потому, что в моем сознании именно Бродский видится главным геометром русской поэзии. Хотя, это, конечно, интуитивное предположение: геометрии хватает и у его предшественников – вспомнить хотя бы Пастернака («и как предмет сечёт предмет» – цитата, взятая наудачу).

Существует уже некоторая научная традиция исследования пространственных особенностей в поэзии Бродского, в частности, ее «геометризация». Вот что, например, на интересную нам тему говорит Г. Миропольский: «Эвклиду повезло у Бродского чуть раньше, чем Лобачевскому. Он впервые упоминается в стихотворении предположительно 1968 года “Памяти Т. Б.” (“Пока не увяли цветы и лента”), а Лобачевский впервые – только спустя год, в “Конце прекрасной эпохи”, в декабре 1969. Из этого факта запаздывания Лобачевского на геометрический поезд не следует ровным счётом ничего, но судя по обилию каббалистической литературы о пространственных интуициях и метафорах Бродского, могло бы значить многое, если не всё»¹.

¹ Миропольский Г. О развитии поэтики Бродского с припопом // Топос: литературно-философский журнал 28/07/2015. Электронный ресурс. URL: <https://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/ozrazvitiy-poetiki-brodskogo-s-pritopom> (дата обращения: 01.03.2024).

Не знаю, как насчёт каббалистической литературы, а вот в научной литературе темы «Бродский и геометрия» (особенно интересная мне «подтема» «Бродский и литературная геометрия»), «Бродский и лингвистическая графика» отнюдь не популярны. Да и вообще пространству, судя по всему, уделено не так много внимания – лишь несколько статей и один автореферат мне удалось отыскать в РИНЦе, просмотрев примерно полтысячи научных исследований, посвящённых творчеству Бродского [14–15]¹. При этом время в разных его ипостасях встречается в исследованиях относительно часто, гораздо чаще локативности.

Если говорить в целом, то нередко в статьях рассматривается отражение истории и географии (тут, кажется, превалируют Италия и античность); разным аспектам англоязычного (эмигрантского) наследия поэта тоже отдана дань. Нередко изучаются литературные связи (в основном, с русской классикой: Достоевский, Пушкин, Чехов, Гоголь...). Довольно популярен такой жанр научной статьи, как анализ конкретного стихотворения, реже речь идёт о цикле. Ну и периодически в фокус исследователей попадают всяческие мотивы, образы, концепты... Во всём этом массиве отыскалась одна относительно геометрическая статья: построчные комментарии к стихотворению «Архитектура», которое также касается геометрии пространства [13]. И всё же, мне кажется, что это очень мало, и тема заслуживает большего внимания.

Зато в одной из статей нашлось интересное распределение научных лексем Бродского по отраслям знания: «Классифицируя лексику по тематике, мы выделили следующие области научных знаний: анатомия (118), математика (113), медицина (112), литература (56), лингвистика (53), химия (49), физика (47), биология (44), религия (38), политология (33), социология (27), география (24), астрофизика (24), морское дело (20), психология (13), экономика (11).

Каждая область знаний в свою очередь включает определённые науки. Область математики является одной из самых обширных, она включает в себя 113 словоформ, которые соотносятся с составляющими её науками: алгебры (33 слово-

¹ Халимбекова М. С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «Остановка в пустыне»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 26 с.

формы) и геометрией (78 словоформ)» [5, с. 137]. Насколько я смог установить, слово «геометрия» в стихах Бродского появляется 8 раз (как минимум), «математика» дважды, «химия» – трижды. А вот «алгебру», «анатомию», «лингвистику» я вообще не нашёл. И это тоже показательно!

Итак, согласно приведённому выше исследованию, у Бродского геометрия более чем в 2 раза опережает алгебру, что, наверное, не так удивительно. А удивительно другое: серьёзно от геометрии отстают литература и лингвистика! Любопытно и лидерство анатомии: можно сказать, что это наука об архитектуре человеческого тела, поэтому вместе с алгебро-геометрической математикой они составляют показательный дуумвират, который, как мне кажется, многое проясняет в поэтике и эстетике Иосифа Бродского.

Результаты

Обратимся к текстам. Понятно, что тема «Бродский и геометрия» могла бы стать как минимум кандидатской – материала много. Здесь я укажу лишь на некоторые тенденции, которые показались мне интересными и показательными – в разрезе литерно-геометрической, то есть буквенно-пространственной поэтики Бродского.

Начну с того, что поэту была свойственна синестезия, то есть смесь разных чувств и полисемия художественного высказывания: «Игра прямым и метафорическим значением слова придает двусмысленный, неочевидный характер поэтическому высказыванию и порождает веер ассоциаций, направляющих параллельные ряды интерпретаций» [1, с. 158]. Более того, его поэтический мир удивительно пластичен, я бы даже сказал мифологичен – всё здесь обращается во всё: звук – в тело, субстанции – в предметы, а геометрические фигуры – в плоть существования. Перед нами постоянное уплотнение и разуплотнение, изоморфизм, текучесть, взаимопроникновение всего, что названо словами. Эти же тенденции можно увидеть и при рассмотрении интересующей нас темы. Кроме того, взгляд Бродского, если так можно выразиться, философичен, обращен к самым широким контекстам: «Бродский выносит всю пространственную конкретику стиха в масштабные плоскости, связанные с устройством мироздания» [10, с. 172].

Форма букв для Бродского значима – их геометрические нюансы вызывают к далеко идущим ассоциациям. В какой-то степени здесь срабатывает сакраментальная постмодернистская (да и не только постмодернистская) формула «мир есть текст». Например: «Сад густ, как тесно набранное “Ж”» («Гуернавака»). Начертание буквы и густые ветки кажутся поэту чем-то похожим. Тот же ход встречается в стихотворении «Келломайки»:

Мелкие, плоские волны моря на букву «б»,
сильно схожие издали с мыслями о себе,
набегали извилинами на пустынный пляж
и смерзались в морщины¹.

Действительно, строчная буква «б» имеет – прямо по Бродскому – волнообразную крышечку. Наверное, именно этот верхний завиток и напомнил поэту волну (то есть здесь «б» – вероятно, рукописная). Интересно, что метафора Бродского продолжается: «б» оборачивается извилинами (сразу появляются ассоциации с мозгом, мыслями...), а потом морщинами. Последние, в соединении с извилинами, делают образ соматическим, антопоморфным. В Библии сказано: «лицо земли», не к нему ли через эти морщины апеллирует Бродский? В любом случае, всё здесь геометризовано: мысль, звук, буква становятся частью пространства, воплощаются в нём. Традиционная антитеза звука и буквы как бы снимается Бродским, в этом можно увидеть отмеченную уже исследователями особенность поэта, связанную со «снятием» противопоставлений: «Нарочитая антитетичность явлений оказывается редуцирована их общим признаком, актуализированным в кумулятивной цепи» [2, с. 325]

Еще раз появляется буква «б» в стихотворении «Новая жизнь»:

Люди выходят из комнат, где стулья как буква «б»
или как мягкий знак, спасают от головокруженья.

¹ Тексты здесь и далее цитируются по источнику: Библиотека русской поэзии. Русские стихи. Иосиф Бродский. Электронный ресурс. URL: <https://libverse.ru/brodskii/list.html> (дата обращения: 10.05.2024).

Здесь уже «Б», видимо, состоит из прямых линий и перпендикуляров: оно – не волны, а стул. На мой вкус – так всё-таки «ч» есть стул, правда перевёрнутый, но у поэта другие ассоциации.

Другой пример:

В облике буквы «в»
явно даёт гастроль
восьмёрка – родная дочь
бесконечности, столь
свойственной синеве,
склянке чернил и проч.
(«Моллюск»)

Здесь помимо очевидных графических ассоциаций, есть и ещё один мостик между абстракцией и вещественностью: поставленные в один ряд небо и склянка чернил (последнее – парафраз поэзии), то есть перед нами своеобразное пространственное противопоставление, связанное с онтологической осью, что отмечает Т. В. Мальцева: «Образы земли и неба как универсальная антитеза, противопоставляющая юдольный и горный мир, жизнь и смерть, дух и плоть, мечту и реальность, вечность бытия и конечность человеческой жизни, – один из излюбленных мотивов в русской поэзии» [9, с. 136].

Мысль Бродского ясна: вечное небо – вечная поэзия соединены на уровне визуального образа: двух сцепленных кругов (овалов). Чернильница, конечно, может быть и квадратной, но всё же округлые её формы кажутся более привычными. И небо ведь тоже, по сути, кругло, если озирать его сразу во все стороны – в «формате» кругозора.

В приведённом выше фрагменте «в» оказалось транзитом из слова «волна»:

Определение волны
заклучено в самом
слове «волна». Оно,
отмеченное клеймом
взгляда со стороны,
им не закабалено.

Вероятно, Бродский в этих двух шестистишиях пытается намекать на другие «в-образные» слова: бесконечность притягивает вечность, «не закабалено» – слово «воля»...

Есть у Бродского и смешение алфавита с геометрией и алгеброй:

«Который час?» «Да около ноля».
«О, это поздно». «Не имея вкуса
к цифири, я скажу тебе, что для
меня все «о» – предшественницы плюса».
«Ну, дали мои губы кругаля...
То ж следствие зевоты и прикуса.
Чего ты добиваешься, валя
все в кучу?» «Недоступности Эльбруса».
«А соразмерной впадины Земля
не создала?» «Отпраздновала труса».
(«Горбунов и Горчаков»)

Ноль это по начертанию то же, что и «о». В этой связи двусмысленна фраза: «О, это поздно». Которую можно было бы представить и так: «О – это поздно» (эквивалент: «Ноль – это поздно»). Дальше геометрическая метафора разрастается: подключается открытый рот, зевота. Потом эти не то ноль, не то «о» превращаются в провал – в невысказанном слове «рот» («губы кругаля») актуализируется уже не овальность, а глубина. Затем провал меняет свой масштаб, приобретает форму Эльбруса, только вдавленного в субстрат. Ролевой герой Бродского здесь намекает на то, что высота Эльбруса – несколько тысяч метров, а самая глубокая впадина на суше измеряется сотнями метров. Правда, в море есть Марианская впадина...

В «Письмах династии Минь» округлые «о» и ноль снова взаимодействуют:

Дорога в тысячу ли начинается с одного
шага, – гласит пословица. Жалко, что от него
не зависит дорога обратно, превосходящая многократно
тысячу ли. Особенно отсчитывая от «о».
Одна ли тысяча ли, две ли тысячи ли –
тысяча означает, что ты сейчас вдали...

Через числительные Бродский актуализирует соотношение значка «о» с нолём, а через рифму – с буквой. Но отсчёт ведь может вестись не только от ноля, чаще всего считают, начиная с единицы. Поэтому «о» здесь может быть и первой буквой слова «один».

Есть в микроконтексте и ещё один интересный маркер: «дорога обратно», то есть путь перед нами закольцованный. А ноль и «о» похожи на круг. Кстати, появляющаяся здесь тысяча – тоже число, если так можно выразиться, циклическое, иногда обозначающее полноту времён. Так, некоторые толкователи фразы: «тысячелетнее царство праведников» (Откровение Иоанна Богослова) считают, что эта тысяча – время до Второго пришествия или вообще пакибытие (бесконечный постапокалиптический новый век). В первом случае перед нами полнота времён, во втором – вечность, которая наступит после Второго пришествия. Понятно, что у Бродского тема китайская, но, на самом деле, рассмотренные представления вполне универсальны: тысяча – символическое число во многих культурах.

Геометризация пространства через геометрию литер наблюдается и в стихотворении «Мы вышли с почты прямо на канал...», приведу его полностью:

Мы вышли с почты прямо на канал,
 который начал с облаком сливаться
 и сверху букву «п» напоминал.
 И здесь мы с ним решили расставаться.

Мы попрощались. Мелко семена,
 он уходил вечернею порою.
 Он быстро уменьшался для меня
 как будто раньше вчетверо, чем втрое.

Конечно, что-то было впереди.
 Что именно – нам было неизвестно.
 Для тех, кто ждал его в конце пути,
 он так же увеличивался резко.

Настал момент, когда он заслонил
 пустой канал с деревьями и почту,

когда он все собой заполонил.
Одновременно превратившись в точку.

Это стихотворение – своеобразная квинтэссенция литературной геометризации Бродского, где сцеплены: буквы, числа, пространство и телесность. Тон всему стихотворению задаёт первый катрен, в котором мир предстаёт в качестве текста, а значит, всё происходящее далее может рассматриваться и как происходящее в литературном пространстве – как художественное событие. Такая онтологизация творческого процесса, по сути, есть игра в метатексты: реально происходящее не только воспринимается как текст, но и оборачивается текстом («сверху букву “п” напоминал»), а потом и становится им – уже в формате стихотворения.

Обратим внимание на завершающий пуант: лирический «он», заполнив всё, превращается в точку. Что значит этот парадокс? Если посмотреть на него через призму всего сказанного, то точка здесь может отозваться не только визуальным, но и графическим (пунктуационным) своим смыслом. А если так, то это точка – в конце произведения (собственно, после слова «точка» следует точка, которая и есть конец данного стихотворения). Перед нами снова игра на стыке текста и метатекста, метапоэтика, пытающаяся включить в сферу своих рефлексий саму реальность. Получается, что геометрия пространства есть геометрия буквенного начертания, а через это соотношение – геометрия смысла, а значит мир – тоже текст. Это вполне соотносится с «диктатом языка» – важной поэтологической мыслью Бродского: «Творчество открыто не объявляется высшей ценностью или спасением, но становится неизбежной формой жизни; это укладывается в концепцию лингвоцентризма Бродского, который считал, что поэт является инструментом языка, а не наоборот» [12, с. 97].

Есть здесь и изоморфизм соматического и графического: лирический «он» стал точкой, то есть тело превратилось в знак пунктуации. Ассоциативно вспоминается стихотворение «То не Муза воды набирает в рот»:

Навсегда расстаёмся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.

Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него – и потом сотри.

Но о соматизации геометрических форм – немного позже. А пока же отмечу, что геометризиться у Бродского могут не только буквы, но и звук:

Для бездомного торса и праздных граблей
ничего нет ближе, чем вид развалин.
Да и они в ломаном «р» еврея
узнают себя тоже; только слюнным раствором
и скрепляешь осколки, покамест Время
варварским взглядом обводит форум.
(«Римские элегии»)

Пред нами интересная метафора: развалины и ломаный «р» сцепляются за счёт семы «поломка», «ущерб». Эту метафору Бродский в свойственном ему стиле развивает – «архитектурно-артикуляционная» тематика продолжается в семантически двоящейся фразе: «слюнным раствором и скрепляешь осколки». Перед нами одновременно и речь, поэзия, литература – в их скрепляющем (горацианском – «*exegi monumentum*») смысле, и державинско-архитектурные ассоциации, в которые вплетены «форум», «раствор» (цементный), «осколки» (сооружений). Проще говоря, время, как и варвары, ничего не жалеет, и «вечности жерла» никто не убежит. Отсюда и обозначенный в заголовке произведения жанр элегии, который также апеллирует к глубокой литературной традиции; как отмечает Л. Г. Кихней: «Художник, создавая произведение искусства, сознательно или бессознательно принимает во внимание жанровый опыт (канон), сформированный в предшествующую литературную и долитературную эпоху» [4, с. 93].

Нельзя здесь также не обратиться к графико-визуальной составляющей образа. Возможно, на сему «поломка», «излом» Бродского также натолкнула форма буквы «р», представляющая собой нечто переломанное посередине, один конец остался прямым, второй – закруглили.

А в следующем примере «безбуквие» пространства рождает у лирического созерцателя звуковые и литерные ассоциации:

Часы – их нет. И жёлтый портик взят
в простор небес – когда? – не вспомнить часа.
Лишь две дуги карнизов тут скользят,
как буквы «С», слетев со слова «касса».
Исчезло все, но главный зимний звук
нашёл себе (пускай безмолвный) выход.
Ни буквы нет на сотню вёрст вокруг.
Но что сильнее – сильней, чем страсть и прихоть?
Но все молчит, но все молчит, молчит.
И в самой кассе здесь не видно света,
весь мир исчез, и лишь метель стучит,
как поздний гость, в окно и в дверь буфета.
(«Пришла зима, и все, кто мог лететь...»)

И снова перед нами – на сей раз в намёке – математическая семантика, связанная с литерной геометризацией пространства. Ключевое слово здесь – «касса»: место, где считают. Возможно, с геометрией (то есть с визуальным) здесь стыкуется слуховое: по контексту понятно, что именно «с» – «главный зимний звук». А что это может быть, как не свист (в этом слове – тоже две «с»!) ветра? Ведь это именно он гонит метель, именно он нарушает всеобщее безмолвие своим – правда, не свистом – стуком.

Литерно-пространственную тематику можно продолжить, обратившись к теме пути:

Там хмурые леса стоят в своей рванине.
Уйдя из точки «А», там поезд на равнине
стремится в точку «Б». Которой нет в помине.
(«Пятая годовщина»)

Алфавит не даст позабыть тебе
цель твоего путешествия – точку «Б».
(«Квинтет»)

Движение как детская задача из учебника – ход, как мне кажется, мандельштамовский: вспомним его стихотворение «Мы с тобою поедем на “А” и на “Б”...». У Бродского здесь снова понятие из геометрии, но на сей раз – отрезок (пути), который в первом примере имплицитно превращается в луч, ведь точки «Б» «нет в помине».

Разумеется, литературная геометрия не может не вызвать ассоциаций с человеческим телом. Его особенности часто являются поводом для метафоризации, причем это происходит даже в обыденной реальности: как показывает специальное исследование, почти всегда за иным названием человека, отражающим характеристики его облика, стоит метафорическая операция: «Таковыми символами-метафорами являются прозвища, которые отображают облик или характер человека иносказательно, путем сравнения его с каким-то другим предметом, объектом, явлением» [7, с. 137]

Соматический аспект литературной геометризации у Бродского – один из самых разнообразных:

...В декабрьском низком
небе громада яйца, снесенного Брунеллески,
вызывает слезу в зрачке, наторевшем в блеске
куполов. Полицейский на перекрестке
машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни
вверх; репродукторы лают о дороговизне.
О, неизбежность «ы» в правописаньи «жизни»!
(«Декабрь во Флоренции»)

«Ы» – в «жизни» есть примета неправильности мира. Значит, и перечисленное выше – тоже неправильно (и громада яйца, и ставший буквой «ж» полицейский, и уж конечно – дороговизна). Возможно, полицейский «неверен» именно геометрией своих движений, а не выполняемой функцией. В таком случае, перед нами снова смесь математики (дороговизна), буквы и шире – «миротекста», звука («репродукторы лают»), а также геометрии. Кстати, здесь есть и ещё одна – буквенно-звуковая – неправильность: это слово «перекрестке»: за счёт рифмы с «блеске» здесь актуализируется «е» вместо привычного «ё». А уж это, в свою очередь, высвобождает из «пе-

рекрёстка» затёртую в иных случаях внутреннюю форму, отсылающую к этимону «крест». Тот, с одной стороны, геометричен, с другой, составляет с куполами смысловое единство. Да и фигура «ж» что-то имеет от креста.

Та же буква «ж» геометризуется в «Эклоге 5-й (летней)», только здесь подключается ещё и звук, издаваемый пойманным насекомым:

...Жужжанье мухи,
увязшей в липучке, – не голос муки,
но попытка автопортрета в звуке
«ж». Подобие алфавита,
тело есть знак размноженья вида
за горизонт.

Ну и опять перед нами соматическая семантика, на сей раз данная эксплицитно. Ассоциативно последние строки фрагмента связываются у меня со стихотворением «Мы вышли с почты прямо на канал...»: снова точка (а муха ведь тоже, по большому счёту, точка) разрастается до вселенских масштабов. Играет Бродский и с полисемией: «размноженья вида» это одновременно и «умножение мух», и расширение кругозора, где «вид» есть «перспектива». Имплицитно здесь появляется и прямоугольник (квадрат): «ж» вписан в портрет.

Другой пример:

Человек превращается в шорох пера на бумаге, в кольцо
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки. Только подумать, сколько
раз, обнаружив «м» в заурядном слове,
перо спотыкалось и выводило брови!
То есть, чернила честнее крови,
и лицо в потёмках, словами наружу – благо
так куда быстрее просыхает влага –
смеётся, как скомканная бумага.
(«Декабрь во Флоренции»)

Этот фрагмент – апогей литературно-геометрической соматизации (в первую очередь – «фиогномизации») у Бродского.

Многие моменты здесь даны наглядно и не требуют комментария, укажу лишь на некоторые скрытые смыслы, которые мне представляются интересными. Первое – это семантика преткновения. Вчитаемся во фрагмент: «Человек превращается ... потому что скользко, / в запятые и точки». Бродский извлекает из нашей памяти слово «препинание», которое созвучно «препоне»: то есть «запинаться» и «запятая» есть нечто соотносимое. К тому же точки и запятые как бы препятствуют плавному течению речи.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, это изоморфизм тела, звука и литерной геометрии. Речь идёт не только о превращении тела (лица) в букву, но и в нефонетический (неартикуляционный) звук: «Человек превращается в шорох пера на бумаге».

Вот ещё один телесный образ:

На пустой голове бриз шевелит ботву,
и улица вдалеке сужается в букву «У»,
как лицо к подбородку...
(«Всегда остаётся возможность выйти из дому на...»)

Голова есть земля, значит, тело и мир – изоморфны. Поэтому-то и улица становится лицом (подбородком) и, уходя вдаль, теряет четыре из пяти своих букв: «у-лица», сужаясь до буквы «У». А «У» есть ещё и визуальный знак развилки (У).

Обратим внимание на потенциальную паронимическую аттракцию: «улица – у лица», которая актуализирует не только буквенно-звуковую семантику «у», но и соотносит его с предлогом. И тут уже трудно отказаться от ассоциаций с Маяковским: «У – / лица. / Лица / у / догов / годов / рез – / че...».

Но не только буква превращается в тело, но и наоборот тело-буква может у Бродского становиться чем-то вещественным, неживым:

...смех
громко скрипел, оставляя следы, как снег,
опушавший изморозью, точно хвою, края
местоимений и превращавший «я»
в кристалл, отливавший твёрдую бирюзой,

но таявший после твоей слезой.
(«Келломяки»)

Следующий пример отчётливо синестезиен:

Цветы с их с ума сводящим принципом очертаний,
придающие воздуху за стеклом помятый
вид, с воспалённым «А», выглядящим то гортанней,
то шепелявей, то просто выкрашенным помадой,
– цветы, что хватают вас за душу то жадно и откровенно,
то как блёклые губы, шепчущие «наверно».
(«Цветы»)

Обратим внимание, что в развернутой метафоре сопоставляются цветы и воздух, в чье сопоставление и добавляется «воспаленный “А”», который таким образом вписывается в две стихии: земную и небесную.

Наконец, центральный литературно-геометрический текст Бродского, аккумулирующий практически все указанные выше тенденции, это «Исаак и Авраам»:

Земля блестит, и пышный куст над ней
возносится пред ним во тьму все выше.
Что ж «С» и «Т» – а КУст пронзает хмарь.
Что ж «С» и «Т» – все ветви рвутся в танец.
Но вот он понял: «Т» – алтарь, алтарь,
А «С» лежит на нем, как в путях агнец.
Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т.
Порывы ветра резко ветви кренят
во все концы, но встреча им в кресте,
где буква «Т» все пять одна заменит.
Не только «С» придётся там уснуть,
не только «У» делиться после снами.
Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» – а тотчас КРЕСТ пред нами.
(«Исаак и Авраам»)

КУ – торчат как ветки куста. Строгий симметричный Т – есть алтарь и одновременно крест (а тот повторяет очертания

распятого тела), С – лежащий крючком связанный Исаак. По одному из христианских толкований этого эпизода, как Авраам отдал агнца-Исаака на заклание (то есть на «заколение») для Бога, так и Бог-Отец отдал Сына на распятие. Поэтому появляющийся здесь крест – очень смыслоёмкий образ. Да и созвучие крест-куст, видимо, использовано Бродским неспроста... А есть ведь ещё неопалимая купина, которая тоже мелькает где-то в подтекстах:

Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.
 В нем сами буквы больше слова, шире.
 «К» с веткой схоже, «У» – ещё сильней.
 Лишь «С» и «Т» в другом каком-то мире.
 У ветки «К» отростков только два,
 а ветка «У» – всего с одним суставом.
 («Исаак и Авраам»)

Обратим внимание на то, что в кусте «сами буквы больше слова, шире». Некогда из неопалимой купины звучали слова, причём слова Бога, в этом смысле, они – больше, чем слова. Не на это ли намекает Бродский?

Важен здесь не только тот факт, что поэт обращается к религиозной семантике, но и то, что он её иначе актуализирует, чуть ли не реинтерпретирует, что может быть соотносено с практиками постмодернизма: стихотворение написано в 1963 году, и Бродский здесь как бы предвосхищает развитие этого течения: «Светская и религиозная семантика трансцендентного в классических изводах (“ничто” и “Бог”) в эпоху позднего постмодернизма переживает закономерный этап индивидуально-авторского переосмысления» [8, с. 192].

Соединение русской (причем книжной!) и еврейской традиций создает впечатление игры с сакральным претекстом. В нижеследующем отрывке представлен изоморфизм букв, звуков, цифр, математических знаков, геометрических фигур, где русская графика также участвует в смыслообразовании:

По-русски Исаак теряет звук.
 Зато приобретает массу качеств,
 которые за «букву вместо двух»

оплачивают втрое, в буквах прячась.
По-русски «И» – всего простой союз,
который числа действий в речи множит
(похожий в математике на плюс),
однако, он не знает, кто их сложит.
(Но суммы нам не вложено в уста.
Для этого: на свете нету звука).
Что значит «С», мы знаем из КУСТА:
«С» – это жертва, связанная туго.
А буква «А» – среди этих букв старик,
союз, чтоб между слов был звук отдельный.
По существу же, – это страшный крик,
младенческий, прискорбный, вой смертельный.
И если сдвоить, строить: ААА,
сложить бы воедино эти звуки,
которые должны делить слова,
то в сумме будет вопль страшной муки:
«Объяло пламя все суставы «К»
и к одинокой «А» стремится прямо».
Но не вздымает нож ничья рука,
чтоб кончить муку, нет вблизи Абрама.
Пол-имени ещё в устах торчит.
Другую половину пламя прячет.

Обратим внимание, что «А» у Бродского – это и крик рождения, и смертный крик, то есть не только первая буква, но некое завершение бытия. В принципе, последняя буква русского алфавита тоже содержит звук «а», не отсюда ли эта строка: «младенческий, прискорбный, вой смертельный»? Как отмечают исследователи, «будучи от природы не слишком здоровым человеком, Бродский жил в постоянном предчувствии смерти. Стоит ли удивляться, что в первую очередь среди философов его интересовали именно экзистенциалисты, которые аккумулировали и развивали идеи о смерти» [16, с. 41].

Обсуждение и выводы

Итак, Бродский геометричен даже в буквах! Если литеры и встречаются в его стихах, то, как правило, поэт не забывает об их начертании. Нередко буквы соматизируются и спациа-

лизуются (то есть «опространствуются»), оборачиваясь телом, лицом, зданием, улицей... Мы рассматривали произведения разных лет, написанные в разных жанрах и по разным поводам. Тем не менее, видно, что ключевые «геометрические операции» Бродского повторяются от года к году, что говорит о единстве метода – как минимум в сфере лингвистической графики у Бродского. И это ещё один довод в пользу того, что поэтика Бродского является неким сверхъединством, о чем уже сказано в исследованиях: «Как блестяще одаренный стихотворец, почти мгновенно освоивший “риторическую” составляющую поэзии, Бродский на протяжении творческой жизни многократно сам – в стихах, в эссе, в интервью – формулировал все основные законы своего художественного мироздания, поражающего внутренним единством» [3, с. 140].

Однако всё сказанное здесь есть лишь один из нюансов такой большой темы, как геометрия у Бродского. Его стихи наполняют бессчётные скопления разных геометрических форм, линий, точек, и шире – математических образов, метафор, лексем... Такое ощущение, что поэзия Бродского ближе к точным наукам, чем к гуманитарным. Хотя, конечно, эта гипотеза требует серьёзной проработки.

Важно, что внешний вид литер запускает в сознании поэта ассоциативные процессы, которые, пройдя через метафоризацию, формируют особую пространственную оптику Бродского. В ней, как в классическом мифе, всё может обратиться во всё: абстракция приобрести телесность, вещь оказаться буквой, изоморфными могут быть схожие литеры, цифры, иконические знаки... Художественное пространство Бродского наполнено разными визуальными проявлениями текстуальности, проще говоря, в вещах, объектах, даже явлениях он видит Текст мира. Что согласуется с распространённой в постмодернистских штудиях концепцией «Мир как текст». Её можно было бы увязать с евангельским «В начале было Слово», с логосом Гераклита, с Дао и т. д. Но такое исследование выходит за рамки наших задач, хотя оно и представляется весьма перспективным в контексте литературной геометрии Бродского, да и в целом – в контексте изучения его хронотопа.

Список литературы

1. Автухович Т. Е. Советский дискурс в лирике Иосифа Бродского: визуальный аспект // Труды Русской антропологической школы. – 2012. – № 11. – С. 156–169.
2. Бокарев А. С. Приципи кумуляции в образной структуре лирики Леонида Аронсона и Иосифа Бродского // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 315–341.
3. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. «За душой, как ни шарь, ни черта»: сюжет веры и его «программное» опустошение в поэзии И. Бродского // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 136–147.
4. Кихней Л. Г. Литературный жанр, жанровый канон и жанровая изотопия (к проблеме жанровой идентификации) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы IV Международной научно-практической конф. – М., Пенза, 2018. – С. 390–397.
5. Колистратова А. И. Наука в поэзии Иосифа Бродского // Смоленский филологический сборник. – 2016. – № 8. – С. 135–149.
6. Курачев Д. Г., Курачева Л. Г. Символика пространства в сказках дошкольников // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований. Сборник трудов Международной научно-практической конф. «XV Левитовские чтения». – М., 2020. – С. 226–229.
7. Курачев Д. Г., Курачева Л. Г. Социально-психологическая функция метафоры // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Брянск, 2021. – С. 137–140.
8. Локтевич Е. В. Экзистенциализм нуарного хронотопа в песенной поэзии Эма Калинина // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре. – Гродно, 2021. – С. 192–205.
9. Мальцева Т. В. Антигеа земли и неба в русской поэзии // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XIX Международной научной конференции. – СПб., 2014. – С. 136–140.
10. Меркушов С. Ф. «Мечта» об эмиграции, репрезентируемая в хронотопе (Иосиф Бродский и Сергей Довлатов) // Вестник Московского Международного Университета. – 2024. – № 1 (1). – С. 167–173.
11. Перепелкин М. А. Об одной «ошибке» Нобелевского комитета (Венедикт Ерофеев об Иосифе Бродском) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 4. – С. 80–83.
12. Пушкарева Ю. Е. Перевод реального чувства в текст как сюжет стихотворения Иосифа Бродского «Колыбельная трескового мыса» // Амурский научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 94–98.
13. Раппопорт А., Лидин К., Багина Е. Комментарии к стихотворению Иосифа Бродского «Архитектура» // Проект Байкал. – 2016. – Т. 13. – № 50. – С. 30–33.
14. Степанов А. Г. Организация художественного пространства в «Сретеньи» И. Бродского // Литературный текст: проблемы и методы исследования: Сб. науч. тр. – Тверь, 1997. – С. 136–144.
15. Ужанцев В. А. Поэт Бродский в субстанциональном поствремени и постпространстве // Образование. Наука. Культура. III Международная научно-практическая конференция, сборник трудов конференции. – М., 2011. – С. 402–405.
16. Федотов О. И., Феофанова В. С. Экзистенциальный мотив смерти в холостых сонетах Иосифа Бродского 1961–1962 годов // Acta Eruditorum. – 2023. – № 44. – С. 40–44.
17. Шерчалова Е. В. Пространственные дихотомии и лабиринт в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 65–74.

Vitaliy A. Gavrikov

Linguistic Graphics by Joseph Brodsky: Semantization of Letter Styles

The article examines the semantization of letter styles in the poetry of Joseph Brodsky. The poet attached great importance to the shapes of letters. He tried to integrate them into his picture of the world through metaphors. Thus, the letters are part of the poetic space, which is built according to the laws of geometry. Brodsky describes things and objects "in the language" of letter styles. The combination of ontological and textual is a sign of a postmodern game. Brodsky apparently refers to the postmodern metaphor "the world is a text." In addition, when semantizing letter styles, it is associated with bodily images. That is, the forms of the letter in Brodsky's poetry are associated with the subjective sphere, with the lyrical hero. The strategies for using Russian linguistic graphics in the poetry of Joseph Brodsky are diverse.

Key words: Joseph Brodsky, linguistic graphics, letterforms, geometry, artistic space, somatic semantics, metaphorization.

For citation: Gavrikov, V. A. (2024) Lingvisticheskaya grafika u Iosifa Brodskogo: semantizaciya bukvennyh nachertanij [Linguistic Graphics by Joseph Brodsky: Semantization of Letter Styles]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 141–161. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_141. EDN: ECQVKW

References

1. Avtuhovich, T. E. (2012) Sovetskij diskurs v lirike Iosifa Brodskogo: vizual'nyj aspekt [Soviet discourse in the lyrics of Joseph Brodsky: visual aspect]. *Trudy Russkoj antropologicheskoy shkoly – Proceedings of the Russian Anthropological School*. No. 11. Pp. 156–169. (In Russian).
2. Bokarev, A. S. (2020) Princip kumulyacii v obraznoj strukture liriki Leonida Aronzona i Iosifa Brodskogo [The principle of cumulation in the figurative structure of the lyrics of Leonid Aronson and Joseph Brodsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki – Problems of historical poetics*. Vol. 18. No. 1. Pp. 315–341. (In Russian).
3. Ivanov, D. I., Lakerbaj, D. L. (2019) "Za dushoj, kak ni shar, ni cherta": syuzhet very i ego "programmnoe" opustoshenie v poezii I. Brodskogo ["Behind the soul, no matter how hard it is": the plot of faith and its "programmatic" devastation in the poetry of I. Brodsky]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 2. Pp. 136–147. (In Russian).
4. Kihnej, L. G. (2018) Literaturnyj zhanr, zhanrovyj kanon i zhanrovaya izotopiya (k probleme zhanrovoy identifikacii) [Literary genre, genre canon and genre isotopy (to the problem of genre identification)]. *Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere* [Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere]. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, Penza. Pp. 390–397. (In Russian).
5. Kolistratova, A. I. (2016) Nauka v poezii Iosifa Brodskogo [Science in the poetry of Joseph Brodsky]. *Smolenskij filologicheskij sbornik – Smolensk philological collection*. No. 8. Pp. 135–149. (In Russian).
6. Kurachev, D. G., Kuracheva, L. G. (2020) Simvolika prostranstva v skazkah doskol'nikov [Symbolism of space in fairy tales of preschoolers]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psihologicheskij, psihologo-pedagogicheskij i pedagogicheskij issledovanij* [Current problems of the theory and practice of psychological, psychological, pedagogical and pedagogical research]. Collection of proceedings of the International Scientific and Practical Conference "XV Levitov Readings". Moscow. Pp. 226–229. (In Russian).
7. Kurachev, D. G., Kuracheva, L. G. (2021) Social'no-psihologicheskaya funkciya metafory [Social-psychological function of metaphor]. *Social'no-psihologicheskie vyzovy sovremennogo obshchestva. Problemy. Perspektivy. Puti razvitiya* [Social-psychological challenges of modern society. Problems. Prospects. Development ways]. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. Bryansk. Pp. 137–140. (In Russian).
8. Loktevich, E. V. (2021) Ekzistencializm nuarnogo hronotopa v pesennoj poezii Ema Kalinina [Existentialism of the noir chronotope in the song poetry of Em Kalinin]. *Norma i otklonenie v literature, yazyke i kul'ture* [Norm and deviation in literature, language and culture]. Grodno. Pp. 192–205. (In Russian).
9. Mal'ceva, T. V. (2014) Antiteza zemli i neba v russkoj poezii [Antithesis of earth and sky in Russian poetry]. *Pushkinskie chteniya-2014. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoj literatury: zhanr, avtor,*

tekst [Pushkin Readings-2014. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XIX International Scientific Conference. St. Petersburg. Pp. 136-140. (In Russian).

10. Merkuhov, S. F. (2024) "Mechta" ob emigracii, reprezentiruemaya v hronotope (Iosif Brodskij i Sergej Dovolotov) ["Dream" of emigration, represented in the chronotope (Joseph Brodsky and Sergei Dovolotov)]. *Vestnik Moskovskogo Mezhdunarodnogo Universiteta – Bulletin of the Moscow International University*. No. 1 (1). Pp. 167-173. (In Russian).

11. Perepelkin, M. A. (2016) Ob odnoj "oshibke" nobelevskogo komiteta (Venedikt Erofeev ob Iosife Brodskom) [About one "mistake" of the Nobel committee (Venedikt Erofeev about Joseph Brodsky)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. No. 4. Pp. 80-83. (In Russian).

12. Pushkareva, Yu. E. (2017) Perевod real'nogo chuvstva v tekst kak syuzhet stihovoreniya Iosifa Brodskogo "Kolybel'naya treskovogo mysa" [Translation of real feelings into text as the plot of Joseph Brodsky's poem "Lullaby of the Cod Cape"]. *Amurskij nauchnyj vestnik – Amur Scientific Bulletin*. No. 3. Pp. 94-98. (In Russian).

13. Rappoport, A., Lidin, K., Bagina, E. (2016) Kommentarii k stihovoreniyu Iosifa Brodskogo "Arhitektura" [Comments on Joseph Brodsky's poem "Architecture"]. *Proekt Bajkal – Project Baikal*. Vol. 13. No. 50. Pp. 30-33. (In Russian).

14. Stepanov, A. G. (1997) Organizaciya hudozhestvennogo prostranstva v "Sreten'i" I. Brodskogo [Organization of artistic space in "Candlemas" by I. Brodsky]. *Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovaniya* [Literary text: problems and research methods: Collection scientific works]. Tver. Pp. 136-144. (In Russian).

15. Uzhancev, V. A. (2011) Poet Brodskij v substancional'nom postvremeni i postprostranstve [Poet Brodsky in substantial post-time and post-space]. *Obrazovanie. Nauka. Kul'tura* [Education. The science. Culture]. III International Scientific and Practical Conference, collection of conference proceedings. Moscow. Pp. 402-405. (In Russian).

16. Fedotov, O. I., Feofanova, V. S. (2023) Ekzistencial'nyj motiv smerti v holostyh sonetah Iosifa Brodskogo 1961-1962 godov [The existential motive of death in Joseph Brodsky's blank sonnets of 1961-1962]. *Acta Eruditorium – Acta Eruditorium*. No. 44. Pp. 40-44. (In Russian).

17. Sherchalova, E. V. (2022) Prostranstvennye dihotomii i labirint v romane "Svyashchennaya kniga oborotnaya" V. Pelevina [Spatial dichotomies and labyrinth in the novel "The Holy Book of the Werewolf" by V. Pelevin]. *Gumanitarnyj vektor – Humanitarian vector*. Vol. 17. No. 1. Pp. 65-74. (In Russian).

Об авторе

Гавриков Виталий Александрович, профессор Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор филологических наук (г. Брянск, Российская Федерация); E-mail: yarosvettt@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7410-8714

About the Author

Gavrikov Vitaliy A., Professor of Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Philology (Bryansk, Russian Federation); E-mail: yarosvettt@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7410-8714

дата получения: 19.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 19 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

Е. В. Белецкая, Д. А. Клинкава, А. Г. Дудкина

Литературный язык vs интернет-сленг

В статье проводится сравнительный анализ литературного языка и интернет-сленга, исследуются причины использования английских заимствований и их влияние на русский язык. Представлены результаты анкетирования с применением статистического метода и психолингвистического эксперимента для изучения степени освоенности англоязычных заимствований молодёжью (14–35 лет) и представителями старшего поколения. В ходе исследования анализируются различные аспекты использования сленга молодёжью, его влияние на общение со старшим поколением и возможные пути преодоления конфликтов. После рассмотрения разных точек зрения по вопросу «чистоты» русского языка делается вывод о полезности использования отдельных английских заимствований для обогащения языкового опыта и расширения языковых навыков при соблюдении баланса между использованием молодежного сленга и сохранением уникальности русского языка, который, являясь системой динамичной и открытой, под влиянием прогресса пополняется новыми словами, отказавшись от невостребованных лексических единиц.

Ключевые слова: литературный язык, интернет-сленг, конфликт поколений, английские заимствования, молодежный сленг.

Для цитирования: Белецкая Е. В., Клинкава Д. А., Дудкина А. Г. Литературный язык vs интернет-сленг // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 162–175. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_162. EDN: IMKOOT

Актуальность темы определяется возросшей популярностью интернет-языка и интересом к нему российской молодежи. Областью исследования является непрерывный процесс изменения активного словарного состава русского языка, а предметом исследования – слова, заимствованные из английского языка и используемые в современном молодежном сленге.

На популярность английского языка повлияло многое: это и становление рыночных отношений, и появление в широкой продаже иностранных товаров, и образование совмест-

ных предприятий, и разработка новейших информационных и компьютерных технологий, и появление глобальной сети Интернет. Многие слова английского происхождения встречаются в текстах учебников, в газетах и журналах, применяются на радио и телевидении.

В настоящее время Интернет стал неотъемлемой частью жизни не только молодежи, но и всего населения планеты. Каждый пользуется для общения какой-то социальной сетью, будь то WhatsApp¹, Telegram и др., и степень зависимости от телефонов и других гаджетов настолько велика, что вызывает недоумение. Всемирная сеть оказывает влияние как на когнитивную деятельность человека, так и на современный русский язык. И если некоторые языковеды называют компьютерную лексику неологизмами, заимствованными в большинстве своем из иностранных языков, то большая часть ученых говорит о пагубности данного явления. Объясняется это тем, что в социальных сетях стало модным искажать русский язык, сокращая его или добавляя к нему часть иностранного слова. Именно по этой причине «язык социальных сетей» называют интернет-сленгом. Несмотря на то, что он становится все более распространенным среди пользователей онлайн-платформ, такое явление вызывает серьезные опасения среди ученых, так как оно может негативно сказаться на развитии языковой культуры и литературного языка.

Что же такое сленг? В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой находим следующую формулировку: сленг – это «совокупность слов и выражений, употребляемых представителями определенных групп, профессий и т. п. и составляющих слой разговорной лексики, не соответствующей нормам литературного языка» [6, с. 587].

Несмотря на то, что проблемой изучения сленга занимаются как зарубежные (Е. Парtridge, В. Фриман, А. Баррере, Ч. Леланд, В. Дж. Бурк), так и отечественные ученые (В. А. Хомяков, И. В. Арнольд, Т. А. Соловьева, М. М. Маковский, И. Р. Гальперин и др.), определение понятия «сленг» до сих пор является предметом дискуссии. Одни исследователи сближают сленг с просторечием [14]², другие смешивают его с понятием «жар-

¹ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией на территории РФ.

² Саляев В. А. Лексика арготического и жаргонного происхождения в толковых словарях современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.

гон» [2–3], третьи используют описательные дефиниции, типа «открытое аргю» [5] или «общий жаргон»¹.

Интерес к изучению молодежного сленга растет с каждым годом: создаются толковые словари, словарный объем которых составляет несколько тысяч единиц [15–17], предлагается «комплексный многоаспектный словарь, строение которого должно осуществляться на взаимодействии идеографического и алфавитного принципов подачи материала»², обсуждается вопрос не только об обновлении тематических групп в молодежном сленге и сменяемости его лексических пластов, но и об изменении функциональной направленности лексикона молодого поколения [19]. Несмотря на то что сленг – это устный язык, его можно встретить как на просторах Интернета, так и в средствах массовой информации, что говорит о том, что границу между литературным языком и сленгом очень трудно определить (ср.: тюремное слово *беспредел*, ставшее общенародным политическим термином: *криминальный*, *ценовой беспредел*). Поэтому проблема видится в стирании границ между сленгом и литературным языком, когда оба эти понятия смешиваются, а у молодого носителя языка отсутствует умение разделить языковые средства, понять языковую игру, основанную на смешении разных стилей, а также ему недостает чувства уместности употребления тех или иных выражений: «Базаров любит Одинцову, но сам он ей глубоко параллелен»; «Обломов часто тормозит» (из школьных сочинений). В. В. Химик объясняет такую черту сленга как «аморфность» или размытость максимальной открытостью и наличием интегрирующей функции, которая позволяет молодежному сленгу служить катализатором обновления, процесса взаимодействия разных сфер некодифицированной лексики, иными словами – быть связующим звеном различных речевых разновидностей русского национального языка [18, с. 12–17].

Литературный язык, как правило, подвергается серьезной обработке и развитию через десятилетия, а порой и столетия. Он является основой для обучения и коммуникации в образованных кругах общества. К проблеме языковой нормы

¹ Саляев В. А. Указ. соч.

² Цибизова О. В. Современный молодежный жаргон: проблемы лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2006. С. 114–115.

и попытке дать определение этому понятию обращались многие как зарубежные, так и отечественные лингвисты [7]. И если раньше только литературная норма четко определяла понятия правильности и неправильности в речи и являлась идеалом, к которому интуитивно стремился каждый член языкового сообщества, а диалекты лишь составляли периферию литературной нормы, то в современном как российском, так и европейском обществе отношение к языковой норме и к культуре речи резко изменилось. Делая акцент на социальной, динамической природе этого явления, авторы статьи приходят к выводу, что понятие «языковая норма» потеряло свою нормативную функцию, расширилось и упростилось.

Одним из основных источников развития молодежного сленга являются английские заимствования. Многие ученые изучали и изучают вопросы заимствования английских слов в русском языке. Для С. С. Изюмской оправданным является «заимствование, которое означает в языке то понятие, которого ранее в этом языке не существовало», а неоправданным – слово, которое вводится в язык из иностранного языка в качестве синонима для определения того или иного понятия, при том, что русские слова, определяющие это понятие, уже имеются в наличии» [9, с. 76].

Вопрос о причинах использования англицизмов в русском молодежном сленге поднимает и О. В. Сумцова¹. Она также исследует факторы, которые влияют на развитие сленга, среди которых развитие компьютерных технологий и социальные сети; современная музыкальная и, так называемая, «клубная» культура, а также киноиндустрия; СМИ и телевидение; заимствования, связанные с популярными видами спорта; производные профессиональные термины; заимствования, связанные с открытием многочисленных ресторанов быстрого питания в России начала 90-х гг. XX столетия; подражание образу жизни американской молодёжи. Общий вывод, к которому пришел автор статьи, – сленг не исчезнет никогда. Он облегчает общение молодых людей друг с другом, помогает поддержать беседу и является одним из способов изучения английского языка.

¹ Сумцова О. В. Причины использования англицизмов в русском молодежном сленге // Молодой ученый. 2012. № 4 (39). С. 247–250. Электронный ресурс. URL: <https://moluch.ru/archive/39/4539/> (дата обращения: 19.01.2023).

Многие исследования посвящены изучению причин возникновения, употребления и практического применения англицизмов в современном русском языке [4], исторических предпосылок ассимиляции языков [12], а также общих механизмов иноязычных заимствований¹. Нельзя не согласиться с выводом В. Г. Костомарова [10] и Л. П. Крысина [11] о том, что заимствования – это закономерное явление в жизни любого языка, естественный процесс, поэтому не стоит отказываться от их использования, а следует стараться правильно понимать значения того или иного иноязычного слова, его смысловых оттенков, стилистической окраски, особенностей сочетания его с другими словами. Претерпевая изменения, язык как саморазвивающаяся система «умеет самоочищаться» и сохранять жизненные силы»².

Существует мнение, что использование интернет-сленга приводит к деградации языковых норм и правил, что может привести к искажению коммуникации, упрощению и ухудшению понимания высказывания, а также к потере уважения культуры и образования. Кроме того, интернет-сленг часто носит негативный характер, включая оскорбления, нецензурную лексику и стереотипы³. Это может привести к возникновению конфликтов и негативных эмоций среди пользователей, а также к созданию агрессивной онлайн-среды. По мнению Е. В. Гориной, «умный человек должен просто понимать, когда можно использовать молодежный жаргон, а когда не стоит. Возможно, те представители старшего поколения, которые возражают против сленга, как раз выступают не против самих слов, а именно против неуместного употребления их в речи»⁴. Молодежный сленг является одной из причин возникновения конфликта поколений. К такому выводу пришли авторы статьи, подчеркнув, что из-за использования молодыми людьми английских заимствований возникает непонимание, разобщение и протест, что ведет к культурному разрыву между поколениями [1].

¹ Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. Электронный ресурс. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/etapy-osvoeniya-inoyazychnogo-slova> (дата обращения: 25.03.2024).

² Там же.

³ Костенко Е. В. Компьютерный и интернет-сленг. Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/3DSqFr> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Влияние сленга на язык: засоряет или все же упрощает? // Пять углов: Блог-журнал старшеклассников. Электронный ресурс. URL: <https://5uglov.ru/> (дата обращения: 26.03.2024).

Интернет-сленг можно условно разделить на несколько групп¹. Это сокращения: прив (вместо привет), зрасти (здравствуйте), че (что), кто-нить (кто-нибудь), че-нить (что-нибудь), спс (спасибо), пжл (пожалуйста), лады (ладно), грит (говорит), пон (понятно) и др.; использование эмодиконов, применение которых в письменной речи вместо знаков препинания делает сообщение более эмоциональным и экспрессивным, а сами эмодиконы при этом выполняют выделительную, разделительную, смысловозначительную и эмотивную функции, а также передают через сообщение состояние автора; замена букв: превед, деффчонки, здорофф, намана; написание по произношению: здрасти, харашо, марьянна, афтар, фсё (на интернет-просторах этот язык называется «афтарский»): «А в нашей ридакции фсе очинь дажэ любят пейсать на афтарском языке, и с большим интузеазмом воспринели новый веток развития русскава языка. Так как «превед» и «кросавчег» внесли разнаобразийе в нимнога застайафшыйся падонкафско-афтарский язык»²; игнорирование заглавных букв: пришла мария ивановна; заимствование слов: хайп, чекиниться, лайк, бонжорно, бро, паблик, челенж, краш, кринж, кэшбэк, факап и др.

Самые частые случаи интернет-сленга – это именно заимствования из иностранных языков (в основном из английского), и именно эта группа слов представляет для нас особый интерес.

Целью данной статьи является выявление современных английских заимствований в русском языке и исследование особенностей их употребления в современном мире интернета, что непосредственно связано с разрывом поколений и непониманием друг друга в сфере общения.

Материалы и методы

Проведя сравнительный анализ литературного языка и интернет-сленга, мы обратились к психолингвистическому эксперименту с привлечением методики анкетирования. Для изучения степени освоенности англоязычных заимствований

¹ Падиева Д. А., Добриева З. И. Распространение интернет-сленга в современном русском языке // Наука, образование, инновации: актуальные вызовы XXI века: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 августа 2021 г. Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. С. 60–63. Электронный ресурс. URL: <https://apni.ru/article/2747-gasprostranenie-internet-slenga-v-sovr-yazike> (дата обращения: 24.03.2024).

² Белкин И., Амзин А. Полный превед. Интернет-сленг все чаще выходит за пределы виртуального пространства. Электронный ресурс. URL: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/> (дата обращения: 23.03.2024).

молодёжью (14–35 лет) и представителями старшего поколения нами была выбрана категория людей среднего возраста: от 35 до 55 лет. Все вопросы в анкете были типичными, к каждому англицизму шёл вопрос, который предполагал выбор одного из двух вариантов ответа: «Не знаю значение этого слова», «Точно знаю значение этого слова».

Для эксперимента нами были отобраны англицизмы, которые наиболее часто встречаются на первых сайтах поисковой выдачи при формулировке запроса «Популярные англицизмы 2024 в русском языке». В наш список вошли 10 самых распространенных сленговых слов: хайп (от англ. «hype» – суета, шумиха вокруг чего-либо); фейк (от англ. «fake» – поддельный, фальшивый); краш (от англ. «crush» – увлечение, влюбленность); чилить (от англ. «to chill» – прохладиться, расслабиться); изи (от англ. «easy» – просто, легко); рофлить (от англ. «rolling on the floor laughing» – смеяться, катаясь по полу); дедлайн (от англ. «deadline» – крайний срок); кринж (от англ. «cringe» – испытывать неловкость); чекать (от англ. «to check» – проверять); хейтить (от англ. «to hate» – ненавидеть).

В анкетировании приняли участие 100 человек. Среди них 65 % – молодёжь, а оставшиеся 35 % – люди, относящиеся к средней возрастной группе. Участники анкетирования относятся к разным профессиям. Все участники анкетирования являются гражданами Российской Федерации и носителями русского языка. Также необходимо было указать уровень владения английским языком. Так, из всех испытуемых 30 % имели средний уровень владения английским языком и выше, 30 % имели базовый уровень владения, оставшиеся 40 % указали, что не знают английский язык совсем, так как изучали немецкий язык.

Результаты

В результате опроса было выявлено, что большая часть (95 %) молодёжи знает значение представленных сленговых выражений, а большая часть опрошенных взрослых (92 %) не имеют представления о значениях англицизмов (см. рис.).

Для выяснения сфер употребления сленговых слов среди тех, кто понимает его и использует в своей речи, мы прикрепили ещё один вопрос с вариантами ответов, по которым

получили следующие данные: 90 % испытуемых употребляют сленг в своей речи и относятся к нему нейтрально; 80 % считают, что употребление сленга является допустимым только в общении со сверстниками; у 96 % из-за использования сленговых выражений возникало недопонимание со средним и старшим поколением.

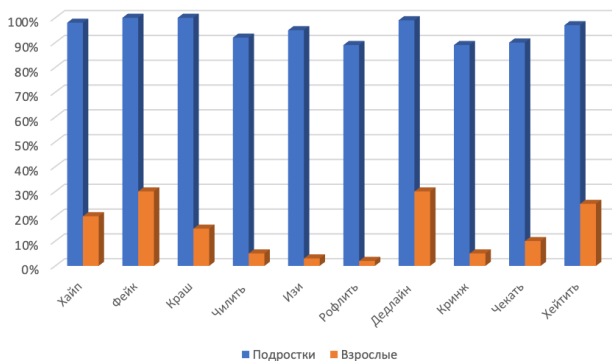

Рис. 1. Уровень понимания значений англицизмов

В ходе исследования были проанализированы различные аспекты использования сленга молодежью, его влияния на общение со старшим поколением и возможные пути преодоления конфликтов. Результаты и выводы данного исследования подчеркивают важность понимания и толерантности в общении между поколениями, а также необходимость активной коммуникации и обмена культурным опытом.

Также для подтверждения нашей гипотезы о том, что одни заимствования остаются в лексиконе, а другие используются все реже или совсем исчезают, мы обратились к статистическому сервису Яндекс. Вордстат¹, который помогает получить информацию о запросах пользователей, т. е. точном количестве запросов ключевых слов (в нашем случае – 10 сленговых слов) в поисковой системе Яндекса для того, чтобы оценить популярность данных англицизмов и определить, как менялось количество обращений к ним на протяжении последнего года. Самыми популярными за май 2024 года стали слова

¹ Яндекс. Вордстат. Электронный ресурс. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 05.06.2024).

«фейк», «изи» и «краш» (431609, 406496 и 312612 запросов соответственно), далее по снижению частоты запросов идут «кринж», «хайп», «дэдлайн», «чекать», «чилить», «рофлить» и на последнем месте слово «хейтить» с количеством обращений 3909. Если посмотреть на диаграмму за последний год, можно прийти к выводу, что популярность сленговых слов из нашего списка претерпевает изменения (максимальное количество запросов приходится на июль 2023 года). Сложно сказать, о чем это говорит, возможно, о том, что лето предоставляет больше времени и возможностей для неформального общения. Но это не входит в рамки исследования данной статьи. Для нас большой интерес представляет тот факт, что несмотря на то что продолжает увеличиваться количество обращений по запросу таких слов, как «рофлить» «хейтить» «кринж», «чекать», оставшиеся 6 слов имеют тенденцию использоваться все реже. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что язык как система саморазвивающаяся, динамичная, самообновляющаяся откажется от ненужных ему слов и продолжит функционировать в своем новом лексическом составе под влиянием прогресса.

Обсуждение и выводы

В языке всегда идёт борьба между консерваторами и новаторами по вопросу «чистоты» языка и использования заимствований. М. А. Кронгауз, например, консерватором себя не считает, но полагает, что язык вынужденно изменяется, в том числе потому, что в него приходит много заимствований. Лингвист сомневается в том, что русскому языку грозит гибель, потому что самая большая угроза для него – это его исчезновение из общения, коммуникации. Но русский язык активно используется – мы на нём говорим и переписываемся. А чтобы обогатить свою лексику, языковед советует больше читать¹.

О том, что молодежный сленг или иностранные заимствования не портят речь, а развивают ее, говорит и Д. Б. Гудков, полагая, что у носителей языка падает не только коммуникативная, но и языковая компетенция, что может размывать культурный код русского языка. И потому норма литератур-

¹ Кронгауз М. А. Нет никакой гибели или деградации русского языка // Интервью с М. Кронгаузом. Электронный ресурс. URL: <https://lifehacker.ru/rabochie-mesta-maksim-krongauz/> (дата обращения: 26.03.2024).

ного русского языка начинает пониматься как нечто абсолютное и неизблемое, а отход от нормы воспринимается как «засорение», «порча» языка. Но что должно называться «правильным» русским языком, каковы критерии этой правильности и, соответственно, неправильности? Существует мнение, что «правильный» язык – это нечто изначальное и вечное, он существует вне нас, мы можем лишь пытаться овладеть частью предлагаемых им богатств. Однако не потому ли и богат русский язык, что он не застыл в развитии, а непрерывно наполняется новыми словами и образными выражениями? «Вот где-то в этой вечно меняющейся субстанции и живет правильный русский язык» – полагает ученый¹.

Молодежный сленг имеет свою ценность, поскольку это явление отражает современную культуру, менталитет и образ жизни молодых людей. Он позволяет им выражать свои идеи, эмоции и отношения более непосредственно, создавая свой уникальный язык и стиль общения².

Сленг может быть более динамичным, креативным и колоритным по сравнению с литературным языком, что делает его более привлекательным и эмоционально насыщенным. Он также способствует формированию групповой идентичности и укреплению социальных связей среди молодежи.

Однако литературный язык остается важным для образования, культуры и коммуникации в более формальных ситуациях. Он обогащает словарный запас, развивает мышление и способности анализа, а также помогает поддерживать качественный уровень образования и коммуникации в обществе.

Таким образом, и молодежный сленг, и литературный язык имеют свои собственные ценности и полезные стороны, и важно уметь использовать оба в соответствии с контекстом и целями коммуникации.

¹ Гудков Д. Б. Граница между литературным языком и сленгом стирается // Информационный портал фонда «Русский мир». Электронный ресурс. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/189202/> (дата обращения: 26.03.2024).

² Шмелева Т. В. Жаргон, арг, сленг. Сибирский форум: интеллектуальный диалог. Лексикон современного интеллигента // Газета СФУ, апрель 2011. Электронный ресурс. URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/210> (дата обращения: 26.03.2024).

Список литературы

1. Белецкая Е. В., Клинкова Д. А. Молодежный сленг как одна из причин конфликта поколений // Наука, общество и образование в условиях трансформации социально-экономической сферы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, 10 января 2024 г., г. Клин / Под общ. ред. Е. В. Луновой, О. Н. Погодиной. – Клин: РГСУ; Тверь: ТГУ, 2024. – С. 448–455.
2. Борисова-Лукашанец Е. Г. О лексике современного молодежного жаргона. (Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983. – С. 104–120.
3. Вахитов С. В. Лекция о русском сленге. – Уфа: ВГПУ, 2001. – 47 с.
4. Елисеева И. А., Николи Н. К. Причины заимствования англицизмов в современном русском языке // Наука и производство Урала. – 2020. – Т. 16. – С. 114–116.
5. Елистратов В. С. Словарь московского арга. – М.: Русские словари, 1994. – 699 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Харвест, 2005. – 1168 с.
7. Загуменкина В. С., Белецкая Е. В. Место киждойч в рамках литературного немецкого языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 293–300.
8. Земская Е. А. О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XX–XIX веков (на материале русского языка) // Слово в словаре и дискурсе: сб. научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Эллис, 2006. – С. 244–248.
9. Изюмская С. С. Новые английские заимствования как средство языковой игры // Русский язык в школе. – 2000. – № 4. – С. 75–79.
10. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
11. Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. – 2000. – № 1. – С. 28–40.
12. Лабашева Н. А., Ищенко В. С., Воробьева С. В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. – 2009. – № 5 (42). – С. 178–186.
13. Лимарова Е. В., Сон Л. П. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. – 2018. – № 4 (414). – С. 111–118.
14. Липатов А. Т. Сленг и его место на речевом лимбе русского социолекта // Социальные варианты языка: Материалы международной научной конференции, 25–26 апреля 2002 года. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2002. – С. 6–9.
15. Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга: Материалы 1980–2000 гг. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Фолио-Пресс: Норинт, 2003. – 701 с.
16. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область. – М.: ЭЛПИС, 2006. – 380 с.
17. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 912 с.
18. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 269 с.
19. Цибизова О. В., Галанкина И. И. Англицизмы в молодежном сленге 2020–2021 гг.: опыт описания и анализа. Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 3. – С. 684–698.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

60/20/20 %

Elena V. Beletskaya, Diana A. Klinkova, Anna G. Dudkina

Literary Language vs Internet-Slang

The article provides a comparative analysis of the literary language and Internet slang, examines the reasons for the use of English borrowings and their impact on the Russian language, and also provides the results of a statistical method and a psycholinguistic experiment involving a questionnaire methodology to study the degree of mastery of English-language borrowings by young people (14–35 years old) and representatives of the older generation. In the course of the study, the authors analyze various aspects of the use of slang by young people, its impact on communication with the older generation and possible ways to overcome conflicts. After considering different points of view on the issue of "purity" of the Russian language, it is concluded that the use of English borrowings is useful for enriching language experience and expanding language skills, while maintaining a balance between the use of youth slang and preserving the uniqueness of the Russian language, which, being a dynamic and open system, will be replenished with new words under the influence of progress, abandoning unclaimed lexical units.

Key words: literary language, Internet slang, generation gap, English borrowings, youth slang.

For citation: Beletskaya, E. V., Klinkova, D. A., Dudkina, A. G. (2024) Literaturnyj yazyk vs internet-slang [Literary Language vs Internet-Slang]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 162–175. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_162. EDN: IMKOOT

References

1. Beletskaya, E. V., Klinkova, D. A. (2024) Molodezhnyj sleng kak odna iz prichin konflikta pokolenij [Youth slang as one of the causes of generational conflict]. *Nauka, obshchestvo i obrazovanie v usloviyah transformacii social'no-ekonomicheskoy sfery* [Science, society and education in the conditions of transformation of socio-economic sphere]. Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference. Klin, pod obshch. red. E. V. Lu-nevoj, O. N. Pogodinoj. Klin: RGSU; Tver': TGU. Pp. 448–455. (In Russian).
2. Borisova-Lukashanec, E. G. (1983) O leksike sovremennogo molodezhnogo zhargona. (Angloyazychnye zaimstvovaniya v studencheskom slenge 60–70-h godov) [On the lexicon of modern youth slang. (English-language borrowings in the student slang of the 60–70s)]. *Literaturnaya norma v leksike i frazeologii* [Literary norm in vocabulary and phraseology]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 104–120. (In Russian).
3. Vahitov, S. V. (2001) *Lekciya o russkom slenge* [Lecture on Russian slang]. Ufa: VGPU. (In Russian).
4. Eliseeva I. A., Nikoli, N. K. (2020) Prichiny zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke [Reasons for borrowing anglicisms in the modern Russian language]. *Nauka i proizvodstvo Urala* [Science and production of the Urals]. Vol. 16. Pp. 114–116. (In Russian).
5. Elistratov, V. S. (1994) *Slovar' moskovskogo argo*. Moscow: Russkie slovari Publ. (In Russian).
6. Efreмова, T. F. (2005) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern defining dictionary of the Russian language]. Moscow: Harvest Publ. (In Russian).
7. Zagumenkina, V. S., Beletskaya, E. V. (2022) Mesto kidcojch v ramkah literaturnogo nemeckogo yazyka [The place of Kitsdeutsch within literary German]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*. Vol. 22. Issue 3. Pp. 293–300. (In Russian).
8. Zemskaya, E. A. (2006) O nekotoryh novyh yavleniyah v zhargone rubezha XX–XIX vekov (na materiale russkogo yazyka) [About some new phenomena in the jargon of the turn of the XX–XIX centuries (on the material of the Russian language)]. *Slovo v slovare i diskurse: sbornik nauchnyh statej k 50-letiyu Harri Val'tera* [The word in vocabulary and discourse:

a collection of scholarly articles for the 50th anniversary of Harry Walter]. Moscow: Elpis Publ. Pp. 244–248. (In Russian).

9. Izyumskaya, S. S. (2000). Novye anglijskie zaimstvovaniya kak sredstvo yazykovoj igry [New English borrowings as a means of language play]. *Russkij yazyk v shkole – Russian language at school*. No. 4. Pp. 75–79. (In Russian).

10. Kostomarov, V. G. (1994) *Zyukovoj vkus epohi: iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj massmedia* [Language Taste of the Era: From Observations on Mass Media Speech Practices]. Moscow: Pedagogika–Press. (In Russian).

11. Krysin, L. P. (2000) *Russkij literaturnyj yazyk na rubezhe vekov* [Russian literary language at the turn of the century]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. No. 1. Pp. 28–40. (In Russian).

12. Labasheva, N. A, Ishchenko, V. S., Vorob'eva, S. V. (2009) Grammaticheskaya assimilyaciya novejsih anglicizmov v russkom yazyke [Grammatical assimilation of the newest anglicisms in Russian language]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. 1. Filologiya – Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 1. Philology*. No. 5. Pp. 178–186. (In Russian).

13. Limarova, E. V. (2018) Internet-slang: slovoobrazovatel'nye processy (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Internet slang: word-formation processes (on the material of English and Russian languages)]. *Filologicheskie nauki – Philological sciences*. No. 4. Pp. 111–118. (In Russian).

14. Lipatov, A. T. (2002) Sleng i ego mesto na rechevom limbe russkogo sociolekta [Slang and its place on the speech limbo of the Russian sociolect]. *Social'nye varianty yazyka [Social Variants of Language]*. Proceedings of the International Scientific Conference. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij un-t im. N. A. Dobrolyubova. Pp. 6–9. (In Russian).

15. Nikitina, T. G. (2003) *Slovar' molodezhnogo slenga: Materialy 1980–2000* [Dictionary of youth slang: Materials 1980–2000]. St. Petersburg: Folio–Press Publ. (In Russian).

16. Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2006) *Regional'nyj slovar' slenga: Pskov i Pskovskaja oblast* [Regional Slang Dictionary: Pskov and Pskov Region]. Moscow: ELPIS Publ. (In Russian).

17. Nikitina, T. G. (2009) *Molodezhnyj sleng. Tolkovij slovar'* [Youth Slang: An Explanatory Dictionary]. Moscow: AST, Astrel' Publ. (In Russian).

18. Himik, V. V. (2000) *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen* [The Poetics of the Low, or Spoken Language as a Cultural Phenomenon]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SpbGU. (In Russian).

19. Cibizova, O. V., Galankina, I. I. (2021) Anglicizmy v molodezhnom slenge 2020–2021 gg.: opyt opisaniya i analiza [Anglicisms in youth slang 2020–2021: an experience of description and analysis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Sematika – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 684–698. (In Russian).

Об авторах

Белецкая Елена Владимировна, доцент кафедры государственной политики и управления Тверского филиала РАНХиГС, кандидат филологических наук (г. Тверь, Российская Федерация); E-mail: lenchen@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-3613-5818

Клинкова Диана Анатольевна, доцент кафедры государственной политики и управления Тверского филиала РАНХиГС, кандидат философских наук (г. Тверь, Российская Федерация); E-mail: diana_klinkova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2725-337X

Лудкина Анна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры государственной политики и управления Тверского филиала РАНХиГС (г. Тверь, Российская Федерация); E-mail: annetowna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-0419-6180

About the Authors

Beletskaya Elena V., Associate Professor of the Department of Public Policy and Management of the Tver branch of RANEPА, PhD in Philology (Tver, Russian Federation); E-mail: lenchen@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-3613-5818

Klinkova Diana A., Associate Professor of the Department of Public Policy and Management of the Tver branch of RANEPА, PhD in Philosophy (Tver, Russian Federation); E-mail: diana_klinkova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2725-337X

Dudkina Anna G., Senior Lecturer, Department of Public Policy and Management, Tver Branch of RANEPА (Tver, Russian Federation); E-mail: annetowna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-0419-6180

дата получения: 19.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 19 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

В. В. Королева, М. С. Румянцева

Интерпретирующая функция концептуальной метафоры с лексемой 'market' в англоязычном экономическом дискурсе (на материале статей журнала «The Economist»)

В статье рассматриваются варианты репрезентации концептуальных метафор с лексемой 'market' в сфере экономического политического дискурса. Цель исследования – изучение структурно-семантических особенностей словосочетаний с переносным значением и интерпретационные возможности отобранных для работы метафор. Материалом исследования послужили контексты статей журнала «The Economist» за 2014–2024 гг. Применены методы контент-анализа, когнитивного, компонентного и логического анализа. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в лингвистической теории данных о соотношении семантического и структурного состава концептуальных метафор с лексическим элементом 'market'. В результате исследования предложена возможная классификация контекстов употребления экономических реалий в соответствии с существующей типологией метафор: антропоморфная, природоморфная, социоморфная, артефактная. Сделаны выводы о роли метафоры в условиях категоризации объективной реальности, а также о потенциале метафоризации в процессе развития экономического знания в условиях высокой конкурентной среды и превалирования предложения над спросом.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, интерпретация, экономический дискурс, контент-анализ, логический анализ.

Для цитирования: Королева В. В., Румянцева М. С. Интерпретирующая функция концептуальной метафоры с лексемой 'market' в англоязычном экономическом дискурсе (на материале статей журнала «The Economist») // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 176–193. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_176. EDN: JLRVCU

Как известно, метафора является одним из способов концептуализации знания в современном мире. Широкое распространение получили теории изучения концептуальной метафоры, сформулированные учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [9], А. П. Чудиновым [13] и др. При рассмотрении специфики данного лингвистического явления важно принимать во внимание, что каждая модель

концептуальной метафоры несет в себе интерпретационный потенциал. Выделение селективного, классифицирующего и оценочного подвида объяснения значения метафоры, согласно классификации Н. Н. Болдырева [2, с. 12], способствует дальнейшему развитию междисциплинарных связей в лингвистике.

Сегодня приоритетным направлением когнитивной науки является как изучение теоретических аспектов концептуальной метафоры (А. П. Чудинов [13], Н. Д. Арутюнова [1], Е. С. Кубрякова [8], Дж. Лакофф [9], С. А. Панкратова [11]), так и анализ функционирования отдельных видов данного лингвистического явления в контексте различных дискурсов (А. П. Чудинов [13], Н. Д. Арутюнова [1], Т. С. Глушкова, О. П. Матиенко [3], О. Л. Юдина [14]). В экономической концептосфере одним из базовых концептов является понятие 'market'. На сегодняшний момент исследованием его номинативного поля (в том числе синонимов, антонимов, гиперонимов и гипонимов) занимаются ученые Л. П. Науменко [10], Г. А. Заварзина [4], В. Д. Черняк и Е. В. Парышева [12]. Вопрос взаимодействия лексемы 'market' с другими элементами словосочетания в разных типах синтаксических конструкций уже был освещен нами в нескольких работах [5; 7]. Кроме того, предпринимались попытки выделить когнитивные признаки исследуемой лексемы с целью моделирования внутренней структуры концепта и систематизации лексикографических данных [6]. Отдельные труды зарубежных исследователей Carmel Neah (Сингапур), Sujata S. Kathpalia (Сингапур) [15], Silja Graupe (Германия), Theresa Steffestun (Германия) [17], Michelle Gaisoa-Issa (Румыния), Mihaela Vasiloaia (Испания) [16] ставят своей задачей изучить модели концептуальной метафоры с элементом 'market'.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска всевозможных способов навигации изменений в структуре рынка и поиска лингвистических средств для описания данных изменений, в том числе при помощи концептуальной метафоры.

Цель данной работы заключается в объемном построении модели метафорического осмысления концептуального пространства лексемы 'market' путем изучения семантических и композиционных особенностей ее репрезентации. Пред-

полагается, что изучение переносного значения лексических единиц, образующих метафору в сочетании с разбором композиционных особенностей субстантивных и глагольных метафор позволит объяснить современные рыночные механизмы посредством языковых средств.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были выбраны статьи журнала «The Economist» за 2014–2024 гг. Особенный интерес на этапе отбора материала представляли контексты, в которых лексема 'market' выступала в качестве субъекта предложения. В ходе анализа изучался заголовок, лид и сам текст статьи, были выделены лексемы, которые могли бы составить номинативное поле (слот) каждой конкретной метафоры и, соответственно, служить доказательством ее реализации в данном медиатексте.

Исследование проведено путем изучения семантики лексических значений на основе методов логического, компонентного и когнитивного анализов. Сбор данных осуществлялся посредством сплошной выборки и контент-анализа. В ходе работы использовалась типология классификации метафор, предложенная профессором А. П. Чудиновым [13], таким образом, были рассмотрены примеры антропоморфной, природоморфной, социоморфной, артефактной метафоры в экономическом дискурсе.

Вместе с этим на этапе интерпретации контекстов, отобранных из журнала «The Economist» (2014–2024 гг.) с целью их дальнейшей классификации и оценки, были параллельно изучены модели концептуальных метафор, сформулированные учеными:

Carmel Heah, Sujata S. Kathpalia (Сингапур) [15]. Business is War / Warfare, The Economy is a Patient, The Economy is like Sports, The Economy is a Ship, The Economy is a Journey, The Economy is an Engine, Economy is like the Weather, The Economy is Prey / Predator, The Market is a Bull / Bear.

Silja Graupe, Theresa Steffestun (Германия) [17]. The Market is a System, The Market is a Mechanism, The Market is a container.

Michelle Gaisoa-Issa (Румыния), Mihaela Vasiloaia (Испания) [17]. Business is War, A Company is a Ship, Economics is Flying, Organisations are Gardens.

Результаты

В процессе проведения исследования метафорических контекстов в англоязычном публицистическом дискурсе рыночных отношений было обнаружено присутствие в нем многочисленных метафор, имеющих сферы-источники из антропологического и технического дискурсов [9]. Таким образом, были сформулированы следующие модели концептуальных метафор: 'Market is a human being', 'Market is an organism', 'Market is a conversation', 'Market is a mechanism', 'Market is a plane', 'Market is a house'.

Рассмотрим наиболее показательные примеры функционирования данного лингвистического явления в публицистическом тексте.

Антропоморфная метафора

*Why Europe's single market is at risk*¹.

Признаки антропоморфной метафоры наблюдаются уже в заголовке данной статьи – *to be at risk* 'под угрозой, в опасности'. В словаре английского языка «Oxford Advanced Learner's Dictionary» все примеры с данной фразеологической единицей описывают человека или сообщество людей: *groups, innocent lives, journalists, adults*. Лид статьи подтверждает предположение о том, что в данном тексте происходит реализация концептуальной метафоры 'Market is a human being'. Действительно, ряд лексем, относящихся к рассматриваемому метафорическому полю, включает в себя семантический компонент «живой»: *revival* 'возрождение', *to reanimate* 'оживить, реанимировать', *to reinvigorate* 'придавать новых сил', *to pep up* 'взбодрить'. Авторское восприятие происходящего отражается в употреблении лексических единиц с положительной оценкой активности государства, продавцов и покупателей: *ambition, ambitious, fresh direction, monetary adrenalin*.

A healthier economy has helped, too. Deflation has ended. Nominal GDP has been growing steadily. And the job market is buoyant. Unemployment has fallen to 2.3%. The ratio of vacancies to job-seekers is the highest since the early 1970s. More women than ever are in the workforce – the female participation rate is higher than

¹ Why Europe's Single Market is at Risk. The Economist. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/09/12/why-europes-single-market-is-at-risk> (accessed 07 February 2024).

*in America and above average for the OECD. Output per hour has recently grown faster in Japan than in any other G7 country, according to the Conference Board, a research group*¹.

В данном примере приводится противоположная ситуация, характеризующаяся ростом в сфере кадровой политики. Рынок труда преодолел сложности благодаря помощи со стороны других стран, более стабильных с экономической точки зрения (*a healthier economy has helped*). Готовность к взаимопомощи, столь редкая в бизнес-кругах, безусловно, является чертой личности человека. Кроме того, описание атмосферы всеобщего воодушевления (*buoyant* 'жизнерадостный'), установившейся на пространстве рынка, использовано автором намеренно – с целью акцентировать внимание читателя на способности рынка к эмоциональному отклику на изменения вокруг.

*A strong labour market is, by itself, far from a cure-all for racial inequality*².

Новые предложения на рынке рабочей силы представляются средством спасения для афроамериканцев, подвергшихся угрозе безработицы. Во всех примерах в рамках статьи описывается напряженное состояние рынка, балансирующего (*market is ... far from a cure-all*) между стремлением смягчить ограничения (*blunt, chip away at*) – установить современные модели поведения – и привычными, однако, устаревшими на сегодняшний момент правилами приема на работу людей другой расы (отличной от индоевропейской).

Сразу несколько цитат из этой журнальной статьи наглядно демонстрируют непредсказуемость реакции рынка на экономическую нестабильность в стране. Аналитики не скрывают своего удивления от того факта, что в стране удается поддерживать эмоциональное равновесие в сфере продажи недвижимости, подтверждение тому заголовок текста: *America's housing market is so far unfazed by recession*³. «Бесстрастность» рынка жилья иллюстрируют и другие фразеологиче-

¹ Japan's Stockmarket Is Poised for a Comeback. The Economist. 2018. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2018/11/01/japans-stockmarket-is-poised-for-a-comeback> (accessed 07 February 2024).

² Black Workers Are Enjoying a Jobs Boom in America. The Economist. 2024. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2024/02/14/black-workers-are-enjoying-a-jobs-boom-in-america> (accessed 16 February 2024).

³ America's housing market is so far unfazed by recession. The Economist. 2020. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/07/02/americas-housing-market-is-so-far-unfazed-by-recession> (accessed 07 February 2024).

ские единицы: *strangely oblivious* 'удивительно/необычайно забывчивый', *behaving oddly* 'странно вести себя', *to rest on solid foundations* 'стоять на твердом основании'. Непоколебимая стабильность цен вызывает, однако, осязаемое беспокойство специалистов. Действительно, совершенно недавно, два месяца назад, после резкого скачка цен настоящая «резня» (*car-nage*) за дорогие квартиры разгоралась на рынке, он буквально бурлил. Не удивительно, что для журналиста, непосвященного во внутриэкономические процессы, нынешнее спокойствие являет собой пример непростительной «вольности», примером такой отрицательной оценки ситуации служат эпитеты *strangely oblivious, bubbly (market)* 'веселый, дружелюбный'. Стоит отметить, что во всех вышеприведенных примерах рынок наделяется такими человеческими качествами, как невозмутимость, забывчивость, дружелюбность.

*America's housing market is behaving oddly*¹. В данном контексте речь идет о характере, манере взаимодействия рассматриваемого нами экономического института с внешней окружающей средой. В ходе интерпретации паттернов выстраивания рыночных отношений авторы статьи журнала изначально критично смотрят на процесс реализации недвижимости в стране. Д. А. Леонтьев отмечает, что при интерпретации особенностей поведения «групп, телесных органов, технических устройств, природных явлений» можно говорить о метафорическом восприятии не всегда предсказуемых явлений, происходящих в сфере их влияния².

*One reason that a strong labour market is valuable for black Americans is that many work in highly cyclical sectors such as freight delivery*³.

Можно отметить, что и государство, и работающие граждане страны воспринимают рынок как «живое существо». Если, с точки зрения государства, рынок – это «существо», которое либо нуждается в защите, либо в сдерживании и жестком контроле, то для работающих граждан рынок – это, в первую

¹ America's housing market is so far unfazed by recession. The Economist. 2020. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/07/02/americas-housing-market-is-so-far-unfazed-by-recession> (accessed 07 February 2024).

² Леонтьев Д. А., Федорович Е. Ю. Поведение // Большая российская энциклопедия. 2016. Электронный ресурс. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3147357> (дата обращения: 08.03.2024).

³ Black Workers Are Enjoying a Jobs Boom in America. The Economist. 2024. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2024/02/14/black-workers-are-enjoying-a-jobs-boom-in-america> (accessed 16 February 2024).

очередь, сложная система, которая должна быть гармонично устроена и правильно функционировать.

Japan's stockmarket is poised for a comeback¹.

Посредством глагола движения актуализируется антропоморфная модель концептуальной метафоры 'Market is a human being'. Интересным с лингвистической точки зрения является сочетание двух лексем, глагола и существительного, содержащих в своей семантической структуре сему движения: *to be poised* 'быть наготове', *comeback* 'возвращение'. Более того, использование пассивного залога означает гибкость торговых взаимоотношений в стране, их способность легко подстроиться под изменения политического курса.

Социоморфная метафора

Since 1945 the world economy has run according to a system of rules and norms ... brought about unprecedented economic integration that boosted growth, lifted hundreds of millions of people out of poverty... Today the system is in peril².

В следующем примере используется развернутая глагольная метафора, характеризующая систему норм регулирования рыночных отношений. Если в начале художественного переноса рынок предстает как совокупность людей, а значит, происходит актуализация социоморфной метафоры 'Market is a conversation', то во второй его части – *Today the system is in peril* – акцентируется сходство рынка с образом человека ('Market is a human being'), поскольку система торговых отношений находится в опасности. Согласно словарю «Oxford Advanced Learner's Dictionary», сочетание *in peril*, преимущественно, описывает человека.

Bureaucrats tasked with scrutinising inward investments to prevent undue foreign influence over the economy now themselves hold sway over sectors making up 60 % of the stockmarket³.

Авторитетность специалистов государственной сферы показана с помощью глагольных лексем *to task* 'обременять,

¹ Japan's Stockmarket Is Poised for a Comeback. The Economist. 2018. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2018/11/01/japans-stockmarket-is-poised-for-a-comeback> (accessed 07 February 2024).

² The Destructive New Logic that Threatens Globalization. The Economist. 2023. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2023/01/12/the-destructive-new-logic-that-threatens-globalisation> (accessed 07 February 2024).

³ Ibid.

ставить задачу' и to *hold sway over* 'властвовать', to *scrutinise* 'пристально изучать'. Перечисленные лексические единицы указывают на высокий уровень их экспертности и наличие иерархичности в системе хозяйственных отношений страны, следовательно, в данном контексте функционирует социоморфная метафора 'Market is an organism'.

*And the labour market is fast running out of workers*¹.

Политические системы по всему миру сталкиваются с проблемой нехватки рабочих сил. Сегодня ученые, описывая ситуацию кадровой политики, используют термин «прекарность труда» – малоквалифицированный труд и «прекарный статус занятости» – существование на рынке большого числа незащищенных форм занятости. Действительно, в условиях высокой инфляции (to tackle *high inflation*, inflation is *uncomfortably high*) довлеющее ощущение нестабильности (*minute-to-minute lurches* 'ежеминутные колебания') заставляет работоспособных людей при удобной возможности быстро менять место работы. С одной стороны, рынок в данной ситуации описывается с помощью социоморфной метафоры и актуализирует модель 'Market is a conversation'. В доказательство тому можно привести решения руководителей в сфере кадровой политики, которые повышают заработные платы сотрудникам (*The tight jobs market is bidding up the salaries of scarce workers*²). С другой стороны, рынок выступает в данной статье и как индивидуальный субъект экономической системы ('Market is a human being'), обладающей некоторой долей прозорливости, дальновидности *forward-looking* (*Behind all the minute-to-minute lurches is a market that is somewhat forward-looking*³).

*A shake-up in the labour market gives the upper hand to job applicants*⁴.

В примере, представленном выше, соискатели на работу (*job applicants*), с одной стороны, и рынок труда, с другой, встают в оппозицию друг к другу. Данный конфликт объясняется невозможностью работодателей обеспечить все

¹ The Reasons Behind the Current Stockmarket Turmoil. The Economist. 2022. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/the-reasons-behind-the-current-stockmarket-turmoil/21807379> (accessed 07 February 2024).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Why Businesses Are Furiously Hiring Even as a Downturn Looms. The Economist. 2022. Available at: <http://active.econweb.p.aws.economist.com/business/2022/09/05/why-businesses-are-furiously-hiring-even-as-a-downturn-looms> (accessed 07 February 2024).

незанятые трудовые ресурсы гарантированными рабочими местами. Несмотря на такие колебания рынка иногда граждане, находящиеся в поиске нового места работы, оказываются в выгодной ситуации. Таким образом, актуализируется социоморфная метафора ‘Market is a conversation’.

*Why businesses are furiously hiring even as a downturn looms*¹.

При описании особенностей агрессивной кадровой политики работодателей по найму сотрудников автор использует гиперболизацию с целью показать опасность необдуманного подхода к привлечению новых рабочих в условиях намечающегося кризиса (*a downturn looms*) и безжалостную борьбу фирм друг с другом за трудовые ресурсы в ситуации дефицита кадров. В продолжение темы кадрового потенциала организаций автор статьи обозначает острую проблему, с которой сталкиваются многие руководители, – отсутствие навыков стратегического планирования, и вследствие этого, текучесть кадров (*high churn*). Еще один важный аспект процесса управления кадрами заключается в том, что каждый работодатель вынужден самостоятельно «методом проб и ошибок» прийти к оптимальному решению вопроса дефицита сотрудников, поскольку экономическая система страны не предусматривает оказание помощи в этой ситуации даже отдельным фирмам.

*The job market is in a state of perennial change. Simple economic models treat all firms as the same and the economy as a “representative firm” writ large*². Действительно, оказывается, что для экономики государства текучесть кадров – это лишь фактор развития экономики, а не отдельный процесс, требующий основательного подхода (*In reality, firms are very different. Some businesses expand, while others shrink – in booms and in busts*³).

*The people behind the Street Feast markets, of which Model Market is one, advise newcomers on the design of their kiosk. They bring in branding experts and offer lessons in finance, creating a kind of trader university for those starting out*⁴.

¹ Why Businesses Are Furiously Hiring Even as a Downturn Looms. The Economist. 2022. Available at: <http://active.econweb.p.aws.economist.com/business/2022/09/05/why-businesses-are-furiously-hiring-even-as-a-downturn-looms> (accessed 07 February 2024).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ In the Night Market. The Economist. 2017. Available at: <https://www.economist.com/1843/2017/09/01/in-the-night-market> (accessed 07 February 2024).

Посредством лексем *advise on* 'консультировать', *newcomers* 'новички / студенты первого курса', *branding experts* 'эксперты по брендингу', *offer lessons* 'предлагать уроки', *create a kind of trader university* 'создать своего рода торговый университет', *starting out* 'начиная' в данном контексте актуализируется концептосфера «Университет» (*trader university*). В условиях постоянной конкурентной борьбы приоритет и привлекательность конкретной организации напрямую зависит от фактора поддержки (*offer, advise on, create*) авторитетных личностей (*branding experts*), умения внушить доверие потребителям, в особенности если организация находится на начальной ступени своего развития (*newcomers, starting out*). Кроме того, акцент делается на необходимость соблюдать правила иерархии, т. е. каждый из рынков включен в общую сеть. Интересным является употребление лексемы *behind* 'в рамках' – люди «заполняют рынок», а значит, благодаря их сотрудничеству он принимает форму социального института, что дает основание для отнесения данного контекста к форме репрезентации концептуальной метафоры «Социум». Кроме того, принадлежность людей к определенному рынку является организующим фактором.

Although the price of equivalence is likely to be high, the prize is not especially valuable. The EU's share of the global market is shrinking; and equivalence can be withdrawn at 30 days' notice, as Switzerland found in 2014 when it fell out with the EU and stocks listed there were suddenly banned from EU exchanges. The EU has little compunction in using rules as political cudgels, as its threat last month to stop vaccine trade between Ireland and Northern Ireland demonstrated!

Социальная составляющая являет собой наиболее сильное контролирующее движение экономики. Под давлением извне, со стороны политических сил других стран, рынок способен уменьшаться (*shrinking*), что свидетельствует о присущей ему «вещественности» – способности менять форму. Таким образом, выстраивается оппозиция «слабый рынок» – «сильная политическая власть». Далее при помощи метафоры *cudgels* 'дубинки' степень контроля государственных сил несколько

¹ Access to the EU Financial-services Market is not Worth the Price. The Economist. 2021. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2021/02/06/access-to-the-eu-financial-services-market-is-not-worth-the-price> (accessed 07 February 2024).

гиперболизируется. Происходит пересечение когнитивных полей сразу трех концептуальных метафор: преступление и наказание, рынок как механизм, социум. Следует также заметить, что применение методов осуществления «насильственного» контроля над торговыми отношениями, как правило, исключает возможность ведения переговоров между сторонами конфликта. Следовательно, в контекстах такого рода концептуальная метафора ‘Markets is a conversation’ не только не может функционировать, но и полностью отрицается, поскольку решения о ценообразовательной политике принимает не сам рынок, а государственные структуры.

Природоморфная метафора

All this has restored a measure of calm to the bond market. Ten-year Treasury yields are inching upwards again, having fallen back to 1.4%. The equity market is choppy, but that might be expected after such a long run-up in prices. You could put the events of last week down to “technical issues”, the catch-all explanation for many a financial-market scare. But that would be a little too sanguine. Episodes in which trading liquidity suddenly dries up seem to be becoming more frequent in the Treasury market. These sorts of scares will recur. Inflation is the bogeyman of financial markets. A whole constellation of expensive assets depends on its quiescence. No one can yet be confident that it will stay subdued. Further bouts of bond-market jitters are likely before the year is out¹.

Актуализация природоморфной метафоры в контексте рыночных отношений может наблюдаться в употреблении слов: *choppy, calm, yields, bogeyman, constellation, dry up*. Изменчивость рынка является его неотъемлемой чертой (*choppy, fall back, a long run-up in prices, dry up, stay subdued*), следовательно, в ситуациях рыночной нестабильности участники торговых отношений испытывают всю палитру чувств: от восторженной радости до страха, граничащего с безумием (*calm, scare, sanguine, quiescence, confident, bouts of bond-market jitters*). Ассоциации рынка с силами природы делают его невероятно могущественным и наделяют его правом влиять (*bogeyman*) на психическое состояние участников торгового

¹ Get Ready for More Bond Market Scares. The Economist. 2021. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/03/01/get-ready-for-more-bond-market-scares> (accessed 07 February 2024).

обмена. Результативность / прибыльность (*yields, constellation of expensive assets*) рыночного взаимодействия, однако, оценивается в периоды «затишья» (*measure of calm, quiescence*).

*America has unleashed vast subsidies*¹.

В ситуациях свободной торговли (*free-market rules*) авторы статьи употребляют термин *unleash*, что роднит рынок с животным и является примером природоморфной метафоры (в частности, зооморфной) [13]. Более того, данная лексема несет в себе коннотативный компонент оценки и указывает на всеобъемлющий размах экономических реформаций. Однако автор статьи вскользь делает замечания о нецелесообразности таких масштабных преобразований – в том же абзаце видна его субъективная оценка: *these are laced with requirements that production should be local*². Таким образом, строится бинарная оппозиция, в основе которой лежат понятия «vast» – «local».

Артефактная метафора

*Tightening of monetary policy*³ – в случаях, когда наблюдается добавление окончания *-ing* к основе глагола, а тоже время происходит превращение глагольной метафоры в субстантивную. При этом акцентируется внимание читателя на том, что рыночные механизмы описываются с помощью артефактной метафоры 'Market is a mechanism', поскольку первое значение лексемы *tighten* – 'затянуть посильнее, закрепить', обычно встречается в ситуациях, когда необходимо приложить усилие и плотно закрыть предмет. Например, *to tighten a lid / screw / rope / knot*.

*India's property market is ready for take-off*⁴.

Признаки артефактной метафоры можно выделить и в следующем контексте журнала. Сравнение рынка с самолетом, готовым к вылету (*take-off*), выдает позитивный

¹ The Destructive New Logic that Threatens Globalization. The Economist. 2023. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2023/01/12/the-destructive-new-logic-that-threatens-globalisation> (accessed 07 February 2024).

² Ibid.

³ Lots of investors think inflation is under control. Not so fast. The Economist. 2023. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2023/02/16/lots-of-investors-think-inflation-is-under-control-not-so-fast> (accessed 07 February 2024).

⁴ India's Property Market is Ready for Take-off. The Economist. 2023. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/09/14/indias-property-market-is-ready-for-take-off> (accessed 07 February 2024).

настрой государственных деятелей в отношении будущего в сфере недвижимости. Однако содержание самого медиатекста словно ставит своей задачей несколько «охладить» пыл индийского правительства.

*Pessimism about the labour market is overdone. The labour market is resilient, even after Covid-19*¹.

Зачастую лид журнальной статьи позволяет уточнить характер метафорического оформления содержания медиатекста. Так, вышеприведенные предложения, первое из которых является заголовком статьи, а второе ее «шапкой», связаны друг с другом на основе антитезы «pessimism» – «resilience». Рассматривая данные примеры по отдельности, можно заметить как антропоморфические, так и артефактные характеристики рынка, так как лексема *resilient* ‘устойчивый, упругий, жизне-радостный’ может сочетаться и с одушевленным и неодушевленным лицом. В сочетании друг с другом заголовок и лид актуализируют социальную метафору, что можно заметить и в самом тексте статьи: *to shelter* ‘приютить, укрыть’, *trade-off* ‘компромисс’, *offer jobs* ‘предоставлять рабочие места’.

*The world's most important financial market is not fit for purpose*².

Структура *to be fit for* ‘быть подходящим, соответствовать’ подразумевает, что элемент, выступающий субъектом предложения, является вещью – неодушевленным предметом. Отсылка на несоответствие рынка определенным требованиям ведет к концепции того, что существуют силы, контролирующие процесс его роста и развития. Следует отметить, что система мер экономического регулирования распространяется также и на самые влиятельные институты (*the world's most important financial market*). Продолжая тему объективации рыночных операций, можно расширить список лексем в рамках концептуальной метафоры ‘Market is a mechanism’. Так, в данной статье при описании ситуации внутри страны корреспондент намекает на ее нестабильность (*to change hands*), хаос (*to help ease market chaos*), невозможность качественного продвижения вперед (*the Treasury market seizes up*

¹ Pessimism About the Labour Market is Overdone. The Economist. 2021. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2021/04/08/pessimism-about-the-labour-market-is-overdone> (accessed 07 February 2024).

² The World's Most Important Financial Market is not fit for Purpose. The Economist. 2022. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/10/06/the-worlds-most-important-financial-market-is-not-fit-for-purpose> (accessed 07 February 2024).

again), одновременно с этим он делает замечание о попытках наладить механизмы рынка (*to fix the market*). Субъективное отношение автора текста к необдуманым антикризисным мерам, безусловно, отрицательное: *any grand plans ... cannot be implemented on the fly, regulators failed to fix, the problem is not a shortage of plausible reforms*¹.

*Denmark's property market is built on rickety foundations*².

Интересным с точки зрения построения является заголовок статьи о состоянии рынка недвижимости Дании, благодаря словосочетанию *on rickety foundations* 'на зыбком основании' актуализируется метафора 'Market is a house'. Однако в другом примере, взятом из данной статьи: *The Danish government, while insisting that the market is sound, is not taking chances*, – метафорическое содержание фразы выражается в описании состояния «здоровья» рынка ('Market is a human being', 'Market is an organism').

Обсуждение и выводы

Существуют различные способы реализации концептуальной метафоры с лексемой 'market' в экономическом дискурсе: с помощью глагольных и субстантивных лексем. Особенности репрезентации моделей антропоморфной метафоры позволяют понять эмоциональное состояние покупателей, продавцов, инвесторов на рынке (*ambitious, buoyant, to behave oddly, strangely oblivious, forward-looking*), определить стадию его развития (*healthy, sound, at risk, revival*) и оценить перспективы дальнейшего развития. Метафоры, сближающие образ рынка с обществом людей, представляют рынок как единый организм или иерархическую систему связей людей друг с другом. Сущность экономических отношений в моделях природоморфной метафоры предстает или в виде животного, которого «пустили с привязи» (*unleashed*), или в образе неумной, нестабильной природной стихии. Особенности артефактной метафоры выражаются в том, что в ее семантическую структуру закладывается некоторое ожидание

¹ The World's Most Important Financial Market is not fit for Purpose. The Economist. 2022. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/10/06/the-worlds-most-important-financial-market-is-not-fit-for-purpose> (accessed 07 February 2024).

² Something Rotten. The Economist. 2014. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2014/04/19/something-rotten> (accessed 07 February 2024).

от рынка: соответствие цели (to be fit for purpose), устойчивость (resilience), направленность вверх (take-off).

Некоторые контексты являют собой соединение нескольких метафорических полей, например, 'Market is a mechanism', 'Market is a conversation'. В качестве упрочнения данных, полученных в рамках интерпретации словосочетаний с переносным значением, целесообразным будет выявить места пересечения концептуальных метафор, которые могут быть зафиксированы как слоты фрейма 'market' и определить, какие из данных соединений являются наиболее часто встречающимися.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32. EDN: YZAPV.
2. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 11–16. EDN: OZMWHT.
3. Глушкова Т. С., Матиенко О. П. Экономические метафоры с ключевыми лексемами «цена» и «рынок» в текстах современных российских медиа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 57–65. EDN: JFWIU.
4. Заварзина Г. А. Особенности функционирования концепта «Рынок» в сфере российского государственного управления начала XXI века // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 197–201. EDN: ORIJZL.
5. Королева В. В., Румянцева М. С. Структурно-семантические особенности глагольно-объектных конструкций в английском языке (на примере словосочетаний с лексемой *market*) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 204–214. EDN: NEYBZX.
6. Королева В. В., Румянцева М. С. Экспликация содержания концепта «рынок» в различных моделях синтаксических конструкций (На материале публицистического текста) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 4. – С. 51–59. EDN: AFFIИ.
7. Королева, В. В., Румянцева М. С. Языковая репрезентация концепта «market» в атрибутивных конструкциях (на материале британского публицистического текста) // Этническая культура. – 2023. – Т. 5. – № 2. – С. 43–47. EDN: LEEGIP.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. EDN: RAZLVP.
9. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ.; под редакцией и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. EDN: QRAADX.
10. Науменко Л. П. Субординаційний концепт "market" у сучасному англомовному бізнес-дискурсі // Наукові студії – XXI. Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка. – 2014. – Т. 6, № 4. – С. 95–108. EDN: VONPRT.
11. Панкратова С. А. Метафорическое осмысление когнитивных концептов в терминах фреймовой семантики // Известия ВГПУ. – 2010. – № 10(54). – С. 28–32. EDN: MVZUQZ.
12. Черняк В. Д., Парышева Е. В. Рынок и базар в зеркале антропоцентрически ориентированных словарей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2020. – № 198. – С. 161–170. EDN: QNYJDU.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. – 238 с. EDN: QCNXVI.

14. Юдина О. Л. Морбиальная метафора в российском и британском управленческом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 119. – С. 254–258. EDN: KWFJSZ.

15. Carmel Heah, Sujata S. Kathpalia. Conventional and Culture-Specific Metaphor in Singapore Financial Discourse // ESP Across Cultures. – 2013. – Vol. 10. – Pp. 127–145.

16. Michelle Gaisoa-Issa, Mihaela Vasiloaia. Metaphors Business Linguistic Culture Lives By // Economy Transdisciplinarity Cognition. – 2011. – Vol. XIV. Issue 1. – Pp. 231–240.

17. Silja Graupe, Theresa Steffestun. “The market deals out profits and losses” – How Standard Economic Textbooks Promote Uncritical Thinking in Metaphors // Journal of Social Science Education. – 2018. – Vol. 17. – № 3. – Pp. 5–18.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Vera V. Koroleva, Marina S. Rumyantseva

The Interpretive Function of a Conceptual Metaphor With a Lexeme ‘Market’ in English Economic Discourse (Based on the Articles by *The Economist*)

The article discusses options for the representation of conceptual metaphors ‘Market is a human being’, ‘Market is an organization’, ‘Market is a mechanism’, ‘Markets is a conversation’, etc. in the field of economic political discourse. The purpose of the study is to study the structural and semantic features of phrases that contain a figurative meaning, and the interpretative possibilities of the metaphors selected for the work. The research material was the contexts of articles in The Economist magazine for 2014–2024. The list of research methods covers the method of continuous sampling, content analysis, cognitive, component and logical analysis. The relevance of the study is due to the lack of data in linguistic theory on the relationship between the semantic and structural composition of conceptual metaphors with the lexical element ‘market’. As a result of the study, a possible classification of the contexts of the use of economic realities was proposed in accordance with the existing typology of metaphors: anthropomorphic, naturomorphic, sociomorphic, artefact. The author’s conclusions about the role of metaphor in the categorization of objective reality are presented, and the potential of metaphorization in the process of developing economic knowledge in a highly competitive environment and the predominance of supply over demand is studied.

Key words: concept, conceptual metaphor, interpretation, anthropomorphic, naturomorphic, sociomorphic, artefact, economic discourse, content analysis, logical analysis.

For citation: Koroleva, V. V., Rumyantseva, M. S. (2024) Interpretiruyushchaya funktsiya kontseptual’noy metafory s leksemoy ‘market’ v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse (na materiale statey zhurnala «The Economist») [The Interpretive Function of a Conceptual Metaphor With a Lexeme ‘Market’ in English Economic Discourse (Based on the Articles by The Economist)]. Art Logos – The Art of Word. No. 3. Pp. 176–193. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_176. EDN: JLRVCU

References

1. Arutyunova, N. D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. Teoriya metafory [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ. Pp. 5–32. EDN: YJZAPV. (In Russian).

2. Boldyrev, N. N. (2011) Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [The interpretive function of the language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. No. 33 (248). Pp. 11–16. EDN: OZMWHT. (In Russian).

3. Glushkova, T. S., Matiyenko, O. P. (2022) Ekonomicheskiye metafory s klyuchevymi leksemami 'tsena' i 'rynok' v tekstakh sovremennykh rossiyskikh media [Economic metaphors with the key tokens 'price' and 'market' in modern Russian media texts]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya – Russian Journal of Social Sciences and Humanities*. Vol. 16. No. 3. Pp. 57–65. EDN: JFWIU. (In Russian).

4. Zavarzina, G. A. (2011) Osobennosti funktsionirovaniya kontsepta 'Rynok' v sfere rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya nachala XXI veka [Peculiarities of functioning of concept "market" in the field of Russian public administration in the beginning of the XXI century]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*. No. 4. Pp. 197–201. EDN: ORIJZL. (In Russian).

5. Koroleva, V. V., Rummyantseva, M. S. (2023) Strukturno-semanticheskiye osobennosti glagol'no-ob'yektnykh konstruktsey v angliyskom yazyke (na primere slovosochetaniy s leksemoy market) [Structural and semantic features of verbobject constructions in English (on the example of phrases with the lexeme market)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 204–214. EDN: NEYBZX. (In Russian).

6. Koroleva, V. V., Rummyantseva, M. S. (2023) Eksplikatsiya soderzhaniya kontsepta «rynok» v razlichnykh modelyakh sintaksicheskikh konstruktsey (Na materiale publitsisticheskogo teksta) [Explication of the content of the concept 'market' in different models of syntactic structure (based on the publicistic text)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*. Issue 4. Pp. 51–59. EDN: AFFIIH. (In Russian).

7. Koroleva, V. V., Rummyantseva, M. S. (2023) Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «market» v atributivnykh konstruktseyakh (na materiale britanskogo publitsisticheskogo teksta) [Linguistic representation of the concept "market" in attributive structures (based on the British publicistic text)]. *Etnicheskaya kul'tura – Ethnic culture*. Vol. 5. No. 2. Pp. 43–47. EDN: LEEGIP. (In Russian).

8. Kubryakova, E. S. (2004) Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochkoi zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. EDN: RAZLVP. (In Russian).

9. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS Publ. EDN: QRAADX. (In Russian).

10. Naumenko, L. P. (2014) Subordinatsionnyy kontsept "market" u suchasnomu anglo-movnomu biznes-diskursi [Subordination concept "market" in modern English-language business discourse]. *Naukovi studii-XXI. Filosofiya. Filologiya. Pedagogika. Ekonomika – Science researches-XXI. Philosophy. Philology. Pedagogics. Economics*. Vol. 6. No. 4. Pp. 95–108. EDN: VONPRT. (In Russian).

11. Pankratova, S. A. (2010) Metaforicheskoye osmysleniye kognitivnykh kontseptov v terminakh freymovoy semantiki [Metaphoric understanding of cognitive concepts in the terms of frame semantics]. *VSPU News – Izvestiya: Volgograd State Pedagogical University*. No. 10 (54). Pp. 28–32. EDN: MVZUQZ (In Russian).

12. Chernyak, V. D., Parysheva, E. V. (2020) Rynok i bazar v zerkale antropotsentricheskii oriyentirovannykh slovarey [Definitions of ryok (market) and bazar (bazaar) in anthropocentric dictionaries]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 198. Pp. 161–170. EDN: QNYJDY (In Russian).

13. Chudinov, A. P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor]. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet. EDN: QCNXBJ. (In Russian).

14. Yudina, O. L. (2009) Morbial'naya metafora v rossiyskom i britanskom upravlencheskom diskurse [Morbial metaphor in the Russian and British managerial discourse]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 119. Pp. 254–258. EDN: KWFJSZ. (In Russian).

15. Carmel Heah, Sujata S. Kathpalia (2013) Conventional and Culture-Specific Metaphor in Singapore Financial Discourse. *ESP Across Cultures*. Vol. 10. Pp. 127–145.

16. Michelle Gaisoa-Issa, Mihaela Vasiloaia (2011) Metaphors Business Linguistic Culture Lives By. *Economy Transdisciplinarity Cognition*. Vol. XIV. Issue 1. Pp. 231–240.

17. Silja Graupe, Theresa Steffestun (2018) “The market deals out profits and losses” – How Standard Economic Textbooks Promote Uncritical Thinking in Metaphors. *Journal of Social Science Education*. Vol. 17. No. 3. Pp. 5–18.

Об авторах

Королева Вера Владимировна, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор филологических наук, доцент (г. Владимир, Российская Федерация); E-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Румянцева Марина Сергеевна, ассистент Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (г. Владимир, Российская Федерация); E-mail: marinarum21051@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-6925-1887

About the Authors

Koroleva Vera V., Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Doctor of Philology (Vladimir, Russian Federation); E-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Rumyantseva Marina S., Assistant, the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation); E-mail: marinarum21051@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-6925-1887

дата получения: 04.05.2024 г.
дата принятия: 30.06.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 04 May 2024
of acceptance: 30 June 2024
date of publication: 30 September 2024

Л. А. Гаспарян

Специфика культурного трансфера в переводе

В статье освещается теория «культурного трансфера», которая была представлена французским компаративистом Мишелем Эспанем в 1980-х г. Концепция стала ключевой в сфере теории перевода, сравнительном литературоведении и в целом в гуманитарных науках. Обозначается спектр вопросов, связанных с изучением специфики художественного перевода через призму культурного трансфера в плане сопоставительного изучения русских и армянских переводов романов Ч. Диккенса. В творчестве британского автора широко представлены реалии викторианской эпохи, которые трансформировались или контекстуально «преломлялись» в другие социокультурные реалии и в русских, и в армянских переводах. По теории М. Эспаня, текст перевода так же легитимен, как и оригинал: перевод мировой литературы есть процесс возрождения и обновления культурной жизни данного народа. Делается вывод о том, что социокультурный контекст оригиналов данного периода существенно видоизменяется в ином социокультурном и геополитическом узусе на уровне микро- и макроконтэкстов.

Ключевые слова: Ч. Диккенс, социокультурной и геополитической узус, М. Эспань, культурный трансфер, перевод на русский и армянский языки, теория «скопоса».

Для цитирования: Гаспарян Л. А. Специфика культурного трансфера в переводе // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 194–205. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_194. EDN: ATPKLV

Мысли о переводческой деятельности формировались с древних времен в работах античных мыслителей, таких как Геродот, Квинтилиан, Цицерон, Гораций, Августин и др., которые пытались дать определение искусству перевода, отмечая его значимую роль в мировой цивилизации. Ключевые моменты искусства перевода находятся на повестке дня и по сей день, представляя принципы и закономерности «совершенного» перевода. Тем не менее, в критическом плане сложились неоднозначные и даже противоречивые

позиции касательно основополагающей концепции перевода и членов триады автор (текст оригинала) – переводчик (текст перевода) – читатель [10]. Дальнейшие наблюдения в сфере теории перевода и ее междисциплинарных отношений (Cultural Studies) выявили инновационные методологические механизмы культурного трансфера (понятие введено французским теоретиком Мишелем Эспанем) и культурного поворота (понятие введено немецким теоретиком Дорис Бахманн-Медик) [1]. Эффективность, а также растущая популярность метода «культурного трансфера» привели к распространению данного подхода на междисциплинарные исследования, охватывающие такие области, как социология литературы, сравнительная история искусства и науки, культурология. Культурный трансфер является новым объектом, методом исследования и сравнения, соположения, выявления параллелей между культурами [3]. Но далеко не все возможно сравнить – необходимо иметь общую фундаментальную почву, которая отсылает к забытому коллективному подсознанию (collective subconsciousness), а также к поливалентной общности людей, проясняя действующие механизмы диссимилиации и ассимиляции и очерчивая концепцию исторической семантики (межкультурного контекста понятий). Под исторической семантикой М. Эспань подразумевает чужеродные понятия и семантические сдвиги, новые смыслы, а также лингвистическую кристаллизацию понятия – факторы, которые превосходно демонстрируют концепцию культурного трансфера [5, с. 39–41].

В центре исследования – выявление «культурного трансфера» в армянских и русских переводах произведений классика викторианской эпохи Чарльза Диккенса.

Материалы и методы

Литературная репутация Диккенса, автора викторианской эпохи, достигла широкого распространения при его жизни, в частности, он был известен в русском и армянском литературном мире через переводы его творчества. Интересно, что в подавляющем большинстве ранние армянские переводы были сделаны или с русского языка – как языка посредника или же при сопоставлении русских переводческих

текстов. Романы Ч. Диккенса переводились и опубликовывались в Шуши (1891 г.), в Александрополе (1894 г.), в Тбилиси (1896–1897 гг.), в Каире (1892 г.), в Баку (1898 г.) и в ряде других городов мира, где была армянская диаспора, армянские образовательные центры и типографии. В ранних переводах произведений Диккенса на армянский или русский языки его тексты либо были сокращены и видоизменены, либо подвергались определенной цензуре в силу намерений переводчика или социокультурных реалий [14]. Уже в советский период русские и армянские переводы были выполнены на более высоком филологическом уровне.

В статье впервые предпринимается попытка проанализировать процесс культурного трансфера британской литературной классики в армянских и русских переводах романов Ч. Диккенса. Сравнительный метод основан на выявлении социо- и лингвокультурного аспекта повествования. Для сравнения оригинала с русским и армянским переводами были выбраны наиболее яркие отрывки из романов Диккенса, которые имеют культурные маркировки и / или оттенки, для выявления механизмов «культурного трансфера», а также концепции «преломления» культурного контекста в переводе. Связь оригинала и перевода многослойна – оба текста динамичны и являются открытыми системами. Методологической основой исследования является теория и методология культурного трансфера, однако для всестороннего анализа применяются также традиционные для сравнительного литературоведения методики сопоставительного, текстологического и контекстуального анализа.

Результаты

Теория и методология «культурного трансфера» была предложена и разработана французским компаративистом М. Эспанем в 1980-х гг. при аналитическом сопоставлении франко-немецких литературных связей. Далее сформулированная на материале филологических и литературоведческих исследований теория «культурного трансфера» стала применяться при описании и анализе различных политических и культурных взаимосвязей в контексте всей Европы (Франция, Германия, Россия, Италия, англоязычные стра-

ны, страны Центральной и Восточной Европы и др.), а также в азиатских странах.

М. Эспань отмечает вклад переводчиков в процесс «культурного трансфера», в частности, когда речь идет о переводе мировой литературы как о процессе постоянного обмена мировой культуры: иными словами, трансфер представляет собой динамичный процесс «экспорта» и «импорта». Одна из аксиом изучения «культурного трансфера» через призму переводоведения заключается в том, что перевод может восприниматься так же легитимно, как и оригинал, а понятие «аутентичность оригинала» не является константным и подлежит воссозданию и интерпретации [5].

Таким образом, в настоящей работе обозначается спектр вопросов, связанных с изучением специфики художественного перевода в свете некоторых аспектов развития перевода в XX–XXI вв. с целью выявления ситуации культурного трансфера через призму армяно-русско-британского треугольника [2; 11; 14].

Итак, для теории перевода ключевое значение представляет культурный подход – культурный трансфер, что предполагает переплетение культурологических элементов или реалий исходного текста с целевым текстом. Это концепция приводит к предположению, что оригинал художественной литературы и его перевод могут весьма существенно отличаться друг от друга не только в плане лингвостилистических и культурологических особенностей, но и в рамках намерения – интенции переводчика. Эквивалентность перевода в этой теории – не главная цель. Подход интенции переводчика или скопоса (σκόπος – от греч. цель) всесторонне описан Г. Вермером [10], согласно которому, любая форма переводческой деятельности и сам перевод (прямой или опосредованный) имеют цель – намерение [12–13]. Основной принцип теории скопоса заключается в том, что переводчик должен знать и точно указать намерение передачи оригинала (оно может быть социальным, политическим, эстетическим, психологическим и т. д.), иметь в виду предполагаемую аудиторию или целевых читателей (перевод для детей, взрослых, профессионалов, любителей и т. д.), а также очерчивать рамки реализации стратегии и грамотной интерпретации интертекстуальных и внетекстовых факторов объективной реальности.

Являясь неотъемлемой частью культуры, как научный, так и художественный текст построен на идейно-когнитивной рецепции конкретного общества. Таким образом, не следует ожидать, что перевод – это просто процесс «перекодирования» исходного текста или транспонирования оригинала на другой язык.

Жизненная одиссея героев Ч. Диккенса многогранна: в словесном творчестве Диккенс воссоздает в романах социально-психологические ситуации, опираясь на антропологический реализм и представляя коннотации индивидуальной трагедии человека в период викторианской эпохи [8], поэтому он стал в Англии очень печатаемым популярным автором [7; 9]. Творчество Диккенса было созвучно художественным поискам русских писателей XIX века, что обусловило популярность произведений Диккенса в России и многочисленность переводов его романов [4]¹. Российские исследователи отмечают, что переводческие стратегии помогли формировать литературную репутацию Диккенса в России [2]². Так, стратегия первых переводов, ориентированных на комический динамический сюжет без передачи национальных деталей и авторского стиля, закрепила за Диккенсом «репутацию модного беллетриста, при которой высокая популярность сочетается с весьма низким культурным статусом»³. Но диккенсовское умение «рисовать» внешние и внутренние характеристики персонажей, создавать карикатурные портреты и глубокие психологические описания заставили критиков всесторонне проанализировать творчество писателя и признать его талант⁴.

При изучении механизма «культурного трансфера» в переводах ключевую роль имеет текст перевода: культурно-маркированные реалии (на уровне микроэлемента и макротекста) оригинала переносятся на целевую культуру, где

¹ Гредина И. В. Восприятие Диккенса в России (1860–1880 гг.): На материале русской и англоязычной критики: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 222 с.; Кондарина И. В. Рецепция романистики Ч. Диккенса в России в 1850–1950-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 189 с.

² Воровская Ф. А. Образные средства в романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса: Сопоставительный анализ языка подлинника и переводов: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 170 с.; Сорокина Е. В. Особенности переводов реалий художественного текста: на материале переводов романа Ч. Диккенса «Домби и сын»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 170 с.

³ Костионова М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования: русские переводы романа Ч. Диккенса "Записки Пиквикского клуба": автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 14–15.

⁴ Там же. С. 9.

возможны случаи интерпретационного «преломления» контекста в силу ценностей принимающей культуры.

Последующий пример наглядно показывает «преломление» контекста на основании экстратекстуальных факторов с опорой на исторические события. Данный пример взят из романа Диккенса «Дэвид Копперфилд», который переводился многими русскими переводчиками, однако каноническим вариантом является перевод Александры Кривцовой и Евгения Ланна (издан в 1952 году и выдержал более 20 переизданий). На армянский язык роман был переведен Филиппосом Варданяном (Баку, 1898 г. – I том; Тифлис – II и III тома). В этом же году Перч Прошян (псевдоним армянского писателя и переводчика Ованеса Степановича Тер Аракеляна) создал сокращенный вариант романа для юных читателей (Тифлис, 1897 г.).

Пример «культурного трансфера»:

«It was not in the coffee-room that I found Steerforth expecting me, but in a snug private apartment, **red-curtained and Turkey-carpeted**, where the fire burnt bright, and a fine hot breakfast was set forth on a table covered with a...»¹.

«Стирфорта я застал не в общей зале, а в уютном отдельном кабинете с красными портьерами и **турецким ковром**; в камине ярко пылал огонь, на столе, накрытом белоснежной скатертью, был приготовлен прекрасный горячий завтрак, а в маленьком круглом зеркале над буфетом отражались в миниатюре и веселая комната, и камин, и завтрак, и Стирфорт»².

«Սակայն Ստիրֆորթը սեղանատան սրահում չէր, այլ կարմիր վարագույրներով ու **պարսկական գորգերով** զարդարուն մի շատ շքեղ սենյակի մեջ, ուր վառարանի պայծառ բոցը ջերմ լույս էր տարածում և ձյունափայլ սեղանի վրա մի ընտիր նախաճաշ էր պատրաստված»³.

Находясь в доме своего старого друга Джеймса Стирфорта, Дэвид Копперфилд описывает предметы в комнате, в том числе ковры. Если в русском переводе есть эквивалентная трансформация словосочетания ‘turkey carpeted’ – турецкий ковер,

¹ Цитата приводится по изданию: Charles Dickens. David Copperfield. Электронный ресурс. URL: <https://liteka.ru/english/library/109-david-copperfield>. (дата обращения: 01.04.2004).

² Цитата приводится по изданию: Чарльз Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим (I–XXIX). Электронный ресурс. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_0092_david_copperfield-lshtml. (дата обращения: 01.04.2004).

³ Цитата приводится по изданию: Քրիստիանոսի. Электронный ресурс. URL: https://grapharan.org/Դավիթ_Շուպերֆիլդ#.D4.B2.E2.80.A4_.D5.A3.D5.AC.D5.B8.D6.82.D5.AD (дата обращения: 01.04.2004).

то в армянском переводе Ф. Варданяна, в силу армяно-турецких исторических и геополитических отношений, фраза переводится иначе, как *սիրւշլշլւն գրգբր* – персидский ковер.

Сравнительное трехстороннее исследование текста на трех языках (английский, русский, армянский) выявило ряд переводческих стратегий и механизмов. В целом, для ранних армянских переводов или пересказов характерны некоторые отклонения или перефразирование, что связано с переводческой нормой и редакционной политикой. Следует отметить, что в пересказах очевидны механизмы пропусков и трансформации, которые приводят к «преломлению» фактов исходной культуры и местами к русификации или арменизации повествования.

В целом, анализ выявил следующую ситуацию трансфера, обобщенную для всех переводов (Таблица 1).

Таблица 1

Примеры видов «культурного трансфера в переводах произведений Ч. Дикенса

Видоизменение ономастики	Транслитерация реалий	Видоизменение реалий	Стратегия замены / пропуска
<ul style="list-style-type: none"> • Fen / Мария / Մարիամ; • Tiny Tim / Матвей / Մաթևոս и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • pudding / пудинг / սրտիկ; • транслитерация с языка-посредника: <i>խալաթ</i> (халат), <i>կանտոն</i> (контора) и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • культурно-религиозных: Christmas / Рождество / <i>Ջորճիսթ</i> и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • пропуск текста: union work-house; treadmill and the poor law; banker's-book; act of parliament и др. • названия улиц, учреждений и др.

Интересна также трансформация фрагментов из Священного Писания, которые косвенно отражаются в переводе или же в переводческих пересказах. Наглядным примером является диалог между Скруджем и молодой девушкой из сказки «Рождественские повести».

Английский вариант: «He was not alone, but sat by the side of a fair young girl in a mourning-dress: in whose eyes there were tears, which sparkled in the light that shone out of the Ghost of Christmas Past.

“It matters little,” she said, softly. “To you, very little. Another idol has displaced me; and if it can cheer and comfort you in time to come, as I would have tried to do, I have no just cause to grieve.”

“What **Idol** has displaced you?” he rejoined.

“**A golden one**”¹.

Русский вариант: «Он был не один. Рядом с ним сидела прелестная молодая девушка в трауре. Слезы на ее ресницах сверкали в лучах исходившего от Духа сияния.

– Ах, все это так мало значит для тебя теперь, – говорила она тихо. – Ты поклоняешься теперь иному божеству, и оно вытеснило меня из твоего сердца. Что ж, если оно сможет поддержать и утешить тебя, как хотела бы поддержать и утешить я, тогда, конечно, я не должна печалиться.

– Что это за **божество**, которое вытеснило тебя? – спросил Скрудж.

– **Деньги**»².

Армянский вариант: «Նա մենակ չէր, այլ նստած էր սգոյ զգեստով մի ջընաղ աղջիկայ կողքին: Նրա արցունքոտ աչքերը փայլեցին Անցեալ Սուրբ Ծննդեան Ուրուականից բխող լոյսից:

– Այս ամէնը քեզ համար արժէք չունի, – մեղմ ձայնով ասաց աղջիկը: – Հիմա դու մէկ այլ պաշտամունք ունես, որն ինձ հանել է քո սրտից: Եւ եթէ ապագայում այն կարող է քեզ ուրախացնել ու մխիթարել, ինչպէս ես կուզէի անել, ուրեմն այլեւս տխրելու պատճառ չունեմ:

– Ի՞նչ **պաշտամունք** է քեզ հանել իմ սրտից, – հարցրեց Սքրուջը:

– **Ոսկու պաշտամունք**»³.

Контекст подчеркивает изменение молодого Скруджа в худшую сторону: его невеста отвергла его, поскольку он был слишком одержим приобретением богатства – идолом золотого тельца, а не духовных ценностей.

Отрывок из романа особенно интересен в плане библейского содержания. Когда Моисей был на горе Синай, народ стал гневаться, и тогда Аарон для успокоения народа сделал

¹ Цитата приводится по изданию: Dickens Ch. Christmas Carol. London: Chapman and Hall. 1843. P. 40.

² Цитата приводится по изданию: Ч. Диккенс. Рождественские повести. Пер. Т. Озерской // Ч. Диккенс. Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 12. С. 43.

³ Цитата приводится по изданию: Չ. Դիկկենս. Սուրբծննդեան երգը. Թարգմ.՝ Արմինե Ասրեանի. Երեւան: ԿԷՄ, 2003. էջ 64 (Ч. Диккенс. Рождественская песня. Пер. с англ. Армине Асрени. Ереван: Вэм, 2003. С. 64).

из золотых украшений золотого тельца – идола, ставшего объектом культа (Исх. 32:4). Идолопоклонничество является грехом. В повествовании Диккенс дает прямую отсылку к Библии, цитируя слова «Idol», «Golden one», которые переведены на армянский язык идентичными словами «սիւնաշունչ», «սիւն»; в русском переводе сохраняется библейский контекст, но с заменой слов («божество» вместо «идол» и «деньги» вместо «золото»).

Обсуждение и выводы

Главный вывод, к которому побуждает проделанный микроанализ, можно сформулировать следующим образом: сопоставительный анализ переводов произведений Ч. Диккенса опирается на парадигму культурного трансфера, а не на разницу лексико-грамматического строя и стилистики языка оригинала и языка перевода. Особое внимание уделяется теории скопоса – интенции переводчиков. Перевод произведений Диккенса представляет процесс «экспорта-импорта» для армянской культуры (через призму русской). В армянских переводах каждая фраза, цитата из Священного Писания имеет свою интенцию: целью армянских переводов не являлась трансмиссия языка и стиля Диккенса и викторианской эпохи в армянскую культуру. Задача была познакомить армянского читателя с модным автором и с тенденциями мировой литературы, а также с помощью сокращенных вольных переводов консолидировать армянский народ в плане религиозно-духовного и культурно-традиционного аспекта. В целом, и русские и армянские переводческие пересказы носят поучительно-духовный и «коммуникативный» характер и преследуют следующие цели: передать суть произведений мировой беллетристики викторианской эпохи; «внедрить» единицы модной тенденции в лингвокультурный опыт иноязычного читателя.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
2. Костионова М. В. Перевод как фактор формирования литературной репутации писателя (на материале ранних русских переводов романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба» // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2014. – № 1. – С. 127–142.
3. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Отв. ред.: Шаин М., Эспань М., Гошенина С., Рапэн К., Берди-муратов А., Гренэ Ф. – Париж-Самарканд: МИЦАИ, 2013. – 313 с.
4. Тайна Чарлза Диккенса (библиографические разыскания) / сост. Е. Ю. Гениева. – М.: Книжная палата, 1990. – 541 с.
5. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с фр.: Дмитриева Е. Е., Голубков А. В., Балакирева Е. М. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.
6. Bloom H. Charles Dickens's A Christmas Carol. – New York: Infobase Learning Company, 2011. – 116 p.
7. Cunningham V. Dickens and Christianity, A Companion to Charles Dickens. David Paroissien (ed). – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – 515 p.
8. Davis P. B. Critical Companion to Charles Dickens. A Literary Reference to His Life and Work. – New York: Facts on File Inc, 2007. – 676 p.
9. Jordan J. The Cambridge Companion to Charles Dickens. – Cambridge: CUP, 2006. – 258 p.
10. Katharina Reiß, Hans J. Vermeer. Grundlegung Einer Allgemeinen Translationstheorie. – Tubingen, 1984. – 253 p. (Linguistische Arbeiten 147).
11. Translation Studies Reader / ed. by S. Gabrielyan. – Yerevan: Sahak Partev, 2007. – 250 p.
12. Vermeer Hans J. Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie // Lebende Sprachen. Zeitschrift für interlinguale und interkulturelle Kommunikation. – 1978. – Vol. 23. – Issue 3. – Pp. 99–102.
13. Vermeer Hans J. Skopos and commission in translational action / Translated by Andrew Chesterman // The Translation Studies Reader. Ed. by Lawrence Venuti. – London & New York: Routledge, 2000. – Pp. 221–232.
14. Փարթամյան Վ. Հայ-անգլիական գրական առնչություններ. Ե.: Հայկական ՍՍՀ ԳԿ Գրիտ, 1975. – 333 էջ. (Партамян В. Армяно-английские литературные связи. – Ереван: Изд-во Армянской ССР, 1975. – 333 с.).

Luiza A. Gasparyan

Specifics of Cultural Transfer in Translation

The article revolves around the theory and method of “cultural transfer” presented by the French comparatist M. Espagne in the 1980s. The concept became the quintessential point implemented in the field of translation theory, comparative literature and in the humanities. Based on the theory of cultural transfer the study outlines the specifics of literary translation within the framework of comparative study of Russian and Armenian translations of Charles Dickens's novels. One cannot fail to observe that Dickens in his verbal creativity widely reverberated the realities of the Victorian era, which were transformed or contextually “refracted” in other sociocultural areal, especially in Russian and Armenian translations. According to the theory of M. Espagne, the translation text is as legitimate as the original, as the translation of world literature is a process of revival and renewal of the cultural – literary life of a given nation. It is concluded that the sociocultural context of British literature of Victorian period is significantly modified in a different sociocultural and geopolitical context (in this case translation) at the micro- and macro-contextual levels.

Key words: Charles Dickens, sociocultural and geopolitical usus, M. Espagne, cultural transfer, Russian and Armenian translations, “skopos” theory.

For citation: Gasparyan, L. A. (2024) Specifika kul'turnogo transfera v perevode [Specifics of Cultural Transfer in Translation]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 194–205. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_194. EDN: ATPKLV

References

1. Bahmann-Medik, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural Turns: New Directions in Cultural Sciences] per. s nem. S. Tashkenova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).
2. Kostionova, M. V. (2014) *Perevod kak faktor formirovaniya literaturnoi reputacii pisatelya (na materiale rannih russkikh perevodov romana CH. Dikkensa «Zapiski Pikvickso-go kluba»* [Translation as a factor in the formation of a writer's literary reputation (based on the early Russian translations of Charles Dickens' novel *The Pickwick Papers*)] *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of Moscow University*. Ser. 22. Teoriya perevoda. No. 1. Pp. 127–142. (In Russian).
3. SHain Mustafaev, Mishel' Espan', Svetlana Gorshenina, Klod Rapen, Amridin Berdimuradov, Franc Grene (2013) (eds.) *Kul'turnyj transfer na perekrestkah Central'noj Azii: do, vo vremya i posle Velikogo shelkovogo puti* [Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During and After the Silk Road]. Parizh-Samarkand: MICAI Publ. (In Russian).
4. Genieva, E. YU. (1990) (ed.) *Tajna CHARlza Dikkensa (bibliograficheskie razyskaniya)*. Moscow: Knizhnaya palata Publ. (In Russian).
5. Espan', M. (2018) *Istoriya civilizacii kak kul'turnyi transfer* [The history of civilizations as a cultural transfer]; per. s fr.: Dmitrieva E. E., Golubkov A. V., Balakireva E. M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).
6. Bloom, H. (2011) *Charles Dickens's A Christmas Carol*. New York: Infobase Learning Company.
7. Cunningham, V. (2008) *Dickens and Christianity, A Companion to Charles Dickens*. David Paroissien (ed). Oxford: Blackwell Publishing.
8. Davis, P. B. (2007) *Critical Companion to Charles Dickens. A Literary Reference to His Life and Work*. New York: Facts on File Inc.
9. Jordan, J. (2006) *The Cambridge Companion to Charles Dickens*. Cambridge: CUP.
10. Katharina Reiß, Hans J. Vermeer (1984) *Grundlegung Einer Allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen. (Linguistische Arbeiten 147). (In German).
11. Gabrielyan, S. (2007) (ed.) *Translation Studies Reader*. Yerevan: Sahak Partev Publ.
12. Vermeer, Hans J. (1978) Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie. *Lebende Sprachen. Zeitschrift für interlinguale und interkulturelle Kommunikation*. Vol. 23. Issue 3. Pp. 99–102. (In German).
13. Vermeer, Hans J. (2000) Skopos and commission in translational action, translated by Andrew Chesterman. *The Translation Studies Reader*. Ed. by Lawrence Venuti. London & New York: Routledge. Pp. 221–232.
14. Partamyan, V. *Armenian-English literary connections*. Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR. (In Armenian).

Об авторе

Гаспарян Луиза Ареговна, научный сотрудник Института литературы им. М. Абегиана Национальной Академии наук кандидат филологических наук (Ереван, Армения); E-mail: luisa.gasparyan83@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6023-2861

About the Author

Gasparyan Luiza A., Research Associate, Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences, PhD in Philology (Yerevan, Armenia); E-mail: luisa.gasparyan83@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6023-2861

дата получения: 02.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 02 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

Δ ИСКУССТВА

Е. А. Цуканов

Карикатура как форма гностической деструкции бытия: массмедийный аспект

В статье делается попытка обоснования идеи сочетаемости древних деструктивных учений (в форме гностицизма) с современными медиапрактиками, поставившими на вооружение карикатуру как одну из разновидностей комического, направленную на принудительную деформацию образа реальности. Данная постановка проблемы, на взгляд автора, может значительно углубить наши представления о подлинной природе массмедиа как инструменте борьбы не с отдельными недостатками действительности, а с самой действительностью, что подтверждается применявшейся в работе методологией, базирующейся на историко-генетическом и герменевтическом подходах к исследованию. Констатируется, что в пространстве средств массовой информации апробируются гностические стратегии, которые имеют деформационно-филологическую специфику, что выражается в деструктивных методологических установках как отдельных журналистов, так и редакционных коллективов.

Ключевые слова: смех, комическое, карикатура, гностицизм, гнозис, бытие, реальность, публичный дискурс, массмедиа.

Для цитирования: Цуканов Е. А. Карикатура как форма гностической деструкции бытия: массмедийный аспект // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 208–217. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_208. EDN: BHDWGV

«Ирония – вещь на самом деле довольно серьезная» [7, с. 365]. Карикатура как литературный и публицистический прием всегда пользовалась заслуженным вниманием авторов и исследователей. Известными профессиональными карикатуристами были Аристофан и Лукиан, Свифт и Рабле, Гоголь и Салтыков-Щедрин, Булгаков и Зощенко. Принято считать [1, с. 26–27], что карикатура задействуется как благородное воспитательное средство борьбы с негативными явлениями социальной и политической жизни, имевшими место в различные исторические эпохи от ан-

тичности и средневековья до нового и новейшего времени. Сатирически-обвинительный пафос карикатуры обычно хорошо принимается аудиторией в силу удивительно приятного характера самой эмоции смеха, вызываемой карикатурой, и желания публики получить психологическую компенсацию от попрапия порока, хотя бы и в знаково-символическом поле. Однако можно утверждать, что дела с карикатурой обстоят вовсе не так просто, как кажется на первый взгляд.

Материалы и методы

В этом нас убеждает минимальный опыт философско-культурологического анализа, предпринятый в отношении данного явления.

Карикатура, согласно В. Шестакову, – это «рисунок, изображающий кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде. Само слово «карикатура» происходит от итальянского caricare – заряжать. Видимо, – констатирует теоретик, – имеется в виду, что она «заряжена» особым юмором, который должен «выстрелить», чтобы доказать свою эффективность» [14, с. 9]. А. В. Дмитриев и А. А. Сычев добавляют, что карикатуре свойственна злость и ироническая ядовитость [4, с. 274]. В свою очередь, Л. В. Карасев отмечает двойственную суть феномена комического вообще, – с которым тесно связана процедура окарикатуривания: в зависимости от случая, – пишет он, – смех может указывать «то в сторону добра, то в сторону зла» [6, с. 39]. Впрочем, Л. В. Карасев в своей работе выступает с позиции защиты смеха от его огульных обвинений в родстве со злом, имея в виду зло евангельское, исходящее, как известно, от «отца всякой лжи и врага рода человеческого» – дьявола. Однако помимо христианской интерпретации природы и источников зла, в истории человеческой культуры имеются альтернативные версии. И может оказаться, что генезис комического со всеми его формами, включая карикатуру, необходимо вести из другого, более инфернального источника [11]. Этот парадокс будет обоснован в нашей работе далее. А здесь подытожим, что карикатура, во-первых, есть способ деформации реальности (подача мира наперекосы), не обязательно, кстати, через преувеличение, но и через преуменьшение ее характеристик. Во-вторых, она

представляет собой серьезное оружие (или боеприпас) в руках стрелка, целящегося в определенный объект. В-третьих, карикатура – это боеприпас, так сказать, отравленный креативным ядом с целью уничтожения данного объекта по формуле «злом за зло».

Материалом анализа служат в статье факты ненормированного использования разрушительных карикатурно-комических приемов отечественных медиа прозападного характера в публичном дискурсе. Методология анализа базируется на историко-генетическом и герменевтическом подходах к материалу.

Результаты

Представляется важным определение степени онтологичности карикатуры не просто как приема (в данном случае писательского), а состояния сознания и духовного статус кво того, кто им пользуется, – субъекта-носителя. В карикатуре невооруженным глазом заметно его (субъекта) особое – пренебрежительное – отношение к бытию в целом. Очевидно, что для того, чтобы мастерски подтрунивать над действительностью, необходимо иметь соответствующий – иронический – склад личности. Ирония по определению есть притворство, за маской которого, как правило, скрывается весьма мятежная, ниспровергательская натура ее носителя. Вот что говорил об иронии Ф. Ницше: «Привычка к иронии <...> портит характер, она придает ему постепенно черту злорадного превосходства <...> начинаешь походить на злую собаку, которая, кусаясь, к тому же научилась смеяться» [9, с. 234]. А. Блок в статье 1908 года «Ирония» характеризует ее как болезнь, буйство, кощунство, результат опьянения, как симптом утраты человеческого в человеке [цит. по: 13, с. 78]. Рискнем предположить, что вовсе не изъяны какой-то конкретной общественно-исторической формации заставляли зубоскалить, скажем, Аристофана или Салтыкова-Щедрина, но их по-особому устроенный внутренний мир, почему-то принципиально не принимавший мир внешний. Думается, что от гипотетической перестановки эпох и перемещения в них указанных авторов мало бы что изменилось. Карикатурист-ироник не доволен миром вообще и собственным пребыванием в нем. Это весьма

специфическое мировоззрение сопровождало человечество во все времена, но точное фиксированное имя оно получило на рубеже старой и новой эр. Именно тогда на Ближнем Востоке и в Северной Африке приобрел огромную популярность феномен гностицизма, аккумулировавший гигантские объемы накопленной архаическим человечеством энергии негативизма. Она была унаследована гностиками от хранителей мрачных смертных культов Кибелы и Аттиса, Исиды и Астарты, Митры и Иштар, Молоха и Ваала. Заметим, что в I–III вв. указанные регионы не являлись какими-то задворками цивилизации, но, наоборот, были мощными экономическими, политическими и культурными центрами.

Гностицизм – это интеллектуально-мистическое учение, для которого было свойственно сугубо отрицательное отношение к миру как таковому. Все имевшие хождение в то время (период позднего эллинизма) разновидности гностицизма – от каинитов и офитов до мандеев и барбелитов [12] – отставляли точку зрения, согласно которой вселенная создается не настоящим Богом-творцом, а самозванцем-демиургом в компании с архонтами, рожденными по ошибке или случайно в результате космогонической драмы [10, с. 269]. Человек в гностической схеме – заложник данной ситуации, его участь незавидна, однако он получает надежду на спасение через обретение особого знания (гнозиса). Обладатели гнозиса (пневматики) стремятся во что бы то ни стало вырваться из-под опеки демиурга, в том числе и ценой ликвидации столь ненадежного мира со всеми его обитателями. Мир априори находится у гностиков на подозрении настолько, что признается иллюзией и наваждением.

Онтологически гностицизм есть скрупулезно разработанная концепция ошибочного космогенеза, фактически не имеющего под собой бытийного основания, то есть фикции. Космос, вселенная для гностиков – это плод недоразумения и сбоя божественной программы. Вот что говорится о мироздании в гностическом «Евангелии от Филиппа», одном из апокрифических текстов библиотеки Наг-Хаммади (Египет, IV в.), обнаруженной археологами в 1945 году: «Здесь свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие – не хороши,

и плохие – не плохи, и жизнь – не жизнь, и смерть – не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира – неразорванные, вечные» [2, с. 275]. Мир в их весьма запутанной системе рассуждений напоминает своего рода черновик, обреченный на принудительную негатацию, а не идеальная конструкция, нуждающаяся в заботе и защите. Более того, этот, как сказали бы сегодня, «фэйковый» мир – подделка до такой степени, что приходится констатировать его бездарную маргинальность и небытийность. Априори бытийно-дефицитарный мир, абсолютный онтологический ноль. Поэтому, например, такой исследователь гностицизма, как Г. Йонас видит в сложнейших гностических упражнениях на тему выявления «подлинной» структуры универсума банальный недружественный шарж [5, с. 199] в отношении ненавистного им Создателя. Так сказать, богоборческую инициативу, замаскированную под праведную жажду установления истинного положения вещей через разоблачение космической мегафальсификации. Иногда (как в случае с василидианами) гностики спекулятивно описывали до нескольких сотен эмпирически не идентифицируемых миров-зон ради того, чтобы доказать степень убогости и онтологической заброшенности нашей среды обитания [8, с. 199]. Согласно гностикам, между абсолютно трансцендентным Бытием и окружающим нас недобытием расположилась зияющая пропасть.

В окарикатуривании действительности гностиками слышится обида за непризнанное величие (гностики проиграли соперничество оптимистичному и жизнелюбивому христианству), которая свидетельствует о слабости и лицемерии представителей этого движения. Покушаясь на стабильность и рационалистическую выверенность структур бытия, они тем самым латентно мечтают об узурпации власти через хаотизацию витального универсума.

Вызывает тревогу, что гностический эксперимент не был окончательно прерван христианской миссией. В современных условиях особой подвижности либерально-постмодернистской парадигмы вновь делаются попытки реанимировать гностические релятивистские принципы, в частности, на платформе прозападных медиа. Пространство средств массовой информации сегодня все больше становится

похожим на полигон, где апробируются знакомые гностические стратегии, имеющие деформационно-филологическую специфику. Это выражается в деструктивных методологических установках некоторых одиозных журналистов и целых редакционных коллективов, исповедующих кредо – любой ценой внушить общественности «ненормальность» политического, экономического или социального порядка. С определенной долей уверенности можно, наверное, допустить гностический фундамент т. н. «оранжевых» внесистемных нонконформистских процессов, запускаемых в повседневность через СМИ, сотрудники которых в большинстве своем, вероятно, имеют жизнеотрицающую мировоззренческую установку.

Ненормированное использование разрушительных карикатурно-комических приемов до определенной поры было свойственно многим отечественным изданиям, что можно проследить даже по заголовкам публикаций, «творчески» переиначивающим стабильно-устойчивый порядок наличной действительности, не вдаваясь принципиально в содержание представляемых текстов. В качестве своего рода модульных лексических образцов сделаем ссылку на небольшую коллекцию заголовков с повышенной языковой игривостью, собранную петербургскими исследователями Е. В. Выровцевой и Е. А. Щегловой: «Нефтеубывающая отрасль», «Дорогу осилит дающий», «Министерия-буфф», «Государственный кремлевский творец», «Злой рок коснулся дорог» [3]. Из свежего отметим каламбурно-ехидные заголовочные комплексы «Коммерсанта», по инерции, исподволь продолжающего, на наш взгляд, дело гностической негации реальности ушедших в медийную тень в условиях СВО «Новой газеты», «Медузы» или «Эха Москвы» (*все три заблокированы Роскомнадзором на территории Российской Федерации). Расшатывающими ситуацию в стране выглядят формулировки коммерсантовских заголовков «Выборы доведут до СИЗО», «Из трейдеров выжимают дизель», «Импорту не хватило упрощений», «Хакеры идут на контракт», «Крым занял переговорную позицию», «Голодомор вычтут из памяти о репрессиях», «Мэрия Москвы защитила детей от ГИБДД», «Парк победы над генералами», «Все течет, все штрафуется» (примеры взяты с официального сайта издания). Следует, наверное, констатировать,

что подобный, наполненный сарказмом и скепсисом, стиль изъяснения с аудиторией, в каком-то смысле, является продолжением диссидентской литературно-публицистической практики позднесоветской эпохи, нацеленной на демонтаж государственной системы социализма за счет искусственного нагнетания уровня смеховости в медиаполе. Данный факт хорошо иллюстрирует мысль о том, что эпохи и культуры могут меняться сколь угодно часто, но подспудный гностический тренд, видимо, сохраняется при любых обстоятельствах как фактор дестабилизации и неопределенности. В этой связи, как представляется, нет существенной разницы в отношении к миру у тех же Синявского и Даниэля, Шпаликова, Мамлеева или Довлатова, с одной стороны, и Ю. Латыниной¹, Д. Быкова², Л. Парфенова или В. Уткина, с другой. В идейном общефилософском плане всех их может объединять строчка из песни Владимира Высоцкого «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята», в которой сфокусирован лейтмотив гностической доктринальности, что окружающая действительность есть изделие бракованное как таковое. Лейтмотив очень опасный, особенно с учетом широкого распространения и развития информационных технологий, позволяющих беспрепятственно продвигать в коммуникативном пространстве современного общества одновременно добро и зло, гуманизм и мизантропию, высокое и низкое, радость жизни и вечное недовольство ею.

Обсуждение и выводы

В заключение нужно сказать, что профессиональные мятежники и борцы за новый дивный мир всех мастей, заполнившие сегодня глобальный публичный дискурс, как правило, идут в своем отрицании реальности и неудовольствии мало-мальски сносными условиями существования до конца. Это, по всей видимости, может объясняться как ментально-психологическими (отсутствие твердого основания в мышлении, особая притягательность утопизма), так и религиозно-мировоззренческими (гностическая оптика) причинами. Гностицизм, изначально подвергший сомнению и осмеянию домостроительство божье, и сейчас, уже в не-

¹ Признана иноагентом на территории Российской Федерации.

² Признан иноагентом на территории Российской Федерации.

сколько модернизированных формах, к сожалению, все еще продолжает свою миссию нигилизации общественного сознания, что чревато трагическими последствиями. Остановить данную тревожную тенденцию – задача регламентирующих инстанций в любом государстве, сориентированном на историческую перспективу. Она может выражаться, в том числе, и в сдерживании стихии комического в информационном пространстве повседневности.

Список литературы

1. Айнутдинов А. С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 21. – С. 20–27.
2. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
3. Вырвцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Т. 43. – № 1. – 2021. – С. 31–40.
4. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Смех: социологический анализ. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
5. Йонас Ганс. Гностицизм. (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
6. Карасев Л. В. Философия смеха. – М.: Рос. гуманит. ун-т, 1996. – 224 с.
7. Козырев А. П. Соловьев и гностики. – М.: Изд. Савин С. А., 2007. – 544 с.
8. Николаев Ю. В поисках Божества. – К.: София, Ltd, 1995. – 400 с.
9. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов. – М.: Академический проект, 2020. – 328 с.
10. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1987. – 336 с.
11. Слободнюк С. Л. Дьяволы Серебряного века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). – СПб.: Алетейя, 1998. – 428 с.
12. Творения святого Епифания Кипрского. Часть первая: На восемьдесят ересей Панарий, или Ковчегъ. [Ереси 1–33] // Творения святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемая при Московской Духовной Академіи. – Т. 42. – М.: Типография В. Готье, 1863. – 386 с.
13. Хализев В. Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
14. Шестаков В. Карикатура: визуальный язык гротеска и пародии // Феноменология смеха: Карикатура, пародия, гротеск в современной культуре: Сб. ст. – М.: Российский институт культурологии, 2002. – С. 6–20.

Evgeny A. Tsukanov

Caricature as a Form of Gnostic Destruction of Being: Mass Media Aspect

The article attempts to substantiate the idea of the compatibility of ancient destructive teachings (in the form of Gnosticism) with modern media practices, which have adopted caricature as one of the varieties of comic, aimed at forced deformation of the image of reality. This statement of the problem, in the opinion of the author, can significantly deepen our ideas about the true nature of the media as a tool for combating not individual shortcomings of reality, but with reality itself, which is confirmed by the methodology used in the work based on historical, genetic and hermeneutical approaches to research.

Key words: laughter, comic, caricature, gnosticism, gnosis, being, reality, public discourse, mass media.

For citation: Tsukanov, A. E. (2024) Karikatura kak forma gnosticheskoy destrukcii bytiya: massmedijnyj aspekt [Caricature as a Form of Gnostic Destruction of Being: Mass Media Aspect]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 208–217. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_208. EDN: BHDWGV

References

1. Ajnutdinov, A. S. (2008) Tipologiya i funkcii karikatury v presse [Typology and functions of caricature in the press]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 21. Pp. 20–27. (In Russian).
2. Okulov, A. F. (1989) (ed.) *Apokrify drevnih hristian: Issledovanie, teksty, kommentarii* [Apocrypha of the Ancient Christians: Research, Texts, Comments]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).
3. Vyrovceva, E. V., SHCHeglova, E. A. (2021) YAzykovaya igra kak sredstvo komicheskogo v sovremennoy mediadiskurse [Language play as a means of comedy in modern media discourse]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk state university*. Vol. 43. No. 1. Pp. 31–40. (In Russian).
4. Dmitriev, A. V., Sychev, A. A. (2005) *Smekh: sociofilosofskij analiz* [Laughter: A Socio-Philosophical Analysis]. Moscow: Al'fa-M Publ. (In Russian).
5. Jonas, G. (1998) *Gnosticizm (Gnosticheskaya religiya)* [Gnosticism. (Gnostic religion)]. St. Petersburg: Lan' Publ. (In Russian).
6. Karasev, L. V. (1996) *Filosoftiya smekha* [Philosophy of Laughter]. Moscow: Ros. gumanit. un-t. (In Russian).
7. Kozyrev, A. P. (2007) *Solov'ev i gnostiki* [Soloviev and the Gnostics]. Moscow: Izd. Savin S. A. (In Russian).
8. Nikolaev, YU. V (1995) *V poiskah Bozhestva* [In Search of the Divine]. Kiev: Sofiya, Ltd. (In Russian).
9. Nicshe, F. (2020) *CHelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlya svobodnykh umov* [Human, All Too Human: A Book for Free Minds]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).
10. Svencickaya, I. S. (1987) *Ranee hristianstvo: stranicy istorii* [Early Christianity: Pages of History]. Moscow: Politizdat (In Russian).
11. Slobodnyuk, S. L. (1998) *D'yavoly Serebryanogo veka (drevnij gnosticizm i russkaya literatura 1890–1930 gg.)* [Devils of the Silver Age (Ancient Gnosticism and Russian Literature 1890–1930)]. St. Petersburg: Aletejya Publ. (In Russian).
12. Tvorenija svyatago Epifaniya Kiprskago. *CHast' pervaya: Na vosem'desyat" eresej Panarij, ili Kovcheg".* [Eresi 1–33] (1863) [The Works of Saint Epiphanius of Cyprus. Part One: On the Eighty Heresies Panarion, or Ark. Heresies 1–33]. *Tvorenija svyatykh" otcev" v" russ-*

kom" perevodn, izdavaemyya pri Moskovskoj Duhovnoj Akademii [Works of the Holy Fathers in Russian translation, published by the Moscow Theological Academy]. Vol. 42. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).

13. Halizev, V. E. (2000) *Teoriya literatury*. Ucheb. 2-e izd. [Theory of Literature. Textbook. 2nd edition]. Moscow: Vysshaya SHkola Publ. (In Russian).

14. SHestakov, V. (2002) *Karikatura: vizual'nyy yazyk groteska i parodii* [Caricature: the visual language of the grotesque and parody]. *Fenomenologiya smekha: Karikatura, parodiya, grotesk v sovremennoj kul'ture* [Phenomenology of laughter: Caricature, parody, grotesque in modern culture]. Collection of articles. Moscow: Rossijskij institut kul'turologii. Pp. 6–20. (In Russian).

Об авторе

Цуканов Евгений Александрович, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru; ORCID ID: 0009-0002-5743-3707

About the Author

Tsukanov Evgeny A., Associate Professor of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru; ORCID ID: 0009-0002-5743-3707

дата получения: 05.08.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 05 August 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова

«Уникальный и загадочный писатель»: Венедикт Ерофеев в биографическом исследовании Александра Сенкевича

Рецензия на книгу: Сенкевич А. Н. Венедикт Ерофеев: Человек нежданный. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 751 с.

В статье даётся характеристика биографического исследования А. Сенкевича о Венедикте Ерофееве. Подобные труды традиционно содержат материал трёх уровней: 1) характеристика эпохи и её отражения в произведениях писателя, 2) хронология жизни, встречи, бытовые и психологические подробности, преломлённые в творчестве, 3) собственно попытка осмысления художественного наследия. Размышление о личности Венедикта Ерофеева строится в исследовании ретроспективно, начиная с момента смерти писателя и трагичных последствий её в судьбах близких людей. Затем переходит к характеристике вхождения автора в литературную жизнь в эпоху оттепели, «времени надежд и воскрешения». В книге А. Сенкевича описывается духовный поиск писателя в нескольких религиозных традициях: в христианстве (в совокупности всех его конфессий), в исламе и буддизме; приводятся интересные свидетельства родственников, современников, почитателей таланта Ерофеева, что в итоге позволяет создать полноценное представление о писателе, при этом исследование не претендует на окончательные оценки.

Ключевые слова: творчество Венедикта Ерофеева, личность автора, поэма «Москва – Петушки», художественный мир.

Для цитирования: Данилова Н. К. «Уникальный и загадочный писатель»: Венедикт Ерофеев в биографическом исследовании Александра Сенкевича // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 220–228. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_220. EDN: CAAPRH

В 2020 году в серии ЖЗЛ вышла книга Александра Сенкевича о Венедикте Ерофееве, одном из самых интересных и непостижимых русских писателей второй половины XX века «Венедикт Ерофеев: Человек нежданный».

Автор поставил перед собой сложную задачу: уяснить, в чём уникальность личности человека, встреча с которым всегда событие жизни. Труд об образе жизни и творчестве Ерофеева воплотился в музыкальную форму с присутствующим сим-

фонии трёхчастным построением, что, по мысли А. Сенкевича, соответствует особенностям художественного мышления писателя (его «произведения по своему содержанию симфоничны»). И далее не раз будет повторяться мысль о сложности выделения фактов из мифологии, сложности определения жанра книги, сложности выбора литературоведческого подхода к анализу текста. Сенкевич называет труды предшественников, выделяя серьёзные литературоведческие исследования и работы, произведшие на него особенное впечатление, среди них воспоминания, беседы и размышления художника Николая Ковалёва. Так определяется единственно возможный подход к постижению удивительного феномена.

Исследования подобного плана предполагают три тематических пласта. Это характеристика эпохи – исторического и культурного контекста, в котором формируется личность и возрастает талант (в данном случае 1960–е, 1970–е годы); это биография писателя со всеми подробностями быта и личной жизни и, наконец, характеристика творчества, попытка осмыслить особенности художественного мира, созданного автором. Все названные планы присутствуют в книге А. Сенкевича, но благодаря музыкальной композиции они не разведены, а соприкасаются, переплетаются, взаимодействуют друг с другом, перемежаясь воспоминаниями, отступлениями, характеристиками. Автор часто возвращается к каким-то людям, фактам, событиям. При этом иногда текст перегружен частностями и цитатами, загромождающими картину. Насколько, например, показательны отсылки к частному мнению А. Собчака перед встречей с Ерофеевым?

Размышление о личности Венедикта Ерофеева начинается с конца – с момента смерти и трагичных последствий её в судьбах близких людей: многие ушли вслед за ним. Затем переходит к характеристике вхождения автора в литературную жизнь в эпоху оттепели, «времени надежд и воскрешения». Но, как отмечает Сенкевич, прекраснодушные мечтания не сбылись, молодые писатели были оттеснены на обочину литературной жизни. Они выросли, романтическая фронда уходила, пришел нонконформизм. Их спасало чтение книг, запрещённой литературы – они искали тех авторов, которых не изучали в вузах. В кругу ерофеевских друзей–

интеллектуалов ценилась духовная свобода, царила высокая духовность и беспощадная ирония. Так складывалось особое настроение мирочувствования эпохи.

Интеллектуальное общение и духовную поддержку в ранние студенческие годы писатель находил в семье друга, Владимира Муравьёва (известного переводчика с английского), в чьем окружении были Е. Мелетинский, Г. Померанц. На протяжении многих лет друзья встречались не часто, но «основательно», обсуждали запретные темы.

По мнению А. Сенкевича, В. Ерофеев не был близок шестидесятникам и оставил очень резкие суждения о собратях по перу. Для него не существовало авторитетов – это форма освобождения от штампов чужого мнения. Но такой максимализм требований приводил и к одиночеству, оно было не в тягость, приносило вдохновение. Сенкевич отмечает черты пародии на творчество шестидесятников в «Петушках». Оговаривается, что В. Ерофеев не был с диссидентами, так как они не музыкальны, их голоса не создают гармонии. И, в свою очередь, сам не был понят диссидентами.

Следующая эпоха, 1970–е годы, также вызывает отторжение у В. Ерофеева (заметим, и у автора, пишущего о нём). Здесь говорится о том, что советская творческая интеллигенция сплюснулась под прессом идеологической цензуры и лишилась духовной самостоятельности. Осталась малая толика авторов, не поддавшихся давлению, среди них В. Высоцкий, В. Ерофеев, наделённые внутренней и внешней свободой. Свобода как проявление человеческой сущности представляла у В. Ерофеева смысл жизни и творчества.

Завершается первый раздел размышлениями о главной книге В. Ерофеева – поэме «Москва – Петушки». А. Сенкевич сразу отвергает не только прямолинейные параллели автора и героя поэмы (Ерофеев со временем превратился в персонажа легенды), но и восприятие книги как дерзкой антисоветской прокламации, что больно задевало В. Ерофеева.

Первый, поверхностный, смысл поэмы – отражение, неожиданное и беспощадное, советской повседневности, существующей в массовом сознании поколения как привычный и единственно правильный образ жизни. Более глубокое толкование предполагает, что речь идёт о национальном

культурно-психологическом типе, о русском человеке, о его незлобivosti, вольнолюбии и одновременно дикости, своеобразии и взрывном характере. (Попутно отмечается, что у самого В. Ерофеева, несмотря на зависимость, не было алкогольной деградации личности).

По словам А. Сенкевича, чтобы проникнуть в потаённые смыслы, нужно обратиться к иным сферам, в частности, к музыке. Так заявлено, что проза Ерофеева соответствует музыкальным канонам. Музыка выводит из хаоса современности, позволяет сохранить в себе чистоту ребёнка. Отмечено, что такое толкование восходит к даосизму. Далее автор переходит к характеристике буддийских понятий: писатель находился в своей нирване вне всех возможных форм сансарного существования (круговорота рождения и смерти). Требуются немалые усилия, чтобы достичь вожделенной цели. Затем А. Сенкевич раскрывает влияние христианства на восприятие писателем бытия. Так или иначе, возникает вечный вопрос человека разумного: зачем мы здесь? Человек взывает истины, она не даётся в готовом логическом виде, а обретается путём, самой жизнью. Свой страдающий взгляд на обычного человека В. Ерофеев противопоставил взгляду умозрительному. Само писательство возникло у Ерофеева как желание знать о жизни как можно больше. В даосизме очевидное предстаёт самой большой загадкой.

В следующем разделе подробно излагается биография В. Ерофеева. Подчеркивается особая привязанность к России и Кольскому полуострову. Просторы России рождают внутреннюю ширь и духовную свободу. Род Ерофеевых велик, описание начинается с деда – Василия Константиновича Ерофеева, небогатого, но крепкого крестьянина, далее оно перемежается устными рассказами с сомнительной достоверностью. Такие истории сочинял и сам Ерофеев. Жизнь рода была включена в историю страны, вместе со всеми Ерофеевы пережили репрессии, войну и другие потрясения. Несмотря на тяготы жизни, своё довоенное детство в семье вспоминали тепло. Книг не было, читали отрывной календарь, который Веня, будущий писатель, знал наизусть. Поразительную память он сохранил и в зрелом возрасте. Следом были страдания военных лет, но именно в эти годы ребёнок Ерофеев приохотился к литературе.

Шесть лет пребывания в детском доме после ареста отца выявили и закалили в тихом ребёнке стойкость характера, он не хотел быть как все и таким не был. Заполярье сохранилось в памяти как уголок свободы.

Эта особенность натуры проявилась и в годы учёбы в МГУ: читал только те книги, которые выбирал сам, поэтому обучение скоро завершилось. А. Сенкевич отмечает, что Ерофеева не увлекали даже самые интересные лекции лучших профессоров МГУ, и пытается объяснить этот факт: «Все эти люди из далёкого прошлого, конечно, задавали тон интеллектуальной жизни на факультете, но некоторую политическую осмотрительность всё-таки сохраняли. И, разумеется, избегали прямых и откровенных дискуссий со студентами». Такая охранительная позиция не устраивала требовательного студента. Тогда же в жизни В. Ерофеева случился значительный кризис, объяснение которому пытались дать и современники писателя, и литературоведы последующих эпох. В качестве причин назывались и Москва с её шумной жизнью, возможно, конфликт с военной кафедрой, и смерть отца, перед которым он чувствовал вину, и общее тягостное ощущение бытия. «Венедикт Ерофеев осознал, что в стране неограниченных человеческих и природных возможностей создаётся несправедливая и постылая жизнь». Он выбирает свою дорогу – писательскую одиссею. «Пришло время осмыслить прожитое. Да настолько основательно и художественно убедительно, чтобы его чувства и мысли нашли отклик у других людей».

Бросив МГУ, продолжал много читать, составлял для родных списки чтения, почувствовал желание учительствовать (отсюда Орехово-Зуевский пединститут). А. Сенкевич довольно подробно излагает перипетии студенческой жизни писателя в общежитии, его подчас запутанные связи с девушками, любовь. На удивление, писателю удалось в этих передрягах сохранить чистоту души. По мнению исследователя, все впечатления от людей и событий воплотятся в образах его будущих сочинений.

Не всегда поступки человека поддаются простым толкованиям. А. Сенкевич порой прибегает к нестандартным объяснениям событий в жизни В. Ерофеева. Так, например, верная любовь к Юлии Руновой интерпретируется как некая трансформация нежного чувства к ранее умершей женщине.

Параллельно с учёбой приходилось тяжёлым трудом зарабатывать на хлеб. Оставив институт, с обречённой бесприютностью продолжает движение. Продолжается чтение философских трудов от Средневековья до современности, осмысление книг и бытия. В. Ерофеев захвачен глобальными вопросами, в том числе, о жизни и смерти, о Боге и вере. Богодухновенные книги христианства учили любви к ближнему. Государство же, презиращее духовную жизнь человека, создаёт на земле ад, даже если «золотые горы» становятся явью. Выход – уйти в одиночество или изменить ценностные приоритеты.

Затем речь идёт о недолгом обучении во Владимирском пединституте. Для окружающих В. Ерофеева людей оно осталось незабываемым событием, все становились почитателями его мыслей, его обаяния. В нестандартном вызывающем поведении «свиты» В. Ерофеева А. Сенкевич видит вызов, противодействие системе, подавляющей человека. Детально описано, как институтское начальство организовало травлю неугодного студента. Посторонние люди беззастенчиво вторгались в личную жизнь человека. Правда, тут же справедливо отмечено, что «гонители» не были исключительно плохими людьми, им было совсем нелегко с такими неуёмными студентами.

Самое сложное, очевидно, передать особенности личной жизни человека, тем более такого, как Ерофеев, и его отношений с женщинами.

Как ответить на вопрос: на чём возрастал литературный дар Ерофеева? В его художественных текстах «неправдоподобно наложились друг на друга жизненные неурядицы бездомного и спивающегося бродяги и обширные познания интеллектуала, разносторонне осведомлённого в истории мировой литературы».

А. Сенкевич опять возвращается к духовной сфере личности. Ответы на нравственно-этические вопросы писатель искал в нескольких религиозных традициях: в христианстве (в совокупности всех его конфессий), в исламе и буддизме, оставаясь при этом человеком русской идентификации. Подчёркивается, что Ерофеев не находил духовного удовлетворения в разговорах с интеллектуальным окружением.

Особая проблема – талант и пьянство. Известно, что многие известные писатели были склонны к злоупотреблению (здесь

приводится основательный список имён). Делается парадоксальный вывод: писателей от заурядных пьяниц отличает страсть к созиданию, хотя конечный результат мало различается.

Ерофеев, по словам А. Сенкевича, абсолютно лишён амбиций и политических, и каких-либо иных. Писательство для него было «естественным биологическим процессом». Его герои привлекательны в своём незамысловатом поведении, они не боятся выглядеть нелепыми и смешными, они ни на что не претендуют. И не завистливы, как создавший их писатель. В литературе ещё не было жизнеописания пропавшего человека. Путешествие героя метафорично: из Москвы, олицетворяющей власть государства, в новое пространство – туда, где тленное преобразуется в духовное. Город Петушки становится недостижимым мифическим местом. Простота стиля поэмы трактуется как следствие значительной духовной высоты. А опорой для духа стало Евангелие.

Упомянув трагедию В. Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» с её сатирой на советскую идеологию, А. Сенкевич попутно отмечает упреки в антисемитизме, которые обрушились на писателя. Далее он пытается охарактеризовать лирический и скрытый философский содержательный план пьесы.

Завершается второй раздел воспоминаниями сына писателя. Трогательным выглядит рассказ Ерофеева-младшего о своём отце. В нём повторяются события, уже изложенные ранее, но пережитые и перечувствованные по-другому. В таком взгляде абсолютно нет лакировки и злонамеренных оговоров. Создаётся сложный образ писателя, такой, наверно, понравился бы самому Ерофееву.

А. Сенкевич с горечью отмечает, что за время, прошедшее со дня смерти В. Ерофеева, мало, если не сказать совсем, не изменилось восприятие личности и творчества писателя. В размышлениях о судьбе Ерофеева автор обращается к философским установкам Сиддхартхи Гаутамы Будды. Он считает, что Ерофеев и Будда совпадают в ощущениях нескончаемого и мучительного страдания, где каждый день – «накопление чудовищных горечей без видимых причин», а также в том, что оба объявили о разрыве с прежним духовным миром с ложной идеологией, в рассуждениях о вреде эго.

Далее исследователь выстраивает возможные линии традидий, которым следует писатель, причём линии длинные, они захватывают произведения русской и зарубежной литературы. Ожидаемо тут оказываются Гоголь, Радищев, Зощенко, Свифт, Сервантес, Стерн, неожиданно – Козьма Прутков, Рабле, Кафка, Гамсун.

«На последнее десятилетие земного существования Венедикта Ерофеева падает ответ евангельских событий», – считает А. Сенкевич. В конце подробно описаны события последних лет: поездка на Север, прощание с братом, водный поход, наконец-то заслуженное признание. Писатель «увядал» в компании восторженных поклонников. За год до смерти стал членом Литфонда Союза писателей.

Завершается исследование толкованием имени Венедикт – на латыни благословенный, призванный Господом на благие дела.

Natalia K. Danilova

"A Unique and Mysterious Writer": Venedikt Erofeev in a Biographical Study of Alexander Senkevich

Book review: Senkevich, A. N. (2020) *Venedikt Erofeev: Chelovek nezdeshniy* [Venedikt Erofeev: A Man from Nowhere]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.

The article provides a description of A. Senkevich's biographical study of Venedikt Erofeev. Such works traditionally contain material on three levels: 1) a description of the era and its reflection in the writer's works, 2) a chronology of life, meetings and psychological details, refracted in his work, 3) an actual attempt to comprehend the artistic heritage. Reflection on the personality of Venedikt Erofeev is built in the study retrospectively. It begins with the moment of the writer's death and the tragic consequences in the destinies of loved ones. Then it moves on to a description of the author's entry into literary life during the Thaw, "a time of hope and resurrection." A. Senkevich's book describes the writer's spiritual search in several religious traditions: Christianity, Islam and Buddhism. The book provides interesting testimonies from relatives, contemporaries, and admirers of Erofeev's talent. As a result, the author creates a complete picture of the writer, but does not claim to make final assessments.

Key words: the works of Venedikt Erofeev, the author's personality, the poem "Moscow – Petushki", the artistic world.

For citation: Danilova, N. K. (2024) «Unikal'nyj i zagadochnyj pisatel'»: Venedikt Erofeev v biograficheskom issledovanii Aleksandra Senkevicha [“A Unique and Mysterious Writer”: Venedikt Erofeev in a Biographical Study of Alexander Senkevich]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 220–228. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_220. EDN: CAAPRH

Об авторе

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

About the Author

Danilova Natalia K., Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

дата получения: 05.06.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 05 June 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024

Примеры оформления библиографического описания различных источников

Монография

- Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. – СПб.: ИРЛИ РАН; Полиграф, 2021. – 432 с. EDN: VMHZME

Книга под редакцией

- Письма А. П. Чехова. 1–6 т. / Под ред. М. П. Чеховой. – М.: Книгоиздательство писателей, 1912–1916. EDN: ABCDEF

Статья в журнале (с указанием DOI)

- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: IKSZXJ

Статья в сборнике трудов конференции

- Жуков А. В. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII Международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 371–379. EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сб. науч. ст. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574. EDN: ABCDEF

Монография на иностранном языке

- Durand R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. – Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. – 386 p.
- Jeffris L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. – London: Continuum, 2010. – 150 p.

Статья в журнале на иностранном языке

- Ralph M. Balthasar and Speyr: First Steps in a Discernment of Spirits // Angelicum. – 2014. – Vol. 91. – No. 2 – Pp. 273–302.

Примеры описания постраничных сносок

Интернет-ресурсы

- Адамов А. Ветвь // Слово/Word. – 2013. – № 78. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8iil1701490013> (дата обращения: 01.07.2022).
- Трубецкая Н. А. Вера Анатольевна Пушкина (Константинович): к неизвестным страницам биографий представителей рода Пушкиных // Музеумания. Электронный ресурс. URL: https://muzeumania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=l7nc2do7fp72375959#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

Интернет ресурсы на иностранном языке

- Clubfoot. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (accessed 20 June 2022).

Нормативные правовые акты

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

- Русский язык. 8 класс: учеб. / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская, А. Г. Нарушевич. – М.: Просвещение, 2017. 223 с.
- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

- Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиointerview (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 181 с.

- Сотова И. А. Теория и практика самоконтроля в письменной речевой деятельности школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 47 с.

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) Transliteraciya zagolovka stat'i [Translation of the headline of the article]. Transliteraciya nazvaniya istochnika – Translation of the headline of the source. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) Transliteraciya nazvaniya knigi [Translation of the headline of the book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russian).

Примеры оформления References

Монография

- Grodeckaya, A. G. (2021) *Goncharov v literaturnom dome Majkovykh. 1830–1840-e gody* [Goncharov in the Maikov literary house. 1830–1840s / rev. Ed. A. Yu. Balakin]. St. Petersburg: Institute of Russian Literature RAS; Poligraf. (In Russian). EDN: VMHZME

Статья в журнале

- Kilina, L. F., Sokolova, A. (2022) *Feminitivy s suffiksom -ih(a) v tekstah XVIII–XX vv.: korpusnoe issledovanie* [Feminitives with the suffix -ih(a) in the texts of the 18th–20th centuries: a corpus study]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. No. 1. Pp. 85–105. (In Russian). EDN: GNFCJS

Статья в сборнике трудов конференции

- Zhukov, A. V. (2018) *O potencial'nosti frazeologicheskikh edinic* [On the potentiality of phraseological units]. *Pushkinskie chteniya-2018. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2018. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXIII International Scientific Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 371–379. (In Russian). EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Muchnik, KH. (2010) «Rakovyy korpus»: Sud'ba i vina [“Cancer Ward”: Fate and Guilt]. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008]. Moscow: Russkiy put' Publ. Pp. 558–574. (In Russian). EDN: ABCDEF

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенным в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/art-logos/avtoram-5>

Материалы, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо направить на e-mail главного редактора art.logos@lengu.ru

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (28)
2024

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1980

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru